

ЗАЩИТИ РЕБЁНКА!

Близкая беда

Когда в семье небезопасно...

КАК СВЯЗАНЫ ВИЧ И БЕСПРИЗОРНОСТЬ? ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ИНЦЕСТ?
ПОЧЕМУ АМЕРИКАНЦЫ ВОЗВРАЩАЮТ УСЫНОВЛЕННЫХ ИЗ РОССИИ ДЕТЕЙ?
БИТЬ РЕБЁНКА — НАКАЗАНИЕ ИЛИ НАСИЛИЕ? ПОЧЕМУ НЕ НАХОДЯТ
ПРОПАВШИХ ДЕТЕЙ? КАК ЗАСТАВИТЬ ПЛАТИТЬ АЛИМЕНТЫ?

Каждый неравнодушный может изменить мир

Дорогой читатель!

Этот выпуск «Защити ребёнка!» вызвал, как мне поначалу показалось, всегдашнюю грусть. Однако чем больше я перечитывала его материалы, тем сильнее в них чувствовалась новая, сильная, оптимистическая нота... И почему-то захотелось не только продолжать заслуженную критику властей, а ещё и прислушаться к этой ноте, к новой мелодии в нашем хоре.

Похоже, всем надоело просить у власть имущих помощи, сочувствия, поддержки, на которые те, кого мы защищаем, имеют полное право рассчитывать. Да и реакция на просьбы — не на бумаге, а в реальных делах — обычно по эффективности приближается к нулю. Но вдруг оказалось, что этот номер журнала буквально ломится от наших собственных вполне реально осуществляемых инициатив!

Например, наша любимая общественная организация «Центр лечебной педагогики» вместе со своими умными, целеустремлёнными, опытными юристами приобрела за 20 лет волонтерства такую силу, компетентность и доказательность, что благодаря их вмешательству суд отклонил иск органа опеки о признании недееспособными двух молодых людей-сирот, проживавших в Доме милосердия матери Терезы Калькуттской. И убеждать суд не пришлось, хотя сложившаяся практика, увы, такова, что подростков обычно молниеносно переводят в ПНИ. К этой победе приложили руку и многие другие волонтеры (с. 9). Обнаруженная нота смелости и достоинства звучит громко и красиво! Другой пример быстрого и, главное, самостоятельного реагирования общества — срочная самоорганизация содружества волонтеров «Поиск пропавших детей» (с. 11). Официальная статистика пропаж чудовищна: 48 детей теряется ежедневно, и каждый десятый ребёнок не находится никогда! Официальных ресурсов для их спасения явно недостаточно. И молодые люди, махнув рукой на полицию, прокуратуру и МЧС, с военной скоростью набирают команды и ищут детей сами. Глядя на них, может быть, и власти устыдятся и раскошелятся на достойное техническое обеспечение борьбы за детские жизни... А нет — так в дело включится полстраны и не позволит детям гибнуть! Мы изживем траурные ноты.

А вот ещё неожиданно возникший пример добра по собственной инициативе, в ущерб собственному свободному времени. Речь — о районных судьях Липецкой области. Все знают, какое море судебных дел они рассматривают ежедневно, обычно работая с перегрузкой. Тем не менее, без всякой команды сверху в День защиты детей они приглашают на природу проблемные семьи с детьми (с. 20), усаживают за вкусный стол, дарят сладости детям и полезные и красивые вещи родителям и подросткам, поют и шутят. Заметьте, это не должностные обязанности, и в данном случае судьи выступают волонтерами: поддержали и согрели тех, кто давно уже не мечтал о такой чуткости. И оркестром победы над неуверенностью в себе и обретения самоуважения хочется завершить наш «музыкальный концерт» возрождения каждого из нас. Заканчивая своё обращение, лишь отошлю читателя к статье Тамары Черемновой (с. 16) — нашего давнего друга, сотрудника, инвалида-колясочника, добившейся почти невозможного и ставшей известным в России писателем, членом Союза писателей. Там вы найдёте ещё одну смелую инициативу, которая может изменить жизнь многих детей-инвалидов.

Главный редактор **Галина Борисовна Рыбчинская**

Ежеквартальное издание
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-39907 от 21 мая 2010 г.

Главный редактор
Г. Рыбчинская

Зам. главного редактора
М. Кузьмицкая

Редколлегия

Э. Памфилова
председатель Всероссийского
союза общественных объединений,
действующих в интересах детей,
«Гражданское общество — детям России»

В. Зубенко
начальник Управления по правам
ребёнка при Уполномоченном
по правам человека в РФ

Б. Альтшулер
председатель правления РОО «Право
ребёнка», член Общественной палаты РФ

М. Гордеева
председатель правления Фонда
поддержки детей, находящихся в трудной
жизненной ситуации

А. Головань
исполнительный директор
Благотворительного центра «Соучастие
в судьбе», советник сенатора
З. Драгункиной по работе
в Совете Федерации

Е. Воронова
судья Ростовского областного суда

Т. Алексева
начальник отдела аппарата
Уполномоченного при Президенте РФ
по правам ребёнка

Е. Бунимович
Уполномоченный по правам ребёнка
в г. Москве

литературные редакторы
Е. Фортуна, М. Кригер
корректор
А. Безлепкина
дизайн и вёрстка
**Благотворительный фонд
«Родные люди»**

ПИШИТЕ НАМ:

117437, Москва,
Профсоюзная ул., 116-3-31

pr0tect@inbox.ru
protectachild@yandex.ru

Тел.: (495) 336-93-23, (495) 778-67-87
www.protectachild.ru

Отпечатано в типографии
«ЭксПресс»

Подписной индекс **37298** по каталогу Роспечати

Срок публикации присылаемых материалов не оговаривается.
Принимаются к публикации и приветствуются детские рисунки с указанием фамилии, имени и возраста ребёнка. С благодарностью примем фотографии, сделанные детьми или взрослыми, и, если позволит качество, используем их для иллюстрации статей, подходящих по тематике.
Мнение редакции может не совпадать с мнением, высказанным автором.

ЗАЩИТИ РЕБЁНКА!

№3, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕЙ

К 90-летию Андрея Сахарова..... 2

Важнейшие проблемы детства по-прежнему не решены

Борис Альтшулер 3

НА ПУЛЬСЕ ПЕРЕМЕН

Новости..... 5

МЫ ОТВЕТСТВЕННЫ ЗА ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ

Дети улиц и ВИЧ

Алиса Аржевская..... 6

Почему не надо поднимать иммунитет?

Владимир Мищенко 47

РАВНЫЕ ЛИ ВОЗМОЖНОСТИ?

Милосердие против «недееспособности»

РОО «Центр лечебной педагогики» 9

Неформальное разбирательство

Валерий Панюшкин 10

Президент на планете ДЦП

Алексей Карлов 15

Инклюзия: уроки толерантности

Тамара Черемнова 16

БЕЗОПАСНОСТЬ

Найди меня!

Дмитрий Второв, Александр Тёмин 11

Безопасность от Бяки и Буки

Эльмира Васильева 32

Где начинается инцест?

Элеонора Качанова 32

ЮВЕНАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЙСТВИИ

«Школа родителей»: ещё один шанс

Ирина Бенсман 13

Один День защиты детей

Марина Соседова 20

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕТИ

Работа после детдома: найти и удержать

Екатерина Селенина 22

От одинокой мамы — к счастливой семье

Екатерина Селенина 37

Педагогическая утопия

Валерий Панюшкин 39

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Алиментарные вопросы

Марина Соседова 24

НЕТ — ЖЕСТОКОСТИ К ДЕТЯМ!

Бить или не бить?

Людмила Петрановская 26

ДЕТСКИЙ МИР

Творите с нами — творите как мы!

Студия «Изопарк» 29

УСЫНОВЛЕНИЕ

Вернуться к началу

Ирина Ромина 40

Чей дом богаче?

Ирина Тумакова 44

Любовь не лечится

Анна Рудницкая 48

Про детей, которых взяли и вернули американцы

Людмила Петрановская 51

НУЖЕН ПСИХОЛОГ

И у меня на это сто причин...

Александра Барсукова 52

ЛИТЕРАТУРА

Моя сестра Жизнь

Неля Губочкина 55

К 90-летию Андрея Сахарова

ФОТО: ЮРИЙ РОСТ

В мае исполнилось 90 лет со дня рождения **Андрея Дмитриевича Сахарова (21.05.1921–14.12.1989)**, одного из самых ярких учёных и общественных деятелей XX века. Сахаров получил всемирную известность как физик-теоретик, конструктор, создатель советской водородной бомбы и лауреат Нобелевской премии мира (1975). Сегодня, говоря о наследии Сахарова, мы вспоминаем не только важнейшие открытия, сделанные им в области ядерной физики, но и его поистине неоценимый вклад в правозащитную сферу.

Андрей Дмитриевич Сахаров родился в 1921 году в семье известного педагога, автора учебников физики. В 1950–1968 годах Сахаров работает в ядерном центре «Арзамас-16», где в 1953 году становится одним из создателей водородной бомбы. Сахарову принадлежат труды по магнитной гидродинамике, физике плазмы, управляемому термоядерному синтезу, элементарным частицам, астрофизике, гравитации. С конца 50-х годов Сахаров начинает активно выступать за прекращение испытаний ядерного оружия. С конца 60-х — начала 70-х годов Андрей Дмитриевич — один из лидеров правозащитного движения.

Публикация работы «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968), в которой академик рассмотрел угрозы человечеству, связанные с его разобщённостью, противостоянием

социалистических и капиталистических систем, послужила поводом для отстранения Сахарова от секретных работ. В 1975 году А. Д. Сахарову была присуждена Нобелевская премия мира. В 1980 году из-за протеста против ввода войск в Афганистан Сахаров был лишён всех государственных наград (Герой Социалистического Труда (1954, 1956, 1962), Ленинская премия (1956), Государственная премия СССР (1953)) и сослан в город Горький, где продолжал правозащитную деятельность. Возвращён из ссылки в 1986 году.

В 1989 году Андрей Сахаров был избран народным депутатом СССР; предложил проект новой конституции страны. В 1988 году Европейским парламентом учреждена Международная премия имени Андрея Сахарова за гуманитарную деятельность в области прав человека.

Важнейшие проблемы детства по-прежнему не решены

Борис Альтшулер

старший научный сотрудник отделения теоретической физики ФИАН, руководитель РОО «Право ребёнка», член Московской Хельсинкской группы, член Общественной палаты Российской Федерации

Главная идея общественного наследия Сахарова проста: опасны любые идеологии и социально-экономические реформы, если в жертву им приносятся живые люди. Сегодня Россия вошла в полосу коммерциализации жизненно важных сфер, приведшей к монополю на вздутым ценам на самое насущное: питание, жильё, детский досуг. Это, в свою очередь, привело к тому, что многие семьи с детьми попали в очень тяжёлое материальное положение. Следствием подобной социальной политики стало катастрофическое сокращение детского населения России. За период с 2003 по 2009 год число детей в нашей стране сократилось на 5 миллионов, дойдя до отметки 25 981 000; в 1998 году число школьников равнялось 22 миллионам, а в 2010–2011 учебном годах — 12,8 миллиона. Определённый успех «материнского капитала» — детей от 0 до 4 лет сегодня на миллион больше, чем 5 лет назад — наглядно показывает социально-экономические корни демографического кризиса современной России. Если даже такая помощь даёт эффект, значит люди действительно нуждаются в самом насущном и необходимом.

В последние годы социально-экономический спад в стране несколько замедлился, но при этом растёт позорная очередь в детские сады (на сегодня число очередников превышает уже 2 миллиона), стабильно работает «фабрика сиротства» органов опеки и попечительства, «выявляя» ежегодно более 100 тысяч новых сирот (около 300 в день). Параллельно происходит стремительное старение населения (согласно последнему докладу ВОЗ, средняя продолжительность жизни мужчин в России — 62 года, женщин — 74 года, тогда как в США 76 и 81 соответственно), сокращение его трудоспособной части. Согласно прогнозам Росстата, с 2011 по 2020 год население трудоспособного

возраста может сократиться в РФ более чем на 20 миллионов человек.

Очевидно, что все перечисленные факторы требуют безотлагательного вмешательства со стороны властных структур и гражданских инициативных групп. Как известно, Андрей Дмитриевич Сахаров, работая в правозащитной сфере, не только ставил вопросы, но и давал на них профессиональные ответы, намечал способы решения проблем. Продолжая эту гуманитарную традицию, общественные организации разработали ряд предложений в сфере защиты детства и семьи, тезисно изложенных ниже. Эти предложения были поддержаны в Общественной палате РФ, которая весной-летом этого года представила их Президенту и Правительству.

НАСУЩНЫЕ ТЕЗИСЫ

О жилье

Обстоятельства бездомных многодетных семей с тремя, пятью, семью детьми, зачастую не имеющих даже регистрации, выглядят особенно шокирующе на фоне пустующего, не реализуемого коммерческого жилья. Такое положение вещей — не только в Москве и Московской области, но и в отдалённых от центра регионах. Предлагается установить федеральным законом квоту, согласно которой 15–20% вводимого в строй жилья в обязательном порядке будет передаваться в муниципальные или региональные социальные жилищные фонды. На настоящий момент идея социального жилищного фонда противостоит Минрегионразвития России, сделавшее ставку на ипотеку, выгодную только узким заинтересованным группам.

О питании

Опыт развитых стран доказал эффективность «продовольственной

экономики для бедных». Для России сегодня главная проблема — диктатура монополистов-посредников, вздувающих цен на продукты первой необходимости. Суть наших предложений: многократное увеличение мощности продовольственных торговых площадок, уголовная ответственность за любые попытки ценового сговора и захвата рынков, целевые программы по развитию доступной для массового производителя инфраструктуры хранения и переработки продукции растениеводства и животноводства.

О преодолении массового разделения детей и родителей

Система социальной поддержки, существующая в России на сегодняшний день, весьма несовершенна. К примеру, социальная помощь и обслуживание на дому предусмотрены только для граждан пожилого возраста и инвалидов, одновременно подобные меры не рассчитаны на семьи с детьми-инвалидами. Российскую социальную систему необходимо переориентировать на помощь семье, направить на реабилитационную работу и оказание услуг по месту жительства. Необходимо также изменить карательную антисемейную установку Семейного кодекса РФ и ФЗ «Об опеке и попечительстве» и принять закон «О социальном патронате». Соответствующие законодательные предложения разработаны, но с ними категорически не согласно руководство Минздравсоцразвития России. Не проходит данная законодательная инициатива и в парламентском большинстве Госдумы, а также в Администрации Президента РФ — в Совете по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства.

О коренной реформе интернатной системы и выводе детей в социальную среду

В 2009 году в интернатах РФ постоянно находились 350 тысяч детей. Лишь 30% из них составляли сироты, остальные попали в детские интернатные учреждения благодаря тому, что их родители не справились с жизненными трудностями (в том числе и по причине отсутствия каких-либо помогающих услуг).

Альтернативой содержания детей в интернатах и приютах могло бы, наряду с традиционными формами семейного устройства, стать сопровождаемое специалистами профессиональное семейное воспитание. В регионах России такое семейное воспитание развивалось в течение 10 лет в форме патронатной семьи и семейных воспитательных групп, однако обобщение этого замечательного опыта в федеральном законодательстве было блокировано в 2008 году Госдумой и Минздравсоцразвития России.

Следуя примеру ряда стран, необходимо также установить законом предельную численность воспитанников интерната. Подобная мера, как показывает практика, даёт прекрасный социально-педагогический эффект. Так, в Словакии разделение крупных интернатов на учреждения численностью не более 7 человек привело к огромной экономии бюджетных

“Российскую социальную систему необходимо переориентировать на помощь семье, направить на реабилитационную работу и оказание услуг по месту жительства.”

средств (в первую очередь благодаря социализации воспитанников).

Об очередях в детские сады, оплате труда воспитателей ДОУ

Для решения проблемы детских садов надо строить новые здания, одновременно возвращая старые, ранее изъятые из этой системы. Важно также создавать механизмы бюджетного финансирования негосударственных инициатив в сфере дошкольного образования и ухода за детьми (например, создание на бюджетные средства семейных воспитательных групп в деревне, где ближайший детский сад за десятки километров).

Очевидно, что подобные меры, равно как и остро необходимое повышение зарплат сотрудников ДОУ, требуют определённых бюджетных вложений. И тут встаёт главный вопрос: где взять средства на столь масштабные перемены? Для того чтобы поднять зарплату примерно полумиллиону воспитателей детских садов России, скажем, на

10 тысяч рублей в месяц, потребуется 50–100 миллиардов рублей в год. При строительстве детского сада по типовому проекту стоимость нового места составляет 300–400 тысяч рублей, то есть при этом самом дорогом способе решения проблемы для создания ныне недостающих 2 миллионов мест потребуется 600–800 миллиардов рублей бюджетных денег. В то же время Олимпиада в Сочи в 2014 году предполагает затраты в 1,5 триллиона рублей, Чемпионат мира по футболу в 2018 году — не менее 1,5 триллиона рублей. Эти данные суммировало массовое Всероссийское движение РДДДО («Российским детям — доступное дошкольное образование»).

УРОКИ — В ЖИЗНЬ

Во всём мире насущные социальные проблемы решаются во многом благодаря воздействию и давлению гражданского общества. А. Д. Сахаров всей своей жизнью дал пример мощного цивилизованного ненасильственного влияния гражданского общества на власть. Сегодня вступило во взрослую жизнь постсоветское поколение молодых родителей, не обременённых комплексом пассивного ожидания вышестоящих решений, и именно оно готово к воплощению уроков Сахарова в жизнь. На повышение гражданской активности общества влияет также и так называемая интернет-демократия — развитие Интернета и социальных сетей.

Весной 1989 года Андрей Дмитриевич Сахаров сказал в одном из интервью: «Я верю, что в народе всегда сохраняются нравственные силы. В особенности я верю в то, что молодежь, которая в каждом поколении начинает жить как бы заново, способна занять высокую нравственную позицию. Речь идёт не столько о возрождении, сколько о том, что должна получить развитие находящаяся в каждом поколении и способная вновь и вновь разрастаться нравственная сила». И на это — вся надежда.

из воспоминаний об А. Д. Сахарове

Б. Альтшулер:

Главное впечатление от общения с Андреем Дмитриевичем я бы выразил одним словом: «интересно». Он всегда интересовался самой сутью вопроса. Разница в возрасте, в положении собеседника и т. п. — всё это было ему неважно. Чего в нём не было совсем — так это взрослого консерватизма. Он умел слушать, не перебивал. Если говорилось что-то дельное, то всерьёз и содержательно комментировал, на глупости почти никогда не возражал — просто молчал.

■ ■ ■

Андрей Дмитриевич практически никогда не спорил. Спор был ему неинтересен, а любой разговор он считал лишь способом выяснения истины. Что бы и кто бы ни говорил, он в это вникал. Видно было, что он как бы заново, «с чистой страницы», мгновенно переосмысливает свои собственные взгляды и представления, сверяя их с вновь поступившей информацией. А потом следовал некий суммирующий вывод по существу. Настаивать на своём только потому, что это была его точка зрения, для него было бы нелепо и противоестественно. Столь самокритично и диалектически мыслящих людей я больше никогда не встречал.

Дети разрушают стереотипы

19 июня 2011 года воспитанники Бобровского детского дома (Приморский район) встретились с участниками проекта «Российские дети с инвалидностью отстаивают свои права». Проект реализуется Архангельским региональным отделением Всероссийского общества глухих (ВОГ) в партнёрстве с РООИ «Перспектива» (Москва) при финансовой поддержке Евросоюза.

Молодые инвалиды Андрей Тихонов, Егор Шабакаев, Анна Мальцева провели для детей с инвалидностью и воспитанников детского дома тренинг на тему изменения стереотипов общества по отношению к людям с инвалидностью и сиротам.

Дети с инвалидностью и дети, вынужденные по разным причинам проживать в детских домах, на своём жизненном пути сталкиваются с проблемами, нередко рождёнными стереотипами окружающих. Цель тренинга — совместными усилиями разрушить их.

Андрей Тихонов, сотрудник проекта «Российские дети с инвалидностью отстаивают свои права»: «Часто люди, сосредотачиваясь на своём трудном положении, перестают замечать окружающих, которые также должны иметь волю жить каждый день. Дети с инвалидностью имеют склонность концентрироваться на своих физических недостатках и ошибочно полагают, что их ситуация наихудшая. Такие же мысли посещают и воспитанников детских домов. У тех и других есть опасность формирования иждивенческой и потребительской позиции. Общение между детьми с инвалидностью и детьми, проживающими в детских домах, призвано воспитать в ребятах соперничество и привести их к мысли, что у каждого есть шанс быть успешным».

«Каждому ребёнку нужен дом!»

В акции с таким названием, организованной Благотворительным фондом «Родительский мост» и студией «Остров Радуги», приняли участие более 300 петербуржцев.

В день, когда вся страна отмечает День семьи, любви и верности, любой мог подарить малышу, который так мечтает о семье, — пусть пока нереальный, но дом. Достаточно было взять у организаторов значок с именем ребёнка, который нуждается в помощи, наклеить его на домик и написать пожелание ребёнку или нарисовать картинку. В итоге на Малой Садовой улице Санкт-Петербурга вырос яркий и красочный городок — ведь каждый участник по-настоящему вкладывал душу и свои наилучшие пожелания малышу, чей значок вдруг оказался в его руках. Раскрашенные домики переданы в детские дома Санкт-Петербурга. Акция вызвала очень искренние чувства у петербуржцев — кто-то захотел оставить пожелание не для одного ребёнка. А кто-то унес значок с собой — чтобы задуматься о том, что дом нужен действительно каждому ребёнку!

А ходе акции петербуржцы пожертвовали 4 303 рубля 25 копеек, которые пойдут на реализацию программы «От отчаяния к надежде» фонда «Родительский мост».

Дети-инвалиды учатся отстаивать свои права

С 26 по 29 сентября 2011 года в рамках конференции «Инклюзивное образование для детей с ограниченными возможностями здоровья» (ЮНИСЕФ) прошёл Детский форум в рамках проекта «Российские дети с инвалидностью отстаивают свои права», организованный РООИ «Перспектива».

В нём приняли участие дети с инвалидностью из 5 регионов России (Архангельск, Самара, Калининград, Москва и Волгоград).

Цель форума — научить детей отстаивать свои права на самостоятельную жизнь. Ребята смогут быть лидерами и иметь активную жизненную позицию, писать и реализовывать микропроекты, а также работать со СМИ.

Участники форума познакомились с зарубежными экспертами в области инклюзивного образования из Англии и Италии и узнали о жизни и возможностях детей с инвалидностью в других странах.

Форум по защите детства: начало международного диалога

Более двухсот российских и американских экспертов приняли участие в Первом российско-американском форуме по защите детства на Байкале. Организаторами форума выступили: с российской стороны — правительство Республики Бурятия и Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, с американской — Министерство юстиции США, Агентство США по международному развитию и Американский союз профессионалов, борющихся против жестокого обращения с детьми.

Крупномасштабная встреча представителей российских правительственных и общественных организаций и их американских партнёров была посвящена обсуждению проблем и путей формирования национальных систем защиты детства, развития их инфраструктуры, а также решению актуальных вопросов. Это предупреждение жестокого обращения

с детьми, поддержка и реабилитация семьи, устройство детей-сирот, противодействие детской порнографии и проституции. Прозвучали выступления руководителей профильных организаций, а также ведущих экспертов по защите детства России и США. В рамках форума на круглом столе подгруппы по защите детства рабочей группы по гражданскому обществу Двусторонней президентской комиссии (Медведев — Обама) эксперты обсудили проблемы, возникающие при оказании помощи пропавшим и пострадавшим от насилия детям.

В ходе форума был выработан ряд рекомендаций, которые будут переданы правительствам РФ и США. А сам форум, объединивший представителей органов власти, гражданского общества, экспертов и практиков, положил начало активному международному диалогу по актуальным проблемам детского благополучия.

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

Дети улиц и ВИЧ

Алиса Аржевская

PR-директор организации «Врачи детям», г. Санкт-Петербург

По оценкам экспертов, в России насчитывается от одного до трёх миллионов уличных подростков, всерьёз рискующих заразиться ВИЧ. Ситуация, тяжёлая сама по себе, усугубляется отсутствием сколько-нибудь существенной информации по данному вопросу. Сбор материала о детях улицы, входящих в группу риска по ВИЧ, осуществлялся лишь единожды, в 2006 году в Санкт-Петербурге. Именно поэтому работа по сбору информации, проделанная членами организации «Врачи детям» в 2010–2011 годах, имеет огромное значение. Проект «Профилактика ВИЧ-инфекции среди уличных подростков» охватил восемь регионов России.

Согласно определению Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), термином «уличные дети» называют несовершеннолетних, постоянно живущих вне дома, семьи или интернатного учреждения, а также тех, кто сохраняет связь с семьёй, но большую часть времени проводит на улице. Несмотря на то что у многих детей данной группы есть родители, дома они не получают необходимого ухода и фактически являются социальными сиротами. В борьбе за выживание уличные подростки часто объединяются в социально опасные группировки, пытаются заработать деньги, выполняя некви-

фицированную работу или занимаясь попрошайничеством, употребляют наркотики и алкоголь, вступают в незащищённые половые связи. Одним из закономерных последствий данного образа жизни становится заражение детей ВИЧ.

По данным Федерального центра по профилактике и борьбе со СПИДом, в России на 31 декабря 2010 года официально зарегистрировано 589,6 тысячи случаев заражения ВИЧ. Более половины от этого числа — люди моложе 30 лет, а подростки, известные как «уличные дети», составляют в данном случае группу наибольшего риска.

ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одна из основных проблем, связанных с распространением ВИЧ среди несовершеннолетних, состоит в том, что информация об уличных детях, об их образе жизни недостаточна и разрозненна. Сбор данных серьёзно осложняется тем, что беспризорные подростки существуют в закрытой социальной группе, в которую не допускаются чужие — родители, учителя, представители органов опеки и правопорядка. Чтобы восполнить данный информационный вакуум, в июле 2010 года при финансовой поддержке Открытого института здоровья был запущен проект «Профилактика ВИЧ-инфекции среди уличных подростков в восьми регионах России».

Цель данного исследования состояла в изучении социально-демографических и поведенческих факторов,

влияющих на заражение ВИЧ-инфекцией в группе уличных подростков восьми регионов России. Дополнительно проект преследовал задачу определить уровень знаний целевой группы о ВИЧ-инфекции, доступность для уличных подростков различных видов помощи, а также уровень их информированности о том, где эту помощь можно получить.

ПОРЯДОК РАБОТЫ

Сбор информации проводился в несколько этапов. Сначала специалисты проекта выявляли наиболее популярные места (сайты) обитания уличных подростков в том или ином регионе. Потом из 15–30 найденных сайтов методом случайной выборки выделялись точки проведения опросов. В день исследования команда аутрич-работников и интервьюеров выезжала на выбранный сайт во время наибольшей его посещаемости. Аутрич-работники устанавливали контакт с подростками для предварительной оценки. Критерии включения в исследование были следующими: принадлежность к возрастной группе 15–19 лет, нахождение на улице без родителей, постоянное или периодическое проживание на улице, самоидентификация с уличной тусовкой, нерегулярное посещение или непосещение школы. Личные данные отобранных участников (ФИО и дата рождения) фиксировались в отдельной отчётности, по всем остальным документам исследования участник проходил под кодовым номером.

Отобранные для опроса в присутствии свидетеля давали устное согласие на участие, после чего отвечали на вопросы структурированного опросника. По окончании интервью всем подросткам предлагалась небольшая консультация по вопросам, связанным с профилактикой ВИЧ и снижением личного риска заражения. Каждый прошедший интервью подросток получал в качестве компенсации подарок — продукты, брошюры, презервативы.

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Главным итогом проекта стало опубликование факторов риска заражения ВИЧ-инфекцией среди уличных подростков в регионах с различным уровнем распространения ВИЧ и социально-демографической структурой: в Улан-Удэ, Томске, Казани, Оренбурге, Вологде, Нижнем Новгороде, Пскове и Санкт-Петербурге. Анализируя результаты, специалисты сравнивали полученные данные с результатами аналогичного опроса, проведённого в 2006 году на территории Санкт-Петербурга.

Пять лет назад собирательный образ питерского беспризорника выглядел следующим образом. 18–19 лет, отсутствие одного или обоих родителей, непосещение школы или иного учебного заведения более трёх лет, отсутствие постоянного места проживания, опыт проживания в детском доме, ранее выявленные инфекции, передающиеся половым путём, употребление инъекционных наркотиков, использование чужих шприцев, употребление стадола, героина, эфедрина и ингалянтов. Исследование 2011 года показало, что социально-демографические характеристики уличных подростков за прошедший период существенно изменились. Сегодня среди беспризорников преобладают несовершеннолетние 15–16 лет, практически отсутствуют дети, проживающие в подвалах или на чердаках и не посещающие

школу более трёх лет. Значительно меньше детей являются круглыми сиротами и имеют опыт проживания в детском доме. Однако наиболее существенные изменения, как выяснилось, произошли в вопросе инъекционного употребления наркотиков. Так, опрос показал, что в 2011 году среди уличных детей практически отсутствуют потребители инъекционных наркотиков (ПИН) — 4,2 % против 50,7 %. Следовательно, самый существенный фактор риска заражения ВИЧ, отмеченный в 2006 году, — использование чужих шприцев и употребление стадола, героина и эфедрина — уменьшился на порядок.

ФАКТОРЫ РИСКА

Одновременно исследование продемонстрировало, что риск заражения ВИЧ сексуальным путём остаётся по-прежнему высоким. Большинство уличных подростков начинают активную сексуальную жизнь в 14–15 лет и имеют в год от 2 до 5 половых партнёров, а 22 % подростков — более 6 партнёров в год. При этом безопасный секс по-прежнему не является постоянной практикой в данной среде: только 43 % респондентов сообщили о регулярном использовании презервативов. Следовательно, 57 % опрошенных относятся к группе, которая может служить мостиком для передачи ВИЧ-инфекции от ПИН в общую популяцию.

В последнем исследовании 1,8 % подростков сообщили, что им ранее уже был известен их ВИЧ-диагноз. В исследовании 2006 года количество ВИЧ-инфицированных в 2,3 раза превысило количество тех, кто знал о данном диагнозе: 16,0 % подростков были осведомлены о своей болезни, в то время как заражёнными оказались 37,4 % опрошенных. Это даёт основание предполагать, что в исследовании 2011 года в случае одновременного тестирования на ВИЧ-инфекцию реальный показатель распространённости ВИЧ в группе уличных подростков составил бы 4–6 %.

ИТОГИ И ПЛАНЫ

Положительные социально-демографические и поведенческие изменения среди уличных подростков могут быть результатом эффективной профилактики беспризорности и безнадзорности, а также профилактики рискованных форм поведения в этой целевой группе. Тем не менее, исследование показало, что необходимы дальнейшие усилия по социальной реабилитации беспризорных детей с целью их возвращения в семью или для подготовки к самостоятельному проживанию. При этом программы профилактики ВИЧ в этой целевой группе должны включать в первую очередь поведенческие компоненты; они должны быть направлены на развитие ответственного отношения к своей жизни в целом и сексуальной жизни в частности.

Помимо проведённого исследования, одной из реализованных задач проекта стало повышение потенциала региональных организаций, оказывающих социально-психологическую помощь уличным подросткам. В течение года сотрудниками организации «Врачи детям» было проведено 18 обучающих мероприятий для специалистов из 7 регионов РФ; переданы методические материалы по работе с детьми и семьями группы риска, а также 52 500 экземпляров профилактических брошюр для подростков.

**Вы можете использовать разработку организации «Врачи детям»
для проведения опросов и исследований в своём регионе**

ФОРМА ИНФОРМИРОВАННОГО СОГЛАСИЯ ДЛЯ УЧАСТИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ

Мы приглашаем тебя принять участие в исследовании, которое проводит _____ (регион)
_____ (организация).

Прежде чем ты примешь решение относительно своего участия в данном проекте, мы предлагаем тебе узнать подробнее о том, в чём заключается данное исследование и чем этот проект может помочь лично тебе. Также мы хотим проинформировать тебя о тех рисках, с которыми ты можешь столкнуться, если ты решишься участвовать в исследовании.

ДОБРОВОЛЬНОСТЬ УЧАСТИЯ

Прежде чем ты узнаешь подробнее об этом исследовании, ты должен(на) знать, что:

1. Твое участие в исследовании является абсолютно добровольным.
2. Ты можешь отказаться от участия в данном исследовании без каких-либо негативных последствий для себя.
3. Если ты решишь принять участие в исследовании, ты сможешь прекратить своё участие в любое время.

ЦЕЛИ И УЧАСТНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование направлено на изучение факторов риска заражения ВИЧ среди уличной молодёжи в регионе. В ходе данного исследования мы будем изучать особенности поведения, которые могут привести к риску заразиться ВИЧ-инфекцией. Нам важно, чтобы в исследовании приняли участие разные люди, даже те, которые считают, что у них нет ВИЧ.

В исследовании могут принять участие молодые люди в возрасте от 15 до 18 (включительно) лет обоего пола.

ПРОЦЕДУРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

После ознакомления с формой информированного согласия для участия в исследовании необходимо выразить устное согласие. В случае твоего согласия, тебе предстоит ответить на несколько вопросов о своей жизни и о тех вещах, которыми ты, возможно, занимаешься, таких как, например, употребление наркотиков или алкоголя или сексуальные отношения. После этого ты сможешь обсудить свои личные риски инфицирования ВИЧ с нашим консультантом, а также задать ему все интересующие тебя вопросы. Вся процедура исследования займёт примерно 20 минут.

**РИСКИ, С КОТОРЫМИ ТЫ МОЖЕШЬ СТОЛКНУТЬСЯ
В ХОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Ты можешь почувствовать себя дискомфортно, отвечая на достаточно откровенные вопросы опросника. Если тебе будет неприятно отвечать на вопрос, ты можешь отказаться от ответа. Однако есть вопросы, ответы на которые нам принципиально важно знать. Если ты откажешься отвечать на большое количество вопросов опросника, скорее всего, тебе придётся отказаться от участия в исследовании.

ТВОЯ ВЫГОДА ОТ УЧАСТИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ

Мы считаем, что участие в исследовании может принести тебе серьёзную пользу. Ты сможешь получить консульта-

цию и больше узнать о способах передачи ВИЧ от одного человека к другому для того, чтобы ты мог избежать передачи ВИЧ другим людям. Если в ходе встречи мы поймём, что ты нуждаешься в какой-либо помощи, по твоему желанию мы направим тебя в ту организацию, которая сможет её оказать.

КОМПЕНСАЦИЯ ЗА УЧАСТИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ

В качестве компенсации за участие в исследовании и за потраченное время тебе будет предложен подарок (на сумму около 170 рублей).

Денежная компенсация за участие в исследовании не предполагается.

ТВОИ РАСХОДЫ

Твое участие в исследовании не связано ни с какими прямыми расходами. Мы просим тебя только провести с нами около 20 минут для прохождения интервью и консультирования.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ ТВОИХ ЗАПИСЕЙ

Мы будем прилагать все возможные усилия для обеспечения конфиденциальности полученной от тебя персональной информации. В случае участия тебе будет присвоен личный номер. Твоё имя не будет упоминаться ни в каких письменных отчётах и публикациях, составленных в рамках данного исследования. Мы не будем разглашать какую-либо информацию о тебе ни органам милиции, ни твоим родителям, ни каким-либо другим лицам.

ОТКАЗ ОТ УЧАСТИЯ

Ты можешь прервать своё участие в исследовании в любой момент. Это твоё решение никоим образом не отразится на тебе. Ты всё так же сможешь получать информацию об услугах, доступных для тебя в твоём городе и районе. Ты также сможешь узнать о способах передачи ВИЧ от одного человека к другому и обсудить интересующие тебя вопросы. Однако в случае, если ты захочешь прервать своё участие в исследовании на этапе заполнения анкеты, ты не получишь компенсации в виде подарка.

ПРОБЛЕМЫ ИЛИ ВОПРОСЫ

Если у тебя есть вопросы или беспокойства относительно данного исследования, ты можешь связаться с координатором проекта

по телефону _____

ВЫРАЖЕНИЕ СОГЛАСИЯ

Пожалуйста, устно вырази свое согласие на участие в данном проекте, если ты:

- 1) прочитал сам или тебе разъяснили, в чём заключаются цели данного исследования;
- 2) знаешь процедуры исследования;
- 3) знаешь, какие преимущества ты можешь получить от участия в исследовании и с какими рисками ты можешь столкнуться;
- 4) делаешь добровольный выбор принять участие в данном исследовании.

Милосердие против «недееспособности»

Правовая группа РБОО «Центр лечебной педагогики»

О

сенью 2010 года из Дома милосердия сестёр матери Терезы Калькуттской Филиала католического общества «Миссионеры милосердия» выпускалось несколько воспитанников. Около 15 лет дети провели в обстановке, приближенной к домашней, и смогли во многом адаптироваться к жизни. Однако проблемы в развитии ребят и тот факт, что воспитывались они не в семье, дали органам опеки основания поставить вопрос об их дееспособности.

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

2 ИЗ 9

Сёстры Дома милосердия обратились в правовую группу РБОО «Центр лечебной педагогики» с тревогой по поводу сложившейся ситуации. Сёстры понимали, что большей части воспитанников будет поставлена «недееспособность». Однако двое из девяти выпускников приюта были в значительной степени социализированы: они закончили училище, способны самостоятельно перемещаться по городу, делать покупки в магазинах. К сожалению, в России для таких людей не существует возможности установления ограниченной дееспособности, имеется лишь альтернатива «дееспособен — недееспособен». Если особенности человека не позволяют ему жить во взрослом возрасте совершенно самостоятельно, суд на основании психиатрической экспертизы обычно

устанавливает статус «недееспособный». Этот статус не только официально лишает избирательного права или возможности вступать в брак — он не даёт возможности без сопровождения ездить по городу, организовывать и проводить свой досуг, покупать товары в магазине, осуществлять различные платежи и прочее.

СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД

Сёстры с присущим им чувством христианской справедливости сочли естественным сохранить двум воспитанникам дееспособность. Поскольку предстояло добиться очень неординарного решения суда, они обратились за правовой поддержкой и экспертной помощью к специалистам Центра.

Проведя независимую экспертизу, подробно поговорив с сёстрами из приюта, изучив материалы психиатри-

ческой экспертизы, специалисты Центра пришли к выводу, что процедура официальной психиатрической экспертизы в том виде, в котором была проведена, неадекватно описывает способность ребят к самостоятельной жизни в условиях приюта. Выводы официальных экспертов о недееспособности были сделаны формально, без учёта реальной ситуации.

По результатам независимой экспертизы были составлены возражения на иск о признании недееспособными двух воспитанников. В суде представители ребят и эксперты — психологи и юристы — развёрнуто обосновали свою позицию, после чего суд продолжился в форме корректного и конструктивного обсуждения, в ходе которого решалось, как лучше обустроить жизнь ребят. Обсуждение завершилось тем, что негосударственные социально ориентированные организации, не-

зависимые эксперты и представители государства (Департамент социальной защиты населения Москвы, прокуратура, судья, орган опеки в лице муниципалитета), глубоко разобравшись в проблеме, пришли к единому мнению. В ходе судебного заседания присутствовавшим стало очевидно, что установление недееспособности в данном случае противоречило бы интересам ребят. 10 июня 2011 года Перовский районный суд Москвы отклонил иск органа опеки о признании недееспособными двоих молодых людей-сирот из Дома милосердия сестёр матери Терезы Калькуттской.

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

Это событие — серьёзный шаг на пути к интегрированному гражданскому обществу. Нестандартным образом была решена стандартная ситуация установления недееспособности. Правовая группа Центра усматривает в этом сдвиг в сторону кардинальных изменений в неколебимой прежде схеме «детский интернат — недееспособность — взрослый интернат» для людей с проблемами развития. Очень радостно, что ещё до ратификации Конвенции о правах инвалидов государство начало решать эту непростую проблему.

Есть основания надеяться, что будет сделан и следующий шаг в этом направлении: органы опеки найдут возможность не переводить в психоневрологический интернат (ПНИ) остальных семерых ребят, которым установлена недееспособность, и они останутся жить в Доме милосердия. (После многих лет фактически домашней жизни попадание в ПНИ может явиться для ребят таким стрессом, после которого им будет нелегко оправиться.)

Мужество сестёр и их веру в благополучный исход дела наряду со специалистами и юристами Центра лечебной педагогики поддержали и другие волонтеры: психолог — руководитель проекта «Турград», адвокаты Российской Федерации помощи и юридической компании Lazovskaya&Ruiz Legal Services.

*Источник: www.osoboedetstvo.ru/fs/
Здесь же размещены решения суда —
в подразделе «Судебные решения
и определения»*

Неформальное разбирательство

Валерий Панюшкин
писатель, журналист

Мы выиграли ещё один суд. На этот раз против Московского муниципалитета, который просил признать недееспособными восемнадцатилетних Машу Школину и Игоря Полукарова. Перовский районный суд принял уникальное решение. Вопреки медицинской экспертизе, проведённой муниципалитетом, Маша и Игорь признаны дееспособными.

Маша и Игорь — дети с особенностями. Кроме того — сироты. Но воспитывались они не в детском доме для умственно отсталых, а в приюте у католических монахинь. Органы опеки справедливо сообразили, что детям у монахинь хорошо. По достижении совершеннолетия Игорь и Маша хотели и дальше жить при монахинях. И монахини этого хотели. Но муниципалитету казалось, что так нельзя.

Поймите, здесь нет никакого злого умысла. Сотрудники муниципалитета просто выполняют должностные инструкции. Ребёнок с умственной отсталостью по достижении совершеннолетия должен пройти психиатрическую экспертизу, лишиться дееспособности и попасть в психоневрологический диспансер на всю жизнь. Не потому, что кто-то хочет сгноить молодого человека в психушке, а просто такой у них порядок, другого порядка чиновники не знают и без наших (наших с вами!) усилий не узнают никогда. Это автоматически происходит. Со всеми умственно отсталыми детьми. Признание ребёнка с особенностями недееспособным и отправка его на вечное поселение в психоневрологический интернат — это норма. Какая-то другая судьба для умственно отсталого сироты — исключение, за которое нужно бороться.

И мы боролись. Мы ходатайствовали в суде, чтобы проведены были независимые психологические (не психиатрические) экспертизы. Мы ходатайствовали, чтобы допрошены были в суде сами ребята, чего обычно не делается. Мы настояли на том, чтобы суд допросил монахинь.

Обычно ничего этого не делается. Обычно психиатр формально констатирует умственную отсталость, а судья формально признаёт ребёнка недееспособным.

В нашем же случае после психиатра суд выслушал мнение психолога. Никто же не спорит, что Маша и Игорь отстают в умственном развитии, однако же психолог считает, что, несмотря на умственную отсталость, молодые люди дееспособны, то есть могут принимать решения и жить сами, особенно когда рядом есть монахини.

Обычно умственно отсталых детей признают недееспособными в их отсутствие. В нашем же случае суд поговорил с Машей и Игорем. Суд убедился, что они, может быть, и не Цицероны какие-нибудь, но соображают, что называется. Окончили вспомогательную школу, учатся в профессиональном училище, собираются работать, толково представляют себе своё будущее.

В довершение этого на редкость неформального разбирательства суд допросил монахинь, содержащих приют. В числе прочего одна из монахинь сказала, что Маша и Игорь в приюте разговаривают с некоторыми монахинями на русском, а с некоторыми на английском языке. И тут же в присутствии судьи обратилась к Маше по-английски, а Маша проявила хорошее знание этого языка, беглую английскую речь.

После этого даже и представители муниципалитета, ходатайствовавшие о признании Маши и Игоря недееспособными и собиравшиеся принудительно направить ребят в психоневрологический интернат, обратились к суду с просьбой не удовлетворять их ходатайство. Теперь молодые люди не попадут в психушку на всю жизнь, а будут жить и искать счастья в меру своих способностей.

А всего-то и надо было — неформально разобраться.

Источник: www.svobodanews.ru

Найди меня!

Дмитрий Второв,
Александр Тёмин
*содружество волонтеров
«Поиск пропавших детей»*

Для родителей одна из самых страшных трагедий — это пропавший без вести ребёнок. Каждый год в России только по официальной статистике пропадает порядка 15 000 детей. И хотя 90% из пропавших находят, 10% остаются найденными. Чтобы лучше представить эту цифру, мы её озвучим несколько иначе. Каждые 30 минут пропадает один ребёнок. 48 детей в день. И из этих 48 потерявшихся, убежавших, исчезнувших четверых не находят никогда. То есть **вдумайтесь: каждые 6 часов, когда вы спите, идёте на работу, возвращаетесь домой, навсегда пропадает один ребёнок! И даже если оперировать только лишь официальной статистикой, становится страшно.**

А что же государственные службы — полиция, прокуратура, МЧС? Достаточно ли они эффективно работают в деле поиска пропавших детей?

В марте 2009 года в Нижегородской области в городе Сарове пропала Лиза Тишкина, 10 лет. Девочка вышла из школы после праздничного концерта, и по настоящее время её местонахождение неизвестно. Мама Лизы оказалась один на один со страшной трагедией. В полиции её уверяли: ребенок вернётся сам — и практических действий не предпринимали несколько дней. Всё это время несчастная женщина пыталась найти хоть какую-то помощь.

В мае 2009 года в Москве пропала Аня Муренкова, 14 лет. Девочка ушла из дома рано утром и направилась в школу. Но до учебного заведения она не дошла. К поискам девочки подключились добровольцы из сети Интернет, где информацию распространяли родственники. Как оказалось, девочка была зверски убита. Но благодаря распространённым добровольцами ориентировкам нашлись свидетели, которые помогли установить убийцу.

В 2010 году сразу в двух городах прошли массовые поиски двух потерявшихся детей: в сентябре в районе Орехово-Зуева пропала пятилетняя Лиза Фомкина, а в октябре в Тюмени — одиннадцатилетняя Аня Анисимова. В обоих случаях, помимо сотрудников государственных служб, в поисках приняли участие сотни добровольцев, которые узнали о трагедии в сети Интернет и через объявления.

РИСУНОК: НАТАЛЬЯ КОНЫШИНА

Итоги всех этих и других случаев показали, что государственных служб недостаточно и они не всегда достаточно эффективны в тех или иных поисках. Стало понятно, что необходима консолидация граждан для оказания добровольной помощи в поисках пропавших детей.

У НАС — И У НИХ...

Подобный опыт уже есть в других странах. Например, на территории США и некоторых других государств действует система оповещения Amber Alert. Эта система стала развиваться после похищения и убийства девятилетней девочки Амбер Хаджерман. В поисках ребёнка принимало участие огромное количество добровольцев. В течение нескольких лет эта система развивалась, пока не вылилась в мощную партнёрскую программу, в которую входят как государственные, так и негосударственные учреждения и организации, в том числе СМИ. Отметим, что данная система работает исключительно тогда, когда установлен факт похищения ребёнка.

В нашей стране движение по поиску пропавших детей только начинает развиваться. В 2009 году была предпринята первая попытка организации такого движения. Однако, по факту, его реализация началась только в 2010 году на базе двух сайтов: poiskdetei.ru и lizaalert.org. Инициативы этих ресурсов располагались в Москве. Но в ходе совместной работы стало понятно, что необходимо развитие не только московского, но и всероссийского волонтерского движения по поиску пропавших детей. В результате ресурс poiskdetei.ru стал информационной площадкой Содружества волонтеров «Поиск пропавших детей», которая объединяет добровольцев из разных областей и городов России, а также из стран ближнего зарубежья, а сайт lizaalert.org — представитель-

ством первого волонтерского поискового отряда в России по поискам пропавших детей «Лиза Алерт», который работает на территории Москвы и МО.

Сейчас Содружество волонтеров по поиску пропавших детей опирается на 24 области и края России. В его жизни активно участвуют волонтеры Украины, Белоруссии и Казахстана. При всем этом по-прежнему остаётся ряд насущных проблем, которые требуют скорейшего решения. Эти проблемы сводятся к нескольким основным вопросам: катастрофическая нехватка добровольцев; отсутствие законов, регламентирующих волонтерскую работу и взаимодействие добровольцев с государственными службами; проблема оперативного получения и распространения информации по пропавшим детям. Все эти вопросы так или иначе взаимосвязаны. Например, за рубежом существуют законы, описывающие деятельность волонтеров, создающие благоприятные условия для развития добровольчества. В Израиле волонтерам положен субсидированный отпуск, а это хороший стимул для того, чтобы стать волонтером. Во многих странах волонтер получает оплачиваемые отгулы у работодателя. Таким образом, ему не приходится выбирать между работой и волонтерством. К сожалению, у нас такого правового регулирования нет.

Волонтеры за рубежом в своей работе используют также специальные технические средства, в том числе легкомоторную авиацию и вертолеты. Хорошее техническое оснащение могут себе позволить многие вследствие развитости среднего класса. В России средний класс представлен слабо, соответственно и уровень технического оснащения ниже, чем в ряде других стран. В свою очередь, коммерческие структуры не заинтересованы в заключении партнерских отношений с волонтерскими организациями в силу того, что государственные поощрения очень малы, в законодательстве не отражена идея добровольчества. Не стоит забывать и о высоком уровне коррупции в нашей стране, которая также влияет на реализацию гражданских инициатив. Чиновник

просто не заинтересован в фактической реализации тех или иных добровольческих проектов. Таким образом, в настоящих реалиях система Amber Alert в том, виде, в каком она есть в США и других странах, работать не может.

ВСЕМ МИРОМ ВСТАТЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ БЕДЫ...

Мы должны выстраивать систему, которая была бы адаптирована к нашим условиям и нашей ментальности. Из истории известно, что в России народ всегда объединялся перед лицом общей беды. Но для того чтобы собраться, население должно не только знать об этой беде, но и понимать, что эта беда может коснуться каждого. А для этого необходимо донести до каждого суть и величину угрозы. Только поняв, что проблема пропавших детей — это национальное бедствие, мы получим шанс переломить ход событий. Чем больше людей будет реально осознавать масштабы беды, тем больше людей объединится, чтобы её побороть. Создав настолько мощный поток информации, что о пропавших детях будут говорить на кухнях, мы получим ключ к решению проблемы и сможем создать в России систему, похожую на Amber Alert. Исторически в России общественный договор между государством и гражданами заключается под давлением последних. Именно поэтому первый шаг на пути изменения ситуации с пропавшими детьми — это постоянная информационная работа, постоянное освещение случаев пропавших детей. Чем больше людей и чем скорее узнает об этих трагедиях, тем скорее мы реально начнём влиять на сложившуюся ситуацию с пропавшими детьми в России.

В настоящий момент для повышения качества информационной работы зарегистрировано информационное агентство «Содружество волонтеров «Поиск пропавших детей»», задача которого состоит в освещении деятельности поисковых отрядов и инициатив, случаев пропаж детей и других вопросов, близких к тематике. В то же время инициативы и поисковые отряды развивают свою деятельность, во многом беря пример с московского поискового отряда «Лиза Алерт». При становлении и развитии поискового отряда в Санкт-Петербурге и некоторых других областях во многом именно «Лиза Алерт» является примером для подражания. Благодаря активному участию московского отряда в поисках пропавшей девочки в Смоленской области, сейчас формируется смоленский поисковый отряд «Сальвар». Вместе с тем поисковый отряд «Питер — поиск пропавших детей» стал примером для отряда «ДоброСпас-Новосибирск», а также инициатив Липецка, Екатеринбурга и Татарстана. Другими словами, сейчас идёт активное развитие взаимодействия между инициативами разных областей и городов. Примером тому могут служить и некоторые поиски. Например, при поисках сбежавшей из Красноярска девочки были задействованы московские и новосибирские волонтеры, ребенок был найден в Новосибирске силами добровольцев «ДоброСпас-Новосибирск» и возвращён маме.

Но, при всех успехах, остаются нерешёнными главные проблемы, уже названные выше: нехватка людей, пробелы в законодательстве и необходимость в более тесном сотрудничестве как с органами правопорядка, так и со СМИ. Участники Содружества волонтеров будут рады посильной помощи каждого. Только все вместе мы сможем защитить наших детей.

РИСУНОК: НАТАЛЬЯ КОНЫШИНА

«Школа родителей»: ещё один шанс

Ирина Бенсман

заместитель председателя Советского районного суда г. Липецка, Липецкая область

Ювенальные технологии в судопроизводстве принято ассоциировать с уголовными делами, в которых на скамье подсудимых оказываются несовершеннолетние. Вместе с тем ювенальные технологии могут играть очень важную роль в гражданских делах: они способны предотвратить распад семьи, уберечь родителей от окончательной деградации и лишения родительских прав, а детей — от страшного уголовного будущего.

СНОВА В ШКОЛУ!

Для решения названных проблем по инициативе Советского районного суда города Липецка Липецкой области при содействии ГУЗ «Липецкий областной наркологический диспансер» в октябре 2010 года был запущен проект «Школа родителей». Проект не преследует цели забрать ребёнка из семьи — напротив, его устроители считают необходимым приложить все усилия для её сохранения и оказания профессиональной помощи родителям.

Основные цели проекта «Школа родителей» — помочь родителям выйти из сложной жизненной ситуации, преодолеть кризис и развернуть их лицом к собственным детям.

Целевой аудиторией проекта являются родители, имеющие несовершеннолетних детей и не выполняющие обязанности по их воспитанию. Как правило, это:

- лица, состоящие на учёте в органах опеки и попечительства как кандидаты на лишение родительских прав;
- лица, в отношении которых дела о лишении родительских прав находятся в производстве суда;
- лица, в отношении которых дела о лишении родительских прав рассмотрены судом и которым вынесено предупреждение;
- лица, состоящие на учёте в ПДН как не исполняющие свои родительские обязанности;
- лица, состоящие на учёте в КДН как родители, чьи семьи находятся в социально опасном положении.

Несмотря на то что направления участникам проекта выдаются судом, органами опеки, инспекторами ПДН и участковыми, посещение «Школы родителей» носит добровольный ха-

К ВОПРОСУ О СПАСЕНИИ УТОПАЮЩИХ

Ни для кого не секрет, что большинство людей, причастных к криминальной среде, происходят из семей, в которых родители предпочитали работе алкоголь и наркотики. Воспитанники детских домов также систематически пополняют ряды малолетних преступников. Таким образом, между лишением родительских прав и криминализацией несовершеннолетних существует самая прямая зависимость.

В начале внедрения ювенальных технологий претендентам на лишение родительских прав приходилось действовать по принципу «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Не удивительно, что наладить отношения с собственными детьми

или тем более с социальными службами получалось у них далеко не всегда. С одной стороны, большинство родителей оказывалось не в состоянии действовать эффективно и планомерно без посторонней помощи. С другой — все государственные ведомства работали нескоординированно и исключительно формально. В результате получалось, что ювенальная юстиция не столько способствовала спасению конкретного ребёнка, сколько ускоряла процесс изъятия его из семьи. Сегодня специалисты ювенальной юстиции всё чаще осознают, что в работе с неблагополучными семьями важны не столько карательные меры (лишение родительских прав и изъятие детей из неблагополучных семей), сколько помощь в реабилитации тем, кто оказался на грани катастрофы.

раक्टर, помощь в ней оказывается бесплатно. Местом проведения занятий с родителями является амбулаторное детско-подростковое отделение Липецкого наркологического диспансера.

При первичной явке семья проходит медицинский осмотр, тестирование, к ней прикрепляется ответственный специалист, который составит индивидуальный план занятий, будет собирать информацию о семье в органах системы профилактики.

ПРОГРАММА-МИНИМУМ

Основная задача «Школы родителей» — психологическая коррекция кандидатов на лишение родительских прав. Кто-то из родителей страдает алкогольной или наркотической зависимостью, кто-то не хочет заботиться о нежеланном или больном ребёнке... Каждая ситуация требует самого внимательного подхода и индивидуальных методов работы.

Работа в школе проходит в несколько этапов. Первый — решение острых проблем. На этом этапе родители, употребляющие алкоголь или наркотики, проходят лечение у врача-нарколога, посещают клубы трезвости, получают помощь в трудоустройстве. Второй — ликбез в сфере семейного права. Взрослым напоминают, что у них есть обязанности по воспитанию детей, а у несовершеннолетних — есть права. Участникам проекта объясняется процедура лишения родительских прав и то, какие последствия она влечёт. Третий — работа с психологом. На этом этапе родителям рассказывают о том, как нужно заботиться о детях того или иного возраста, как правильно кормить ребёнка, какой распорядок дня ему показан, какие правила гигиены необходимо соблюдать. Также в «Школе родителей» отработывают практические навыки планирования семейного

бюджета, распределение доходов с учётом потребностей детей в еде и одежде. Проводятся и практические занятия по налаживанию контакта с несовершеннолетними, вырабатываются механизмы самоконтроля.

В конце занятий проводятся «экзамены», по итогам которых составляется отчёт, предоставляемый в орган, выдавший направление. Поскольку при рассмотрении иска о лишении родительских прав суд в числе прочего учитывает стремление родителей исправить сложившуюся ситуацию, отчёт, представленный «Школой родителей», может оказаться одним из значимых аргументов в пользу обвиняемых. С другой стороны, наличие ли отсутствия такого отчёта не мешает кандидату представить иные доказательства, свидетельствующие, что он встал на путь исправления.

О ПЕТРОВЫХ НАЧИСТОТУ

На практике система работает следующим образом. Скажем, есть некая семья — Петровы. Папа и мама Петровы злоупотребляли спиртными напитками, практически забыв о существовании семилетнего сына. Органы опеки и попечительства подали иск о лишении родительских прав. Когда дело поступило в суд, Петровым предложили пройти коррекцию в «Школе родителей». Они согласились. Первоначально с ними была проведена психологическая диагностика, Петровых осмотрел врач-нарколог. С семьёй был установлен контакт, рассмотрены типичные семейные конфликты, разработаны способы их решения. Специалисты провели ряд семейно-психологических консультаций. В «Школе родителей» Петровым рассказали об особенностях воспитания ребёнка раннего школьного возраста, его интеллектуальных и социальных потребностях, проигра-

ли несколько типичных ситуаций. Параллельно с этими занятиями, для преодоления алкогольных проблем, с Петровыми работал нарколог.

После нескольких занятий специалисты «Школы родителей» посетили Петровых на дому, отметив, что обстановка в квартире изменилась в лучшую сторону. Завершающим этапом стало обследование родителей на алкоголь и наркотики. Тестирование дало отрицательные результаты. Специалисты убедились, что семья Петровых встала на путь исправления, и в иске о лишении родительских прав органу опеки было отказано. В настоящий момент семья находится на внутрисудебном контроле. Помощник судьи с функциями социального работника проводит ежемесячные встречи с Петровыми. Родители не пьют, надлежащим образом осуществляют свои обязанности по воспитанию ребёнка, а некоторое время назад в адрес суда от одного из родителей поступило письмо со словами благодарности за оказанную помощь и поддержку.

С НАДЕЖДой НА БУДУЩЕЕ

Практика «Школы родителей» убедительно демонстрирует, что основным принципом современного ювенального правосудия должно быть не наказание, а помощь в исправлении. Помогая неблагополучным семьям, суд, медики, психологи, общественные организации, государственные органы могут заслужить уважение и доверие общества, обеспокоенного проблемами «маленького человека». Благодаря работе специалистов «Школы родителей» у людей, выпавших из нормальной жизни, появляется надежда, шанс начать всё с чистого листа. Анализ работы показывает, что неблагополучные родители становятся внимательнее к своим детям, начинают иначе строить отношения, проявляют заботу и тепло — чувства, так необходимые ребёнку. А значит, проект «Школа родителей» успешно достигает своей главной цели: он помогает уберечь детей от беспризорности, дурного влияния и возможного криминального будущего. Пусть проект «Школа родителей» ещё довольно молод и рано ещё подводить итоги, но создатели уверены: у него большое будущее. Ведь если удастся спасти от разрушения хотя бы одну семью и уберечь от тюрьмы хотя бы одного ребёнка, значит все усилия были не напрасны.

первые результаты

В период с октября по апрель 2011 года в «Школу родителей» было направлено 54 человека (44 — Советским районным судом города Липецка и органами опеки и попечительства; 10 — сотрудниками ПДН и КДН Советского округа города Липецка). В прохождении коррекционной программы включились 29 человек. Алкогольный рецидив установлен только у троих, один из которых через некоторое время сам обратился в «Школу родителей» для прохождения повторного курса. Эти данные ясно показывают, что люди, являющиеся объектом внимания «Школы родителей», остро нуждаются в подобной помощи и в большинстве случаев с благодарностью её принимают.

Президент на планете ДЦП

Алексей Карлов

инвалид-колясочник (ДЦП), проживает в ПНИ № 20, г. Москва

5 мая 2011 года президент России Дмитрий Анатольевич Медведев посетил московскую детскую неврологическую больницу № 18. В этой больнице лечат детский церебральный паралич, и 20 лет назад я сам проходил в ней лечение. Хочу поделиться своими мыслями по следам визита Президента — когда смотришь на проблему изнутри, многие вещи видятся совсем иначе.

Мне показалось, что Дмитрий Анатольевич вначале не понял, куда попал, — как будто вдруг оказался на другой планете. Большинство людей у нас в России не знают о ДЦП ничего — в Советском Союзе тема больных людей не поднималась, как будто у нас их нет. И мне показалось, что из-за этого многолетнего информационного вакуума Медведев оказался к встрече в больнице не готов.

Запомнилась речь мальчика, который проходит там лечение и учится. Я был удивлен, что администрация больницы выбрала не домашнего мальчика, у которого есть родители, а интернатского, да ещё из плохого подмосковного интерната. Хочу сказать этому мальчику огромное спасибо за то, что поднял хорошую тему — о неправильном диагнозе касательно умственного развития. Я знаю много умных людей с ДЦП, которым диагноз «олигофрения» очень портит жизнь (например, детскую писательницу Тамару Черемнову). У нас эти диагнозы ставятся при рождении ребёнка. Мне кажется, это несправедливо. Ребёнку надо сначала помочь развиться, а потом уже ставить страшные диагнозы со словом «умственно отсталый». И тогда он мог бы приносить реальную пользу и самостоятельно зарабатывать деньги — например, в Германии люди с синдромом Дауна работают по уборке территории и получают за это деньги. А у нас наоборот: сначала ставят «убойный» диагноз, а потом этому ребёнку никто не помогает, рассуждая так: «Зачем дальше развивать дебила, наше государство доброе, оно пенсию даёт». Я слышал эту фразу много раз. В результате все вынужденно бездельничают по интернатам.

Ещё мне запомнилось, как одна мама задала вопрос про удобную среду обитания для инвалидов (тротуары, пандусы и т. д.). Любой поход с человеком с ограниченными возможностями, например, в театр, в храм, на выставку, в музей неизменно связан с сотней проблем для сопровождающих. У нас только один «Макдоналдс» приспособлен для инвалидов. Мне кажется, это зависит в большей степени не от президента, а от администрации города, а также от народа — надо, чтобы люди жаловались, требовали и т. д. Кстати, пандусы нужны не только инвалидам, а матерям с малышами, туристам с чемоданами и т. д. В других странах создаются общества инвалидов — в них

входят только инвалиды, и они сами решают свои проблемы. Мне кажется, это самый правильный вариант — ведь здоровому человеку проблемы людей с ограниченными возможностями неведомы.

Есть ещё одна «маленькая» проблема. ДЦП чаще всего возникает при родах по вине акушеров. Они ответственности не несут. Мне кажется, было бы справедливо, если бы недобросовестные акушерки хотя бы частично возмещали государству расходы по содержанию инвалида, получившего пожизненное заболевание по причине разгильдяйства, лени, профнепригодности...

Хочется поднять тему инвалидов средств, особенно колясок. Я очень хочу попросить нашего президента, чтобы он снял жёсткий контроль на таможне и разрешил провозить иностранные коляски. Сейчас таможня берёт огромную пошлину, в десятки раз превышающую стоимость товара. Русские коляски фирмы «Надежда» наглядно показывают, что наша страна пока с производством колясок не справляется: они быстро разваливаются, материал не «дышит», рвётся, и добавок они очень тяжёлые. Во всём они проигрывают европейским.

Ещё мне запомнился актёр Гоша Куценко. Он хочет снять кино о людях с ограниченными возможностями — с диагнозом ДЦП. Я бы ему предложил сначала посмотреть два фильма: «Габи» про тяжелобольную журналистку с ДЦП, а также «Внутри я танцую». И хотелось бы ему напомнить, что очень трудно здоровому актёру сыграть больного ДЦП. У них плохая речь, для перевода я бы посоветовал пустить по экрану титры, чтобы зрители хоть чуть-чуть нас понимали. Я смотрел фильм «Дом дураков», он мне не очень понравился, потому что там много выдумки. В фильме занят как актёр один парень с ДЦП (я с ним знаком). Как и другие герои фильма, он проживает в «доме дураков», и зритель, естественно, делает вывод о нашей (больных ДЦП людей) общей тупости. А это далеко не так.

Мне кажется, большинство проблем зависит не от президента, а от отношения российского общества к тяжело больным людям и от СМИ, которые будто специально «отупляют» людей. Тем более что Дмитрий Медведев поехал в 18-ю больницу накануне Дня Победы. Для меня это праздник победы русских над фашизмом. Мне кажется, если наше общество будет относиться к физически слабым людям негативно, то нам должно быть стыдно отмечать этот праздник, ведь общество «выбраковывает» нас — чем это принципиально отличается от фашизма?

Наш президент собирается создавать новую партию «Народный фронт», и я очень хочу, хоть это и кажется наивным, чтобы там о нас, инвалидах, приняли поправки, облегчающие и без того тяжёлую жизнь русских людей с ограниченными возможностями.

Инклюзия: уроки толерантности

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

Тамара Черемнова

*писатель, публицист, член Союза писателей,
инвалид-колясочник с диагнозом ДЦП*

Интеграция инвалидов в общество — это, конечно, в первую очередь доступная среда, но главная задача — дать этим людям возможность стать полноправными гражданами. Однако плавно влиться в социум можно, только если ты не отгорожен от него с раннего детства, если не изолирован в четырёх стенах в узком кругу таких же инвалидов, как ты сам, если растёшь среди разных детей — и больных, и здоровых. И если обучаешься вместе с ними — это та самая инклюзия, о которой сегодня так много говорят.

Детей, страдающих детским церебральным параличом (ДЦП) в тяжёлой форме, до сих пор распикивают по психоневрологическим домам-интернатам, где такой ребёнок не получает ни адаптации, ни социализации, ни обучения по школьной программе. И после такого детдома человек попадёт во взрослый психоневрологический интернат (ПНИ). Как верно назвал его питерский автор Борис Кривошей — «ПНИ по дороге в никуда». А уж какие в ПНИ условия, я подробно описала в своей книге «Трава, пробившая асфальт» (Москва, 2011 год, издательство «АСТ»). Ни сносных условий существования, ни возможности получения образования. Таковы были «мои университеты» (Бачатский детдом для детей-инвалидов и Прокопьевский ПНИ для взрослых, расположенные в Кемеровской области), и таков путь последующих поколений российских дэ-цэпэшников.

Резонный вопрос, который возникает у здорового человека: а как же учить тех, у кого руки-ноги парализованы, сведены спастикой или постоянно дёргаются от произвольных гиперкинетических движений? Кто не в состоянии себя обслужить, не то что учиться? У кого дизартрия, невнятная речь, а кто-то совсем лишён дара речи? Уверяю вас, даже таких детей можно обучать по школьной программе. С современной компьютерной техникой любое задание можно выполнить. Даже без электронной техники можно обучать, было бы желание и терпение. Я сама освоила ноутбук уже в зрелом возрасте, в 49 лет. Но писать и публиковаться в газетах, журналах и книжных издательствах начала задолго до этого. А ведь со мной никто не занимался по нормальной школьной программе, только самообразование. И именно жажда знаний и усидчивость помогли преодолеть физические препоны и явились начальным этапом моего творческого пути, основой успешного писательства и последующих литературных званий, регалий, наград.

Россия подписала Декларацию прав и свобод человека, но у нас до сих пор детей с тяжёлой формой ДЦП отправляют в психоневрологические дома-интернаты, не предусматривающие школьного образования, хотя эти дети вполне обучаемы и многие хотят учиться и стремятся к получению знаний куда сильнее, чем иные здоровые дети, прохладно относящиеся к учёбе и манкирующие школьными занятиями. Предо-

ставьте же таким детям-инвалидам возможность развиваться интеллектуально и учиться, как учатся все дети!

Выскажу свое предложение. Может, кому-то оно покажется сумасшедшим, но я построила его, исходя из своего жизненного опыта.

Предлагаю открыть объединённый интернат для здоровых детей-сирот и детей-инвалидов, в том числе с такой тяжёлой формой заболевания, как у меня (паралич верхних и нижних конечностей, гиперкинезы, спастика). В этом интернате должны быть педагоги, психологи, реабилитологи, специально обученные воспитатели и нянечки, которые смогли бы «вести» одновременно здоровых детей и детей-инвалидов и организовать взаимопомощь между ними.

Наверное, некоторые, ознакомившись с моей идеей объединения здоровых детей с инвалидами, хлопнутся в обморок и завопят про эксплуатацию сирот. Но вздумайтесь. Я призываю не эксплуатировать, а объединить эти два мира — детей-инвалидов и детей-сирот — для существования на равных, в дружественном симбиозе. Сколько ни к чему не приспособленных сирот выходит из наших детских домов! И что ждёт за воротами детских домов их, ничего не умеющих делать и никому не нужных? Тюрьмы, наркотики, ранняя смерть...

Пусть такой объединённый детский интернат — для инвалидов и сирот — состоит из двух корпусов. В одном корпусе — дети с ДЦП и другими заболеваниями опорно-двигательного аппарата, нуждающиеся в лечебных процедурах. Кто-то из них будет находиться на «продлёнке», в одной половине дня они смогут проходить учебную программу, после обеда — лечебные процедуры. Родители могут отдавать туда своего ребёнка с 8 часов утра до 7 вечера, потом забирать домой. А могут и на пятидневку, и на постоянное проживание. В другом корпусе — здоровые дети. Школьные классы, обучение, прогулки, развлекательные мероприятия — совместные.

В обязанность государству вменяется не только организовать проживание, питание, уход, лечение, образование, но и снабдить такой интернат компьютерами, ноутбуками и прочей техникой и необходимыми для обучения принадлежностями. Так как не у всех детей имеются родители (есть и сироты, и социальные сироты), кто-то будет постоянно находиться в интернате и им нужно уделить особое внимание. Да-да, порой здорово-

му ребёнку-сироте нужно больше внимания и тепла, чем ребёнку-инвалиду, имеющему родичей.

В настоящее время имеются такие дневные центры для детей с ДЦП, но они больше лечебные, нежели образовательные, к тому же не очень практичны тем, что туда надо привозить ребёнка самим. А тащить колясочника — это значительная физическая нагрузка. Далеко не в каждой семье, где растёт ребёнок-дэцэпэшник, есть папы, способные на это. На ранних этапах мама справляется, но ребёнок подрастает, и мама-одиночка уже не в силах возить его в центр на занятия ЛФК. И приходится бросать всё на полдороге — оставлять ребёнка недоученным и недоученным.

«А при чём здесь здоровые сироты?» — кто-то недоумённо вскинет брови. А вот при чём: чтобы в свободное время дети-сироты и дети-инвалиды общались друг с другом и помогали друг другу. Пусть они вместе гуляют на улице, играют, смотрят кино, участвуют в развлекательных мероприятиях — для здоровых ребят это будет приобретение навыка о ком-то заботиться, это им пригодится в дальнейшей семейной жизни, да и в профессии это не лишнее: при работе в команде выигрывают те, кто умеет слушать других, понимать и протягивать руку помощи. Может, кто-то из мальчиков станет медбратом, которых в наших больницах остро не хватает. Ну а девочки — это же будущие жёны и мамы, они просто обязаны привыкать к заботе и уходу за другими. И пресловутое воспитание толерантности — здоровые дети научатся понимать искажённую речь, жесты и принимать инвалидов такими, какие они есть, — с физическими дефектами, особенностями мимики и речи, косоглазием, слюнотечением. Такой ребёнок, став взрослым, не будет тарашиться на человека на костылях, в коляске, с непривычной мимикой и в неестественной позе, и ему не придёт в голову громко жалеть его — он, наоборот, улыбнётся и постарается помочь, если нужно.

А уж для ребёнка с ДЦП общение со здоровыми детьми — это всё! И кое-что такой ребёнок может дать другим — хотя бы демонстрацию того, как человеческий организм может адаптироваться при ограниченных физических возможностях: не работает одно, так задействуем другое. Безнадёжны ноги — развиваем руки. Плохие руки, но «перспективные ноги» — можно сделать из ног руки. Если действует лишь одна рука — экс-

плуатируем и развиваем её. Да хоть один палец работает — уже что-то, им можно наловчиться делать многое. И здоровый ребёнок, помимо того что больше будет ценить свою жизнь и не станет бездарно её трагить на пьянство и наркотики, будет готов к жизненным невзгодам: болезням, увечью и, наконец, старости. Да-да, человек, выросший в общении с детьми-инвалидами, бодрее встретит старость и легче перенесёт недуги. И не будет думать о смерти после инсульта. После инсульта можно ещё жить да жить, но только после адаптации к своему новому состоянию и после реабилитации. Кстати, инсульт и ДЦП — одного поля ягоды, это заболевания одной природы, церебральные поражения двигательной системы.

И другой аспект — ребёнок-инвалид, более усидчивый в силу своих физических ограничений, может помочь в интеллектуальном развитии здоровому ребёнку, тратящему большую часть времени на «побегать-попрыгать». Давно уже отмечено, что дети с хроническими заболеваниями, ограничивающими подвижность (астматики, сердечники, диабетики), обучающиеся в обычных школах, успевают лучше здоровых детей и частенько подтягивают последних.

Так что от интеграции «дети-сироты плюс дети-инвалиды» и инклюзивного образования выигрывают оба этих мира.

И такой интернат непременно должен быть открытым, то есть контролируемым со стороны общественности. Невольно всплывает ещё одна немаловажная тема — о бытии в сиротских домах и детских домах для инвалидов. До сих пор кое-где в таких домах правит закон джунглей, установленный ещё с советских времен. И в такие дома директор имеет право никого не пускать — закрытое учреждение. Закрытое, но не секретное! Это что — военный объект? Оборонный завод? Тайный полигон? Почему туда, где собраны совершенно незащитные, больные дети, не могут прийти журналисты и представители общественности с проверкой и посмотреть, как с этими несчастными обращаются, в какой обстановке они обитают, чем питаются, как развиваются? Общество должно контролировать такие заведения. Если уж решили оставлять жить таких детей, то надо следить, чтоб они жили и росли в человеческих условиях. Думаю, что под этим пожеланием (нет, требованием!) многие поставят свои подписи — и те,

кого это касается непосредственно, и те, кто не желает остаться в стороне, и те, у кого не дремлет совесть.

■ ■ ■

От взаимопомощи, культивируемой в детском возрасте, все выигрывают.

В Бачатском специализированном детдоме для детей-инвалидов я жила в одной палате и занималась в одной группе с физически здоровыми детьми, у которых имелись психические отклонения. Они за мной ухаживали, помогали чем могли, потом выросли, разъехались в разные стороны, успешно обзавелись своими семьями. Мы сохранили дружеские отношения, время от времени контактировали, и я с удовлетворением узнавала, что общение со мной не прошло даром: то был положительный опыт для них — опыт заботы о ближнем.

У нас в группе была девочка Лида, моя ровесница. До детдома Лида жила дома с мамой, и её не брали даже во вспомогательную школу: все буквы она знала, а вот прочесть слово не могла, хотя ей было уже 13 лет. Потом мама серьёзно заболела, её надолго госпитализировали, а девочку, оставшуюся без присмотра, определили в наш детдом для детей-инвалидов, поскольку она считалась умственно отсталой. Лида быстро освоилась и чувствовала себя как рыба в воде. Неумение читать и писать не было помехой в таком заведении, как наше. Я же в это время пребывала в плачевном состоянии: не было коляски, и мне приходилось целыми днями лежать на постели — одной-одинёшеньке. Зато читала уже свободно и «запойно», и речь у меня была разборчивая. И я придумала, как уговорить Лиду оставаться со мной, когда все ребята уходят гулять.

— Лида, а давай я тебя научу читать, — предложила я ей однажды. Она посмотрела на меня и робко произнесла:

— Так у меня, наверное, не получится...

— Всё у тебя получится, — заверила я её, хотя в душе вовсе не была уверена, что у нас с ней вообще что-то может получиться.

И вот Лида стала оставаться со мной в палате. Воспитатели удивились её решению сидеть со мной вместо прогулок, но разрешили.

И пошёл наш самодеятельный процесс обучения. Оказалось, что сложность в её обучении чтению была лишь вначале, лишь начало было «тугим». Я

Жизнь вопреки

Ольга Зайкина

член Союза писателей России

Тамара Черемнова живёт в новокузнецком Доме инвалидов № 2, передвигается на электроколяске, тексты набирает на ноутбуке. Она страдает тяжёлой формой ДЦП: парализованы ноги и руки, лишь частично работает кисть правой руки. Да ещё отравляют существование спастика и гиперкинезы — неконтролируемые непроизвольные движения рук, ног, торса. В возрасте 6 лет её отдали в специализированный детдом для инвалидов, а в 18 поместили в психоневрологический интернат. Интеллект у Тамары сохранный, но этого упорно старались не замечать и лишили девочку регулярного обучения, поставив ей в 6 лет ложный диагноз «олигофрения», за официальное снятие которого Тамара боролась почти полвека. И не только за это пришлось бороться — за всё-всё: за образование, за доступ к литературе, за перевод из психоневрологического в интернат общего типа, за нормальное человеческое отношение. Вся жизнь Тамары — война за полноценное существование. Уже в юности Тамара не захотела мириться со своей участью лишнего члена общества и начала писать рассказы и сказки. Скованная параличом рука не могла держать ручку, и первые произведения Тамара надиктовывала. Давала читать написанное медперсоналу — те сначала недоверчиво хвалили, затем начали восхищаться. Потом Тамара рискнула обратиться к профессионалу — кузбасской писательнице Зинаиде Чигарёвой. После её помощи в продвижении писательская карьера Тамары пошла вверх. Её сказки и рассказы начали печатать в периодических изданиях для детей и взрослых, включать в сборники и литературные альманахи, потом стали выходить индивидуальные книги Тамары (на сегодняшний день их три — «Из жизни волшебника Мишуты», «Про рыжую Таюшку», «Шёл по осени щенок»). В 2009 году Тамару Черемнову приняли в Союз писателей России. Параллельно Тамара выступала как публицист, в том числе и по «инвалидной» теме. И после серии таких публикаций Мария Арбатова предложила Тамаре написать автобиографическую книгу. И эта книга — «Трава, пробившая асфальт» — издана в «АСТ» и представлена читателям.

диктовала Лиде буквы, потом просила прочесть получаемое слово, она шевелила губами, несколько раз повторяя и сверяя его. Порой правильно прочтёт, а иногда упрётся: «Не знаю, что написано». Я, по своему холерическому складу, либо свирепела, либо фыркала от хохота. Лида обижалась, надув губы, убегала от меня, но потом снова приходила, и мы начинали заново. Я понимала, что если вот так «ползать на пузе», то обучение растянется на десятилетия и я до скончания века не научу Лиду читать.

У нас была передвижная библиотека, которой я активно пользовалась, и мне как раз принесли увлекательнейшую взрослую книгу «Арена» — о любви цыганки Голды к русскому парню циркачу. Уже не помню, как звали героя той книги. Зато помню строгого цыганского барона Нура, препятствовавшего их светлой любви. И, читая эту книгу, я на-

чала рассказывать Лиде, о чём в ней пишется, потом стала читать ей вслух. Но у меня быстро уставал язык, и начинало першить в горле (особенности моего ДЦП), и однажды я не выдержала. Когда в очередной раз Лида пристала ко мне с дежурным вопросом «а что дальше?», я отдала ей в руки книгу и грозно прохрипела: «Читай сама!» Она обиделась и, схватив книгу, ушла. А я взяла другую книгу (я могла читать по нескольку книг сразу) и углубилась в чтение.

Про «цыганскую» книгу я вспомнила уже под вечер. Попросила девочку позвать Лиду, чтобы забрать книгу. Но Лида явилась с пустыми руками.

— Лида, где книга? — спросила её.

— А я её читаю. Сама читаю! — похвасталась она с гордой улыбкой.

Вот так Лида освоила грамоту и втянулась в чтение книг. Сейчас это успешная женщина, мама двоих детей.

“
*...Я думаю, что
 матушка-природа всё
 равно умнее человека.
 И если рождается
 ребёнок-инвалид,
 это означает, что
 природа хочет этим
 что-то подсказать
 человечеству.*
 ”

ФОТО ИЗ АРХИВА Т. ЧЕРЕМНОВОЙ

15 сентября в 18.00 в магазине «Библио-Глобус» (Москва) прошла презентация книги Тамары Черемновой «Трава, пробившая асфальт». Издательство «АСТ» открывает книгой Тамары социальный проект по поддержке литературного творчества людей с ограниченными физическими возможностями. Инвалидов в России — более 13 миллионов, но власть и общество их упорно не замечают. Наш мир недружелюбен к ним, и каждый находит тысячу причин для оправдания циничного безразличия, ибо они — укор благополучию и комфорту. И они вынуждены жить в своём мире и всеми силами пробиваться в мир обычный. Как трава сквозь толщу асфальта...

Книгу представили всемирно известный писатель и общественный деятель Мария Арбатова, а об авторе и книге рассказали председатель Всероссийского общества инвалидов Александр Ломакин-Румянцев, а также члены Союза писателей России Ольга Зайкина и Ева Златогорова.

“
*Цените, люди, то,
 что вы сами можете
 зачерпнуть ложкой из
 тарелки и поднести
 её ко рту! Что вы
 самостоятельно
 можете попить из
 стакана или из чашки!
 А уж если ваши руки
 в состоянии орудовать
 вилкой, ножом
 и прочими столовыми
 приборами, вы просто
 счастливый человек!*
 ”

Один День защиты детей

День защиты детей — праздник важный и серьёзный. Праздник, напоминающий, что трудно найти что-то ценнее детского счастья, дороже благополучия. В этот день хочется уделить особое внимание тем, кому счастья досталось не слишком много. Именно поэтому судейский корпус Липецкой области решил 1 июня позаботиться о детях из неблагополучных семей: практически каждый районный суд области внёс в организацию праздника свою лепту.

Марина Соседова

судья Становлянского районного суда Липецкой области

Сотрудники Левобережного районного суда города Липецка организовали экскурсию для подростков, находящихся на контроле у помощников судей с функциями социального работника. Ребята посетили радиостанцию «Русское Радио», узнали, как ведётся радиовещание, как происходит запись программ, создание рекламных роликов. Работники радиостанции поделились профессиональными секретами, рассказали смешные случаи, происходившие в эфире, объяснили, какие требования предъявляются к такой популярной среди молодёжи профессии, как диджей.

Советский районный суд города Липецка собрал семьи, попавшие в трудные жизненные ситуации и оказавшиеся на внутрисудебном контроле. В сопровождении мам, пап, бабушек и дедушек на праздник пришло восемь ребят в возрасте от пяти до десяти лет. Сотрудники суда организовали для детей развивающие игры. Ребяташки, в свою очередь, тоже подготовились — они рассказали взрослым стихи, спели песни. В награду за старания дети получили подарки и сладкие угощения.

В Елецком городском суде МУЗ «Елецкий специализированный дом ребёнка» был организован утренник,

все дети получили подарки от коллектива суда.

Отметили День защиты детей и в Добринском районном суде. Накануне праздника судьи организовали помощь семьям, в которых родители были восстановлены в правах. В одной из таких семей более полугодом была ограничена в правах мама девочек пяти и шести лет. В другом случае мама в течение пяти лет ездила в детский дом, где воспитывался её старший сын. Теперь ребяташки вновь живут в кровных семьях, однако в быту они испытывают определённые материальные трудности, поэтому судейский коллектив решил помочь им полезными подарками. Малыши получили

к празднику краски, альбомы и кисти для рисования, игрушки и, конечно же, сладости. Мальчику семнадцати лет достался спортивный инвентарь. Кроме того, семьям подарили красивую чайную посуду. Не забыли в Добринском суде и о подростках, имеющих условную судимость. Коллектив суда и мировые судьи Добринских судебных участков № 1 и № 2 приехали к своим подопечным в гости. Один из подростков отмечал в этот день семнадцатилетие — он получил в подарок спортивный велосипед и торт, второму молодому человеку подарили MP3-плеер.

Становлянский районный суд постарался сделать День защиты детей

не только богатым на подарки и угощения, но и познавательным. Для ребят из семей, находящихся в непростых жизненных условиях, сотрудники суда организовали экскурсию на Лесостепную опытно-селекционную станцию — заповедник реликтовых деревьев и кустарников из разных уголков нашей планеты. Дети увидели, как растёт макаронное дерево, берёза-бесстыдница, пробковое дерево и грецкий орех, полюбовались на поздние сорта селекционной сирени. По окончании экскурсии на территории Лесостепной опытно-селекционной станции для ребят накрыли праздничный стол, а «на десерт» устроители приготовили ребятам увлекательные интеллектуальные игры.

Работа после детдома: найти и удержать

Екатерина Селенина

старший научный сотрудник лаборатории социальных и психологических проблем профилактики сиротства и безнадзорности МГППУ, председатель правления российского БФ «Надежда»

Не секрет, что для современного человека работа — это не просто способ добывания денег. Работа — это перспективы самореализации, социального роста и стабильного будущего. Это навык толерантности и самоконтроля. Верно и обратное: безработица — это комплекс взаимозависимых проблем, препятствующих полноценной социализации и сохранению человеческого достоинства. К сожалению, проблема трудоустройства стоит особенно остро перед теми, кому работа отчаянно нужна, — перед выпускниками образовательных учреждений для детей-сирот.

Результаты мониторингов адаптации выпускников детских домов и интернатов показывают, что молодые люди из числа детей-сирот поставляют обществу значительное количество безработных и правонарушителей, порождают новые волны социального сиротства. У данной проблемы двойственная природа: с одной стороны, общество не спешит помогать интеграции сирот, с другой — выпускники интернатных учреждений имеют превратное представление как о существовании в трудовом коллективе, так и о построении карьеры.

Как показали фокус-группы, проведённые в городе Владимире, основания для претензий к выпускникам интернатных учреждений, нанимаемым на работу, заключаются в их неумении строить отношения в коллективе (пассивность или агрессия, манипуляция статусом сироты), уходе от ответственности, в наличии вредных привычек. При этом ни один участник фокус-групп не назвал среди «минусов» недостаточную профессиональную подготовку или несоответствующий уровень образования воспитанников детских домов.

Фокус-группы, проведённые с выпускниками, в свою очередь, продемонстрировали, что они не испытывают затруднений при трудоустройстве, но стабильно сталкиваются со сложностями при оформлении трудовых отношений и часто работают без надлежащего оформления документов. Они плохо знакомы с корпоративной системой штрафов и поощрений и весьма туманно представляют перспективы собственного карьерного роста. Они часто меняют место работы из-за «несправедливости работодателей». Наконец, выпускники интернатных учреждений стабильно ассоциируют собственную успешность с высокой должностью и зарплатой и практически никогда — с понятием «любимая работа». Подобная система ценностей создает серьёзный барьер для включения молодых людей в адекватную профессиональную деятельность.

ШКОЛА МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА

Данная ситуация показывает необходимость разработки программ и технологий, которые готовили бы молодежь из числа детей-сирот к предстоящей работе и одновременно способствовали бы созданию условий для их интеграции в трудовые коллективы. Социально-

РИСУНОК: НАТАЛЬЯ КОНЫШИНА

психологическая подготовка должна быть направлена на коррекцию ценностных установок выпускников, приведение в соответствие уровня их притязаний и возможностей, формирование навыков социальной компетенции.

В 2010–2011 годах некоммерческим благотворительным фондом «Надежда» в городе Владимире была разработана и реализована программа «Школа молодого специалиста». Программа направлена на создание условий для профессионального самоопределения и становления молодых людей из числа детей-сирот.

«Школа молодого специалиста» предполагает три этапа работы. Первый — тренинговая подготовка: коррекция ценностных установок, выработка уверенного поведения, развитие навыков самопрезентации и толерантности, а также знакомство с существующими трудовыми нормативами. Второй этап — подготовка к конкретному месту работы: создание личных карьерных планов на 5, 10 и 15 лет, консультация и помощь в поиске работы в соответствии с личным карьерным планом. Третий этап — непосредственное трудоустройство, сопровождение молодого специалиста и обратная связь с работодателем.

ДЕЛАЙ РАЗ, ДВА, ТРИ

Программа первого этапа включает 38 сценариев занятий по 19 темам. Она реализуется через интерактивные методы обучения, такие как тренинги, мини-лекции, дискуссии, деловые игры, работа в группах, экскурсии, консультации.

Второй этап состоит из 18–20 индивидуальных консультаций и 6 практических групповых занятий. Здесь к подготовке молодых специалистов подключается психолог-консультант агентства по трудоустройству. Этап начинается со структурированного интервью и тестовой диагностики. По результатам диагностики участникам программы даются устные рекомендации, разрабатываются личные карьерные планы.

На третьем этапе программы участники, согласно полученным рекомендациям, самостоятельно ищут работу, заключают трудовые договоры. Специалист агентства осуществляет обратную связь с работодателем и центром поддержки, а специалисты центра поддержки в случае необходимости консультируют выпускника по сложным трудовым ситуациям.

ПРАКТИКА. НАЧАЛО

К запуску первой программы «Школа молодого специалиста» было подано 20 заявлений, на первое занятие пришло 18 девушек — выпускниц образовательных учреждений для детей-сирот. Большинство участниц программы (9 человек) оказались студентками профессиональных училищ (ПУ) последнего года обучения, ещё 5 были студентками вузов и 4 — учащимися колледжей. Возраст участниц варьировался от 17 до 22 лет. Все девушки провели в условиях институционального воспитания от 7 до 10 лет.

После первого месяца занятий количество участниц сократилось до 12. Из группы выбыли студентки ПУ. Практически все выбывшие участницы оставили занятия из-за желания повысить свой образовательный уровень. Одна девушка решила готовиться к сдаче ЕГЭ и поступать в вуз, другая возобновила регулярные занятия в ПУ и продолжила практику (до этого она собиралась бросить второе образование и найти работу), четыре участницы решили получать второе профессиональное образование. Данное поведение объяснимо тематикой первых занятий, делавшей акцент на ценности и актуальности знаний и профессиональных компетенций. Кроме того, условия обучения в интегрированной группе чётко показали менее подготовленным слушательницам преимущества выпускниц и студенток вузов. Следующий отсев произошел перед началом второго этапа. На собеседование пришли 9 участниц — студентки колледжей и вузов, в то же время 3 девушки из ПУ отказались участвовать в собеседованиях и тестах, объяснив такое решение недоверием к незнакомому специалисту из агентства по трудоустройству. Видимо, ситуация собеседования и тестирования воспринимается студентами ПУ как «необычная», так как в системе начального профессионального образования преобладают традиционные формы контроля знаний — контрольные работы, зачёты, экзамены по билетам. Для студенток среднего и высшего профессионального образования тестирование — стандартная процедура.

ПРАКТИКА. ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП

Результаты диагностики показали, что уровень притязаний всех участниц достаточно высок. Желаемый профессио-

нальный статус в большинстве случаев равнялся руководителю или владельцу среднего предприятия. Карьерные цели были чётко обозначены конкретными должностями: хозяйка ресторана, владелица кабинета психологической консультации, собственница рекламного агентства, руководитель службы продаж и арт-директор журнала мод. Одновременно у всех выпускниц были выявлены слабые навыки целеполагания. Ни одна из девушек не смогла поэтапно выстроить картину своего дальнейшего профессионального развития, все участницы были непоследовательны в своих перспективных построениях.

Занятия по программе второго этапа помогли слушательницам овладеть навыками тайм-менеджмента, планирования, определения задач и построения пошаговых механизмов их решения. В результате каждая участница сумела составить свой личный карьерный план, определить необходимые условия для достижения собственной цели, наметить действия по формированию этих качеств, разработать поэтапный механизм продвижения по карьерной лестнице.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящий момент все девушки приступили к поиску работы в соответствии с их личными карьерными планами. Четверо из них намерены найти временную работу по специальности, пять человек заняты поисками постоянного места трудоустройства, при этом все они готовы пройти свой профессиональный путь снизу доверху, приобретая необходимые знания, совершенствуя свои компетенции и личностные качества.

Безусловно, программа «Школа молодого специалиста» носила экспериментальный характер, и результаты этого эксперимента нужно ещё отслеживать в долгосрочной перспективе. На сегодня основной вывод, который можно сделать по результатам программы, состоит в том, что профессиональную подготовку выпускников образовательных учреждений для детей-сирот необходимо дополнять социально-психологической коррекционной работой. Причём основные акценты в данной работе следует делать не на снижении уровня притязаний молодых людей, а на формировании навыков целеполагания, временного планирования, развитии личностного потенциала и укреплении активной жизненной позиции.

Алиментарные вопросы

Марина Соседова

судья Становлянского районного суда Липецкой области

Многие родители, оставшиеся после развода с несовершеннолетними детьми, мыслят радикально: не платит алименты — лишит родительских прав. Российское законодательство действительно предусматривает подобный способ борьбы с «алиментщиками». Кроме того, законом предусмотрена неустойка за систематическое уклонение от алиментов и компенсация за понесённые убытки. К сожалению, реализовать эти права не так легко, как может показаться на первый взгляд.

ЛИШЕНИЕ ПРАВ

Согласно статье 69 Семейного кодекса РФ, злостное уклонение от уплаты алиментов является одним из оснований для применения крайней меры семейно-правовой ответственности — лишения родительских прав. Дело портит единственный нюанс: какое именно уклонение следует считать злостным, закон не разъясняет. В Семейном кодексе, равно как и в Уголовном кодексе РФ, предусматривающем уголовную ответственность за неуплату алиментов (часть 1 статьи 157 УК РФ), отсутствует легальное определение данного понятия. Доктринальное толкование даётся в тексте комментария к Уголовному кодексу: «Под уклонением от уплаты средств на содержание детей следует понимать прямой отказ от уплаты алиментов, несообщение судебному исполнителю или лицу, получающему алименты, об увольнении, несообщение о новом месте работы, сокрытие своего заработка, а при уплате алиментов несовершеннолетним детям — и о наличии дополнительного заработка или иного дохода». В судебной практике, как отмеча-

ют авторы комментария, под злостным уклонением от уплаты алиментов принято понимать «повторность совершения аналогичного преступления, уклонение от уплаты по решению суда, несмотря на соответствующее предупреждение, розыск лица, обязанного выплачивать алименты, и т. д.»

Уместно ли ставить знак равенства между понятиями «злостное уклонение от уплаты алиментов» в уголовном и семейном праве? В первом случае уклонение является преступлением, во втором — основанием для лишения родительских прав. Очевидно, два эти понятия

не равнозначны. Вероятно, применение крайней меры семейно-правовой ответственности допустимо в случаях, когда гражданин уже был ограничен в родительских правах, а также был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 157 УК РФ (злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей).

Сегодня статья 69 Семейного кодекса РФ нуждается в дополнениях, разъясняющих, в каких случаях уклонение от уплаты алиментов может являться основанием для лишения родительских прав. Более конкретная регламентация понятия «злостное уклонение от уплаты алиментов» позволила бы избежать ошибок при вынесении судебных решений и помогла бы разграничить ситуации, когда отец или мать действительно не заботятся о ребёнке годами, и случаи, когда в процедуре лишения прав присутствует формализм.

Сегодня статья 69 Семейного кодекса РФ нуждается в дополнениях, разъясняющих, в каких случаях уклонение от уплаты алиментов может являться основанием для лишения родительских прав. Более конкретная регламентация понятия «злостное уклонение от уплаты алиментов» позволила бы избежать ошибок при вынесении судебных решений и помогла бы разграничить ситуации, когда отец или мать действительно не заботятся о ребёнке годами, и случаи, когда в процедуре лишения прав присутствует формализм.

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

РАСЧЁТ НЕУСТОЙКИ

Вторая проблема применения положений Семейного кодекса РФ, регулирующих выплату алиментов, связана со сложностью расчётов неустойки за просрочку выплаты. Согласно части 2 статьи 115 Семейного кодекса РФ, при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, виновная сторона уплачивает получателю алиментов неустойку в размере 0,5 % от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки. Казалось бы, в алгоритме заложено всё: сумма задолженности, дни просрочки, процент. Однако на практике рассчитать самостоятельно размеры неустойки бывает достаточно сложно, ведь задолженность по выплатам в разные месяцы может быть различной.

Пример из судебной практики. Гражданин имел задолженность по уплате алиментов за период с 23 марта 2009 года по 20 мая 2011 года. Его средняя заработная плата с марта по ноябрь 2009 года составила 5 200 рублей, за декабрь 2009 года, январь, февраль 2010 года — 6 750 рублей, с марта 2010 года по март 2011 года — 7 545 рублей. При этом в апреле 2009 года в счёт уплаты алиментов с гражданина была взыскана сумма в размере 500 рублей, в январе 2010 года — 300 рублей, в марте 2010 года — 400 рублей, а в апреле 2011 года — 453 рубля. Легко понять, что такой расчёт неустойки непросто даже для специалиста. А ведь все расчёты должны быть произведены и представлены на момент подачи требований в суд истцом, который, как правило, не имеет экономического образования.

Представляется более рациональным, если расчёт неустойки будет зависеть не от количества дней про-

срочки, а от общей суммы задолженности по уплате алиментов. Допустим, на момент поступления дела в суд за гражданином числится задолженность в 10 000 рублей. Если убрать из расчёта привязку к количеству дней просрочки и увеличить ставку, взискиваемую с невыплаченных алиментов, к примеру, до 10 %, то расчёт станет предельно простым: 10 000 рублей умножить на 0,1 (10 %) равно 1 000 рублей. Таким образом, при общей задолженности в размере 10 000 рублей взыскатель может претендовать на неустойку в размере одной тысячи рублей. Доступный расчёт сделал бы данную норму более действенной, а следовательно, явился бы дополнительной гарантией соблюдения прав взыскателя алиментов.

УБЫТКИ И ЛИЧНОСТНЫЙ ПОДХОД

Часть 2 статьи 115 Семейного кодекса РФ предусматривает также возможность дополнительно взыскать с алиментобязанного лица все убытки, причинённые просрочкой и не покрытые неустойкой. Под убытками в данном случае понимается реальный ущерб, но не упущенная выгода (алиментные платежи не ставят целью извлечение дохода). Это положение касается ситуаций, когда, к примеру, из-за несвоевременных выплат алиментов родитель, с которым проживает ребёнок, был вынужден сделать заём или взять кредит в банке. Проблема состоит в том, что в процессе судебного разбирательства не всегда удаётся установить причинно-следственную связь между просрочкой выплаты алиментов и заключением договора займа или кредитного договора, а потому

цифры и факты

Согласно статистике, в России весьма невысок процент граждан, добровольно выплачивающих алименты детям, которых воспитывают их бывшие супруги. По данным, озвученным в марте 2010 года уполномоченным по правам человека в РФ Владимиром Лукиным, около 10 миллионов российских детей живут в неполных семьях и вправе по закону рассчитывать на алименты. При этом более половины названных детей алиментов не получают.

в удовлетворении требования о возмещении убытков истцу может быть отказано. Кроме того, в большинстве случаев получатель алиментов при просрочке не столько стремится влезть в долги, сколько ограничивает потребности своего ребёнка, в результате чего последний недополучает необходимые продукты питания, одежду, развлечения. Это, в свою очередь, может болезненно сказаться на психике ребёнка, который начинает чувствовать себя ущербным по сравнению со сверстниками в детском саду или школе. В свете этого представляется закономерным внесение в Семейный кодекс нормы, которая позволила бы взыскивать с должника компенсацию морального вреда, определяемую судом с учётом всех конкретных обстоятельств дела.

Таким образом, лишение родительских прав не является эффективной мерой борьбы с должниками по выплате алиментов. Подходить к решению проблемы нужно более гибко и комплексно. Только индивидуальная работа с участниками семейных отношений и учёт личностных особенностей бывших супругов способны дать положительные результаты. Одновременно хочется отметить, что положения Семейного кодекса РФ, касающиеся алиментных обязательств, нуждаются в дальнейшем законодательном совер-

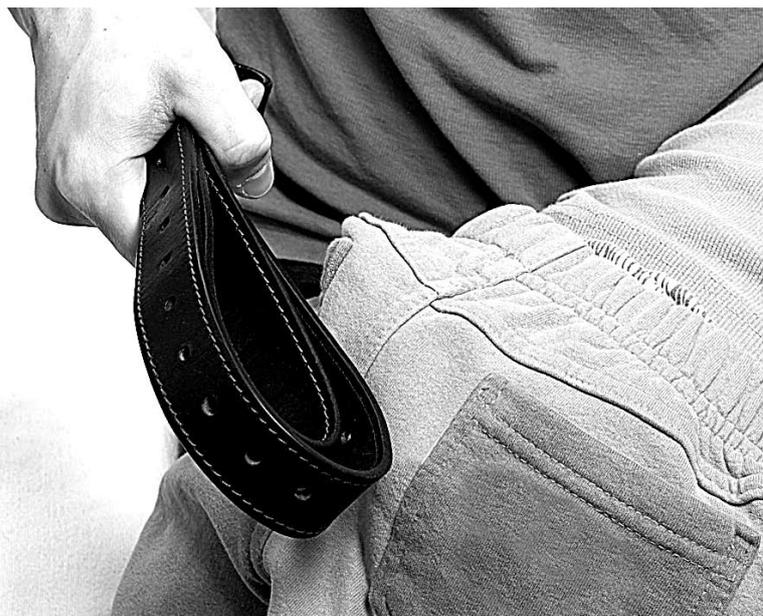
В большинстве случаев получатель алиментов при просрочке не столько стремится влезть в долги, сколько ограничивает потребности своего ребёнка, в результате чего последний недополучает необходимые продукты питания, одежду, развлечения.

Бить или не бить?

Людмила Петрановская

семейный психолог,

специалист по семейному устройству детей-сирот

Если родитель эмпатично воспринимает ребёнка, он просто не сможет осознанно и планомерно причинять ребёнку боль. Психологически, физически, как угодно — просто не сможет, потому что это противоестественно. Сорваться, психануть — да, шлёпнуть в раздражении — да, больно дёрнуть и даже ударить в ситуации опасности для жизни — да, но вот решить заранее, а потом взять ремень и пороть — не сможет. Потому что, когда ребёнку больно и страшно, родитель это чувствует напрямую и сразу, всем существом. И продолжать причинять боль в этой ситуации — всё равно что, как Муций Сцевола, держать руку в очаге.

Если родитель с младенчества относится к ребёнку эмпатически, то и ребёнок научается у него эмпатии, ещё в раннем детстве он точно воспринимает чувства родителя, а после созревания способности удерживать в сознании целостный образ родителя, примерно около 9–10 лет, уже очень хорошо представляет себе, что чувствует родитель в той или иной ситуации. И для него обречь родителя на муки тревоги столь же противоестественно, как родителю его бить.

Эмпатичность родителя ещё не гарантирует эмпатичности ребёнка, к сожалению. Зато отказ родителя от эмпатии (а порка невозможна без такого отказа) с очень большой вероятностью приводит к неэмпатичности ребёнка, к тому, что он загуляет на ночь, а потом искренне удивится, чего это все так переполошились.

Вынуждая ребёнка чувствовать боль и страх, чувства сильные и грубые, мы не оставляем никакого шанса для чувств тонких — раскаяния, сострадания, сожаления, осознания того, как ты дорог.

НАКАЗАНИЕ КАК ЧАСТЬ «ДОГОВОРА»

Мне кажется, между родителем и ребёнком всегда существует некий негласный договор о том, кто они друг другу, како-

вы их взаимоотношения, как они обходятся с чувствами своими и друг друга. И есть несколько моделей такого «договора», в каждой из которых тема физических наказаний звучит совершенно по-разному.

Модель традиционная, естественная, модель привязанности. Родитель для ребёнка — прежде всего источник защиты. Он всегда рядом в первые годы жизни. Если надо ребёнку что-то не разрешить, мать останавливает его в буквальном смысле — руками, не читая нотаций. Между ребёнком и матерью глубокая, интуитивная связь, что сильно упрощает взаимопонимание и делает ребёнка послушным.

Физическое насилие может иметь место только как спонтанное, сиюминутное, с целью мгновенного прекращения опасного действия — например, резко отдёрнуть от края обрыва или с целью ускорить эмоциональную разрядку. При этом особых переживаний по поводу детей нет, они адаптированы к жизни, не слишком тонко развиты, но в целом благополучны и сильны.

Модель дисциплинарная, модель подчинения, «удержания в узде», «воспитания». Ребёнок — источник проблем. Если его не воспитывать, он будет полон грехов и пороков. Он должен знать своё место, должен подчиняться, его волю

нужно смирить, в том числе с помощью физических наказаний. Этот подход очень ярко прозвучал у философа Локка: он с одобрением описывает некую мамашу, которая 18 (!!!) раз за один день высекла розгой двухлетнюю кроху, которая капризничала и упрямялась после того, как её забрали от кормилицы. Такая чудная мамаша, которая проявила упорство и подчинила волю ребёнка. Никакой привязанности к ней не испытывающего и не понимающего, с какого перепугу он должен слушаться эту чужую тётку.

Появление этой модели во многом связано с урбанизацией, ибо ребёнок в городе становится обузой и проблемой и растить его естественно просто невозможно. Он должен быть «обтёсан» для пребывания в четырёх стенах и для воспитания не родителями, а нанятыми людьми. Любопытно, что даже семьи, у которых не было жизненно важной необходимости держать детей в чёрном теле, принимали эту модель. Она не подразумевает никакой эмоциональной близости между детьми и родителями, никакой эмпатии и доверия. Только подчинение и послушание с одной стороны и строгая забота, наставление и обеспечение прожиточного минимума с другой. В этой модели физические наказания абсолютно необходимы, они планомерны, регулярны, часто очень жестоки

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

и обязательно сопровождаются элементами унижения — дабы подчеркнуть идею подчинения. Дети часто виктимны и запуганы либо идентифицируются с агрессором («меня били — и человеком вырос, и я буду бить»). Но при наличии других ресурсов вполне успешно живут, правда недостаточно находясь в контакте со своими чувствами, зато хорошо адаптируясь к иерархическим системам: армии, церкви, госаппарату.

Модель «либеральная», модель «родительской любви». Новая и неустоявшаяся, возникшая из отрицания жестокости и бездушной холодности модели дисциплинарной, а ещё благодаря снижению детской смертности, падению рождаемости и резко выросшей «цене ребёнка». Содержит идеи типа «ребёнок всегда прав, дети чисты и прекрасны, учитесь у детей, с детьми надо договариваться» и т. д. Заодно с жестокостью отрицает саму идею семейной иерархии и власти взрослого над ребёнком. Предусматривает доверие, близость, внимание к чувствам, осуждение явного (физического) насилия. Ребёнком надо «заниматься», с ним надо играть и «говорить по душам».

При этом в отсутствие условий для нормального становления привязанности и в отсутствие здоровой программы привязанности у самих родителей (а откуда ей взяться, если их-то воспитывали в страхе и без эмпатии?) дети не получают чувства защищённости, не могут быть зависимыми и послушными, а им это жизненно важно, особенно в первые годы. Не чувствуя себя за взрослым как за каменной стеной, ребёнок начинает

стараться сам стать главным, бунтует, его разносит от тревоги. Родители переживают острое разочарование: вместо «прекрасного дитяти» они получили монстрика. Они психуют, срываются, бьют — не намеренно, а в приступе ярости и отчаяния, потом сами себя грызут за это. А на ребёнка злятся нешуточно — ведь он «должен понимать, каково мне». Некоторые открывают для себя волшебные возможности эмоционального насилия и берут за горло шантажом и чувством вины. Дети «вытирают ноги» о родителей, ничего не хотят и не ценят.

Так вот, в пределах дисциплинарной модели физическое насилие не очень сильно ранило, если не становилось запредельным, потому что таков был договор. Никаких чувств, никакой эмпатии. Ребёнок этого и не ждёт. Больно — терпит. По возможности скрывает прощупки. И сам к родителю относится как к силе, с которой надо считаться, — без особого тепла и нежности.

Когда же стало принято детей любить и стало надо, чтобы они в ответ любили, когда родители стали подавать детям знаки, что их чувства важны, — всё изменилось, это другой договор. И если в рамках этого договора ребёнка вдруг начинают бить ремнём, он просто теряет всякую ориентацию. Отсюда феномен, когда порой человек, которого всё детство жестоко пороли, не чувствует себя сильно травмированным, а тот, кого один раз в жизни не так уж сильно побили или только собирались, помнит, страдает и не может простить всю жизнь.

Чем больше контакта, доверия, эмпатии — тем невыносимее физическое наказание. Для одних детей применение физического наказания — полное изменение картины мира, крушение основ, то, от чего сходят с ума. А для каких-то других детей других родителей это неприятный инцидент — и только.

Поэтому и не может быть общих рецептов про «бить или не бить» и про «если не бить, то что тогда». И задача, которая стоит, — гораздо более глубокая и глобальная, чем решить вопрос «где у него кнопка» и как заставить слушаться, при этом не лупя.

Задача в синтезе (если тезис — это дисциплинарная модель, а антитезис — либеральная). В том, чтобы возродить утраченную почти программу формирования здоровой привязанности. Через голову во многом возродить, ибо природный механизм передачи сильно повреждён. По частям и крупницам, сохра-

нённым во многих семьях просто чудом, учитывая нашу историю. И тогда многое само решится, потому что ребёнка, воспитанного в привязанности, не то что бить — и наказывать, в общем, не нужно. Он готов и хочет слушаться, он «лёгкий». Не всегда и не во всём, но в общем и целом. А когда не слушается, то тоже как-то правильно и своевременно, и с этим более-менее понятно, что делать.

НАКАЗАНИЕ ИЛИ НАСИЛИЕ?

Модели моделями, но давайте посмотрим теперь с другой стороны: что есть сам акт физического насилия по отношению к ребёнку. Какие есть варианты?

1 Спонтанная реакция на опасность.

Это когда мы ведём себя, по сути, на уровне инстинкта, как животные, в ситуации непосредственной угрозы жизни ребёнка. У нас были соседи, а у них — большая старая собака колли. Очень добрая и умная, позволяла детям себя таскать за уши и залезать верхом. И вот однажды бабушка была дома одна со своим трёхлетним внуком, что-то делала на кухне. Прибегает малыш — ревет, показывает руку — прокушена до крови, кричит: «Она меня укусила!» Бабушка в шоке — неужели собака с ума сошла на старости лет, а вдруг бешенство? Спрашивает: а что ты ей сделал? Ну, мелкий и говорит: «Ничего я ей не делал, я хотел с балкона посмотреть, а она сначала рычала, а потом...» Бабушка на балкон — там окно распахнуто и стул приставлен. Если б залез и перевесился — всё, этаж-то пятый. Дальше бабушка мелкому дала по заднице, а сама села рыдать в обнимку с собакой. Что он из всей этой истории понял, я не знаю, но отрадно, что у него будут ещё лет восемьдесят впереди на размышления, благодаря тому что собака отступилась от своих принципов.

2 Попытка ускорить разрядку.

Представляет собой разовый шлепок или подзатыльник. Совершается обычно в моменты раздражения, спешки, усталости. В норме сам родитель считает это своей слабостью, хотя и довольно объяснимой. Никаких особых последствий для ребёнка не влечёт, если потом он имеет возможность утешиться и восстановить контакт.

3 Стереотипное действие,

«потому что так надо», «потому что так делали родители», так требуется культурой,

обычаем и т. п. Присуще дисциплинарной модели. Может быть разной степени жестокости. Обычно при этом не вникают в подробности проступка, мотивы поведения ребёнка, поводом становится формальный факт: двойка, испорченная одежда, невыполнение поручения. Встречается чаще у людей, не способных к эмпатии. Хотя иногда это просто от скудости, так сказать, арсенала воздействий. С ребёнком проблемы, что делать? А выдрать хорошенько.

Для ребёнка также эмоционально «туповатого» оно не очень травматично, ибо не воспринимается как унижение, а чувствительного может очень ранить.

Вообще этот тип мы не очень хорошо знаем, потому что к психологам такие родители не обращаются, ибо не видят проблемы и не задумываются. У них «своя правда». Как с ними работать — не очень понятно, потому что получается сложная ситуация: общество и государство вдруг стали считать такое неприемлемым и готовы чуть ли не забирать детей. А люди реально не видят, из-за чего сыр-бор, и говорят: «А чё с ним будет?»

4 Стремление передать свои чувства, «чтоб он понял наконец». То есть насилие как высказывание, как акт коммуникации, как последний довод. Сопровождается очень сильными чувствами родителя, вплоть до изменённого состояния сознания: «у меня в глазах потемнело», «сам не знаю, что на меня нашло» и всякое такое. Часто потом родитель жалеет, чувствует вину, просит прощения. Ребёнок тоже. Иногда это становится «прорывом» в отношениях.

Не может быть сымитировано, хотя некоторые пытаются и получают лютую и справедливую ненависть ребёнка в ответ. Отдельные особи ещё и себя потом делают главными бедняжками с текстом «Посмотри, до чего ты довёл мамочку». Но это уже особый случай, деформация личности по истероидному типу.

Этот вид насилия в нашей культуре очень распространён и почти одобряем. Часто бывает на фоне переутомления, нервного истощения, сильной тревоги, стресса. Последствия зависят от того, готов ли сам родитель это признать срывом, или, защищаясь от чувства вины, начинает насилие оправдывать и выдаёт себе индульгенцию на насилие — «раз он слов не понимает». Тогда ребёнок становится постоянным громоотводом для родительских негативных чувств. Со всеми вытекающими.

5 Неспособность взрослого переносить фрустрацию. В данном случае фрустрацией становится несоответствие поведения ребёнка или самого ребёнка ожиданиям взрослого. Часто возникает у людей, в детстве не имевших опыта защищённости и помощи в совладении с фрустрацией. Особенно если они возлагают на ребёнка ожидания, что он восполнит их эмоциональный голод, станет той самой «мамой, которая всегда поймёт и поможет», для них самих или хотя бы «идеальным ребёнком». При столкновении с тем фактом, что ребёнок этого не может или не хочет, испытывают ярость трёхлетки и себя не контролируют. Ребёнка вообще-то страстно любят, но в момент приступа — люто ненавидят. Иногда это психопатия.

На самом деле этот вид насилия очень опасен, так как в приступе ярости и убить можно. Собственно, именно так обычно и калечат, и убивают. Для ребёнка оборачивается либо виктимностью и зависимостью, либо стойким отторжением от родителя, страхом, ненавистью.

6 Месть. Нечасто, но бывает. Помнится, был фильм, где отец бил сына как бы за то, что неусердно занимается музыкой, а на самом деле — мстил за то, что из-за детской шалости ребёнка погибла его мать. Обычно всё ещё более прозаично. Месть за то, что родился не вовремя. Что похож на отца, который предал. Что болеет и «жизнь отравляет».

Последствия тяжелейшие. Аутоагрессия, суицидальное поведение ребёнка. Если родитель так сильно не хочет, чтобы ребёнок жил, он чаще всего слушается... Ради мамочки. Ради папы. В более мягком варианте становится старшим и утешает — как в том же фильме. Реже — ненавидит и отдаляется.

7 Садизм. То есть собственно сексуальная девиация. Вряд ли это новая мысль, но порка очень похожа символически на половой акт. Обнажение определённых частей тела, поза подставления, ритмичные телодвижения, стоны-крики, разрядка напряжения. Не знаю, проводились ли исследования, как связана склонность физически наказывать детей (именно пороть) и степень сексуального благополучия человека. Мне сдаётся, что сильно связаны. Во всяком случае, самые частые и жестокие порки наблюдались именно в тех обществах и институтах, где сексуальность была наиболее жёстко табуирована или регламентирована,

в тех же монастырских школах, частных школах, где традиционно преподавали люди несемейные, закрытых военных училищах и т. д.

Самый мерзкий вариант — когда избиение подаётся ребёнку не как акт насилия, а как, так сказать, акт сотрудничества. Требуют, чтобы сам принёс ремень, чтобы сказал потом «спасибо». Говорят: «Ты же понимаешь, это тебе во благо, я тебя люблю и не хотел бы, я тебе сочувствую, но надо». Сносит у ребёнка систему ориентации в мире совсем, если он поверит. Он начинает признавать правоту происходящего, формируется глубокая амбивалентность с полной неспособностью к нормальным отношениям, построенным на безопасности и доверии.

Последствия разные. От мазохизма и садизма на уровне девиаций до участия в рационализациях типа «меня пороли — человеком вырос». Иногда приводит к тому, что подросток убивает или калечит своего мучителя. Иногда обходится просто лютой ненавистью к родителям — это самый здоровый вариант.

8 Уничтожение субъектности. Описано Помяловским в «Очерках бурсь». Цель — не наказание, не изменение поведения и даже не всегда получение удовольствия. Цель — именно сломать волю. Сделать полностью управляемым. Признак такого насилия — отсутствие стратегии избегания. Если помните, у Помяловского те дети, которые весь семестр старались вести себя и учиться хорошо и ни разу не были наказаны, в конце были жестоко пороты именно потому, что «нечего». Не должно быть никакого способа спастись.

Чаще всего встречаются варианты 3 и 4. Реже 5 и 6, остальное ещё реже. На самом деле 2 тоже, думаю, часто — просто про это не говорят, поскольку оно не выглядит проблемой и, наверное, ею и не является.

Вы спросите: а где же собственно наказание как таковое? Я вот тоже себя спрашиваю. Не знаю. А оно бывает «как таковое»? Мне как-то не удаётся себе представить.

Продолжение в следующем номере

*Источник: «Живой журнал»
Людмилы Петрановской
ludmilapsyholog.livejournal.com*

Творите с нами — творите как мы!

Таков девиз московской детской художественной галереи «Изопарк». То, что творить как они — непросто, становится ясно с одного взгляда на рисунки, представленные здесь. «Изопарк» — это безудержная фантазия, удивительная свобода в выборе сюжетов, использовании различных материалов, а также умение посмотреть на жизнь с юмором и оптимизмом.

МАСТЕР И ДОШКОЛЯТА

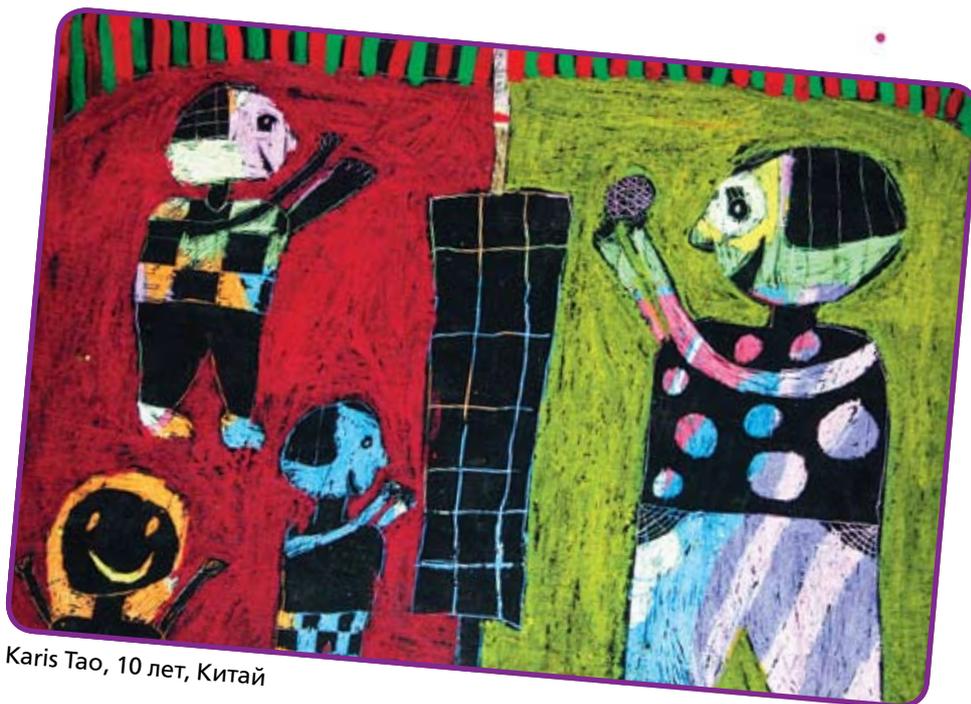
Идея создать центр детского творчества зародилась у художника Алексея Орловского порядка тридцати лет назад. Мастеру всегда нравилось заниматься с детьми, и в определённый момент возникло желание создать специальный центр детского творчества с музеем рисунка и изостудиями.

Так родилась галерея «Изопарк» — творческие студии, в которых обучаются почти 200 ребят, и выставочный зал, проводящий вернисажи работ воспитанников художественных школ Юго-Запада столицы. Поступить в студию может любой желающий: одним из принципиальных условий работы «Изопарка» является отсутствие предварительного отбора детей. Степень одарённости пяти- или шестилетнего ребёнка определить сложно, главное — чтобы ему нравилось рисовать, — так считают здешние педагоги.

НАУЧИТЬ... ФАНТАЗИИ

Сегодня одно из основных направлений работы «Изопарка» — коллективная проектная деятельность. «Материалы, темы, художественные приёмы — в проектах всё должно быть необычным, экспериментальным, чтобы дух захватывало, когда творишь!» — поясняет Орловский. Воплощается эта концепция по-разному. Например, в проекте «Про похищение Европы» каждый участник должен был «взять в соавторы» близкого по духу мастера мирового искусства. В результате ребята создали замечательные работы, в которых угадывался стиль Ван Гога, Матисса, Пикассо.

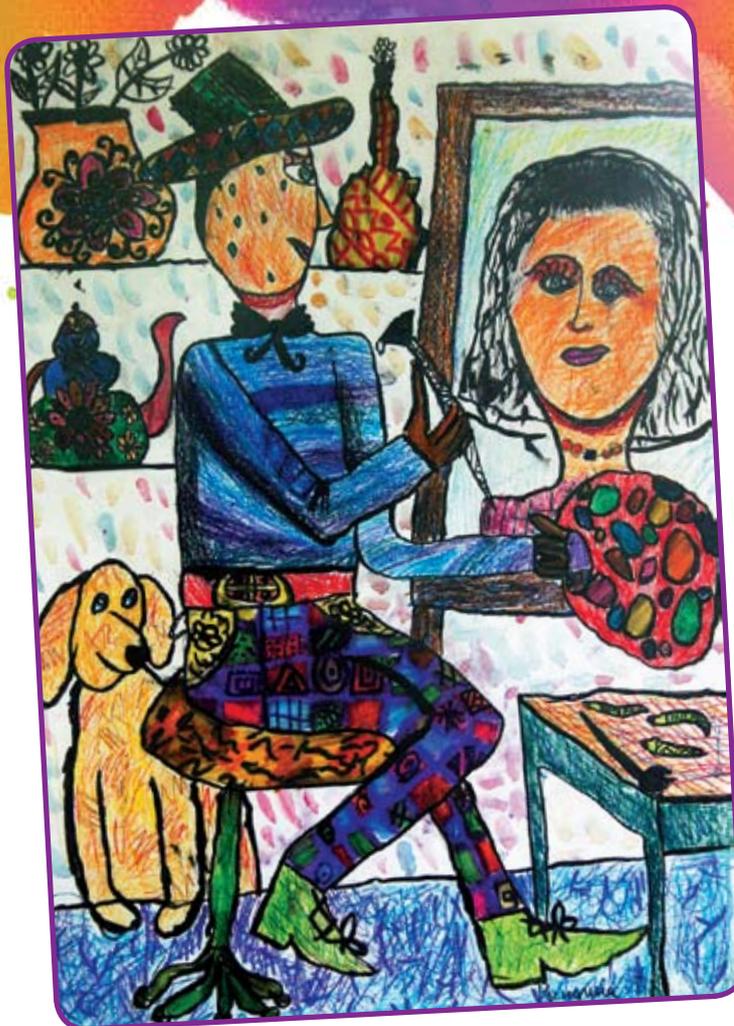
Сталкиваются юные художники и с трудностями. Так, в работе над космической темой нужно было придумать то, чего нет в реальной жизни. «Это не так просто — разбудить детское во-

Karis Tao, 10 лет, Китай

Reeti Harendra Chauhan, 8 лет, Индия

Полина Рындина, 7 лет, «Изопарк»

Майя Комарова, 7 лет, «Изопарк»

ображение, — замечает Орловский. — Первая роль здесь должна принадлежать педагогу. Он должен увлечь ребят, донести до них содержание основной идеи, её разные нюансы. Когда идея проникает в ум и сердце ребёнка — можно ждать интересного воплощения. Нет никаких убедительных методик, универсальных инструментов для того, чтобы заставить детей фантазировать. Эта система глубоко индивидуальна у каждого педагога».

СТУПЕНЬКА В КОСМОС

Сегодня ребята «Изопарка» готовят новый проект: «Есть контакт, или Живой космос». Он будет скульптурным, объёмным, из современных синтетических материалов. И можно не сомневаться: он поразит зрителей своей необычностью. «Каждый ребёнок, приходя в творческие студии галереи, ступенька за ступенькой поднимается всё выше и выше к постижению великого искусства и неподражаемого «я», — говорит Алексей Орловский. — Обычные краски, кисточки и бумага — всё дело в том, в чьи руки они попадут. В «Изопарке» научат с ними бережно, серьёзно и уверенно обращаться. Но главное, конечно, не в технических тонкостях, а в безудержной фантазии, которая помогает детям создавать свои первые шедевры».

Micha L. Vida, 6 лет, Словакия

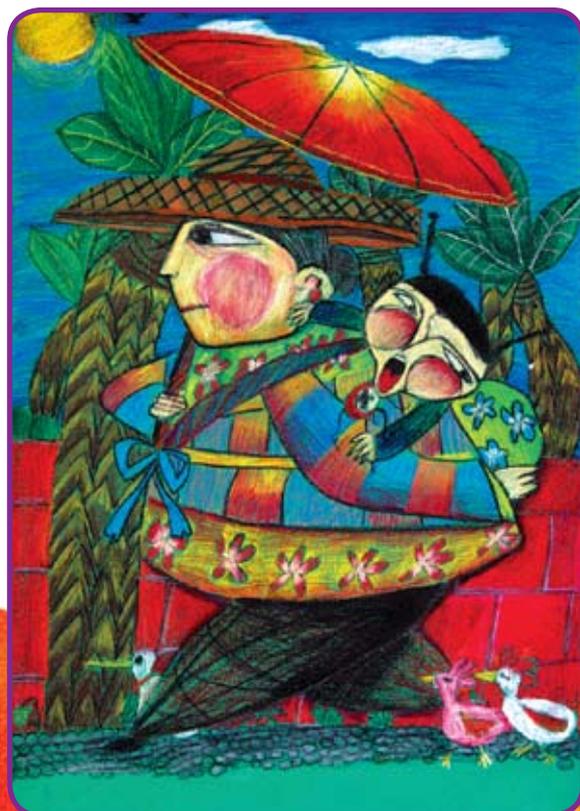
Гергана
Родославова,
10 лет,
Болгария

Диана Иванова, 8 лет, Болгария

Настя Чехович, 7 лет, «Изопарк»

Zara
Yusufay,
12 лет,
Албания

Безопасность от Буки и Бяки

Эльвира Васильева

Здравствуйте, дети. Узнали? Ну, что же... Я — Добрый Волшебник. И Сказочник тоже. Много историй собрал я по свету! Что ж рассказать вам... Быть может, вот эту... Я расскажу вам историю странную. Очень серьёзную. И очень забавную! Чутьку грустную. Чутьку страшную... И, безусловно, до крайности важную! Глазки пошире откройте свои. Я начинаю. Итак... Раз! Два! Три!

Вот так, по сказочному, начинаются совершенно не сказочные истории, рассказанные в ходе серии спектаклей «Приключения Буки и Бяки». Начинаются с игр и волшебства, а заканчиваются... серьёзными опасностями. Всё как в жизни: просто заигрались, просто не подумали, забыли о предупреждениях взрослых... Два забавных персонажа — стеснительный невезучий Бука и отчаянная озорница Бяка — быстро располагают к себе детскую аудиторию и вовлекают ребят в свои забавные проделки. Добрый Волшебник пытается вмешаться в ход событий, но ведь он, как и всякий взрослый, не может быть рядом каждую секунду. Этих секунд хватает, чтобы...

Но всё по порядку. Спектакли «Приключения Буки и Бяки», рассчитанные на детей дошкольного и младшего школьного возраста, являются частью проекта «Безопасное детство». Первый спектакль из этой серии называется «Бука и Бяка: приключения на перекрёстке». Здесь происходит первое знакомство всех со всеми: детей — с персонажами, персонажей — друг с другом. Интерактивная форма позволяет быстро установить контакт и диалог с детской аудиторией. При появлении грустного нелепого Буки дети начинают его жалеть. Бяка вызывает смех и веселье. А Добрый Волшебник рассуждает с ребятами о серьёзных вещах. Волшебник: «Как вы думаете, хорошо живётся Буке?» Дети: «Нееееет!» Волшебник: «Что же делать? Как ему помочь? Придумал! А давайте познакомим его с Бякой!» Мальчик лет пяти: «Не надо! Ему тогда ещё хуже будет!» Знакомство, конечно же, состоялось, но ребёнок, как говорится, «как в воду глядел». Неугомонная Бяка устраивает футбольный матч — на перекрёстке! И, конечно, пострадал... Как вы думаете кто? Несчастный Бука.

Дети, эмоционально вовлечённые в процесс спектакля, ярко реагируют на происходящее, дают советы, участвуют в решении поставленных перед персонажами задач. Легко и непринуждённо они учат и повторяют правила дорожного движения. И на деле видят, что происходит, если их не соблюдать. Часто общение детей с взрослыми в дошкольных и школьных учреждениях в целом смещено в дисциплинарную сферу. Все усилия взрослых направлены на то, чтобы дети жили по правилам. Но эти правила нередко перестают соблюдаться, как только ребёнок выходит за пределы учреждения. Часто это происходит потому, что дети слушают — но не «слышат». Процесс интерактивного спектакля позволяет в безопасной обстановке прочувствовать, к чему приводит несоблюдения правил, создать психическую реальность, в результате чего дети начинают не только слушать, но и чувствовать, понимать. Помните известное выражение: «Расскажи — и я забуду. Покажи — и я запомню. Вовлеки — и я пойму?»

Второй спектакль проекта называется «Бука и Бяка: игра с огнём». Два уже знакомых по первому представлению и полюбившихся персонажа устраивают отчаянную игру в индейцев. С помощью ребят «загоняют оленя», «призывают дождь», «закljučают мировую» с соседним племенем. И всё, вроде бы, весело и безопасно. Но... Какое же племя — без костра? И Бяка берёт в руки спички. «Просто так, чтобы на минуточку зажечь — и сразу потушить». Но не тут-то было. Несмотря на отчаянные протесты ребят, спичка зажжена — и начинается пожар. Конечно же, все кончается хорошо, дело спасает бравый пожарный Пожар Пожарыч. С помощью ребят он объясняет Бяке, как нужно вести себя при по-

Процесс интерактивного спектакля позволяет в безопасной обстановке прочувствовать, к чему приводит несоблюдение правил, создать психическую реальность, в результате чего дети начинают не только слушать, но и чувствовать, понимать.

жаре и чего ни в коем случае делать не следует. Теперь-то она в курсе:

— Пожар — беда! Я это знаю точно! Всегда, всегда, я буду умной очень! Запомни, друг: с огнём будь осторожен! Но если вдруг с тобой случится то же — скорей звони! Скорей зови подмогу! По 01 тебе всегда помогут!

Третий спектакль серии направлен на правила поведения с незнакомыми людьми. Называется он «Бука и Бяка: одни дома». Цель спектакля — сформировать осторожность в общении с незнакомыми людьми. Кого можно «пустить на минуточку», когда взрослых нет дома? С кем можно пойти «посмотреть щеночка в соседнем дворе»? Да и можно ли вообще... В город, где живут наши старые знакомые, приезжает неизвестно кто. И — неизвестно зачем. Жители встревожены. Известно о таинственном госте только то, что зовут его Абрак Адабра, и то, что он старается обманом проникнуть в дома. Бука напуган, а Бяка не принимает это известие всерьёз. «Подумаешь! А может, он просто поиграть хочет!» Таинственный неизвестно кто пытается проникнуть в дом Бяки и Буки, переодеваясь в бабушку-соседку, электрика, участкового милиционера. Предлагает деньги, сладости, покататься на аттракционах. Абрак Адабра: «Мы просто немного погуляем в парке, я куплю тебе мороженое, а потом сяду в поезд — и уеду...» Девочка лет шести (очень эмоционально, прижав руки к груди): «Бяка! Пожалуйста, не открывай! Я отдам тебе свою конфету! Вот — на! Только не открывай!» С помощью ребят и бдительного Буки беды не происходит, дверь остается закрытой и Абрак Адабра уезжает из города. Вместе с подросшим на помощь Добрым Волшебником ребята подытоживают произошедшее и озвучивают сделанные выводы.

Все три спектакля являются авторскими. Спектакли насыщены музыкой, которую написал специально для этого проекта молодой талантливый композитор Максим Поляков, и песнями.

Как и любой некоммерческий проект, театр проекта «Безопасное детство» нуждается в поддержке. Авторы проекта приглашают к сотрудничеству неравнодушных людей. Обращаться по электронной почте vmnteatr@yandex.ru или по телефону +7 915 024-83-11.

ФОТО: ЕЛЕНА ШМИДТ

Где начинается инцест?

Элеонора Качанова

Сегодня об этом уже открыто говорят в криминальной хронике. Однако инцест — это не только прямое сексуальное насилие, предупреждают наши эксперты журнала *Psychologies*.

«Иногда отец заходил в ванную, когда я была под душем... И мне, конечно, было неприятно, что он на меня смотрел... Но не надо преувеличивать — он же меня не насиловал!» Свидетельства такого рода нередко приходится слышать психоаналитикам и психотерапевтам. И им известно, насколько важно отнестись к этим словам с максимальным вниманием — ведь промолчать в ответ означало бы невольно согласиться: инцест возникает лишь там, где происходит физический акт насилия. И тем самым поддержать отчаянное, но неисполнимое желание их пациента отогнать, отвести от себя мучительное чувство: «Нет, в моей семье не было инцеста!» Но тогда откуда такое страдание?

Разобраться в его истинных причинах тем более необходимо, что сегодня инцестом принято считать лишь сексуальные отношения между отцом и дочерью или ситуацию, когда родители в буквальном смысле сексуально стимулируют ребенка. На самом деле всё намного сложнее: инцест не начинается с генитального контакта точно так же, как

и не ограничивается отношениями между дочерью и отцом. И происходит намного чаще, чем мы предполагаем.

УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ

О чём же говорят специалисты? Нам стоит помнить, что, во-первых, виновными в создании инцестных отношений становятся не только отцы, но также и матери, дяди, бабушки, отчимы, няни или друзья семьи. Во-вторых — что подобные отношения между братом и сестрой наносят обоим такой вред, размеры которого посторонним даже трудно предположить. В-третьих — что инцест не обязательно гетеросексуален, он также может носить гомосексуальный характер (мать — дочь, отец — сын). И, наконец, он может касаться не только больших, но и совсем маленьких детей — младше пяти лет, а иногда и младенцев. Сами инцестные действия также бывают очень разными. Так, если самые откровенные из них направлены непосредственно на половые органы или анус ребёнка, то в других могут быть использованы и иные части его тела, его кожа или даже зрение и слух — когда ребёнок становится свидетелем того, что происходит в родительской спальне, его переживания и эмоции превращают его в невольного «партнёра» взрослых сексуальных игр.

Психотерапевты подчёркивают: родственники, виновные в инцесте, чаще всего совершают действия, не связанные

с прямым генитальным насилием, поскольку при этом тело ребёнка внешне остаётся невредимым, без тех «отметин», которые могут стать уликами. Хотя и на психике ребёнка, и на его физическом самоощущении такие эпизоды всегда оставляют неизгладимые следы.

АТМОСФЕРА ТАБУ

Но дело не ограничивается и этим длинным перечнем губительных для ребёнка поступков взрослых, так как наряду с инцестом, запрет на который должен быть безусловным, существует и то, что психоаналитики называют «атмосферой инцеста». То есть все те особенности поведения взрослых — жесты, позы, взгляды, — которые вызывают у ребёнка или подростка чувства мучительной неловкости и тревоги, причину которых он не может понастоящему определить. Наши эксперты подчёркивают: не придавать такой ситуации значения было бы серьёзной ошибкой — для ребёнка она в высшей степени разрушительна. Ведь неопределённость положения лишает его чётких ориентиров, тем самым делая его страдание всепроникающим, «безграничным». Ребёнок, а позднее подросток не сможет чётко сказать: «Мне сделали это» — и тем самым справедливо признать, что он оказался жертвой. Более того: если он решится протестовать, взрослый всегда сможет возмутиться: «Да что ты выдумываешь!» Или даже обвинить свою жертву: «У тебя самого с головой не всё в порядке!» Таким образом, атмосфера инцеста всегда оказывается тайной, накрепко запертой «ловушкой», раскрыть которую непросто даже в процессе психотерапии. Но всё-таки это возможно, говорят наши эксперты. И перечисляют ряд характерных признаков, которые позволяют определить такие опасные ситуации.

ЭРОТИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ

Первый из них — это эротическая окраска отношений между родителями и детьми, отсутствие в них целомудрия. Такие отношения несут в себе немалую долю сексуальности — при том, что ни взрослые, ни дети этого могут и не осознавать. Подобная ситуация может возникнуть из-за того,

что в семье, где рос один из родителей, также не был установлен ясный запрет на инцест. Такой взрослый знает, что ребёнок не может быть для него сексуальным объектом, но бессознательно этого не принимает. Например, отец, чьё отношение к дочери носит вполне двусмысленный характер: взгляды, в которых сквозит желание, поцелуи, которые «невзначай» могут соскользнуть со щеки к губам, руки, которые медлят в отеческой ласке... Или же мать, которая кокетничает перед своим сыном-подростком, примеряя в его присутствии платя и явно стараясь вызвать его восхищение, которого ей не хватает во взглядах других. Другой

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ

- **Опасная атмосфера:** чрезмерная близость, смешение ролей членов семьи не дают ребёнку ощутить себя «отдельным» человеком — позже он не сможет строить ясные отношения с другими людьми.
- **Неуместная эротизация:** излишняя чувственность, «соблазнение» в отношениях родителя и ребёнка нарушают развитие его сексуальности.
- **Губительные жесты:** ребёнок страдает, если взгляды или руки взрослых чересчур долго задерживаются на его теле или он становится свидетелем интимной жизни родителей.

пример: опытных психотерапевтов порой посещает сомнение, когда на приёме они выслушивают рассказ о частых «дружеских потасовках» между отцом и сыном. «Они чуть ли не каждый день катаются в обнимку по ковру — для них это любимое развлечение!» Такие бессловесные схватки, бесспорно, не случайная игра, но единственная форма отношений, которые поддерживают оба их участника. И здесь у специалиста возникает вопрос: каких эмоций — возможно, испытанных когда-то в юности — неосознанно ищет отец в этих состязаниях, которые для ребёнка по-своему всегда эротичны? Об этом говорят все взрослые пациенты, когда делятся с психотерапевтом подобными воспоминаниями. Инцестная атмосфера возникает и в тех семьях, где родители не умеют и (порой бес-

сознательно) не хотят отпускать от себя детей — во взрослую, самостоятельную жизнь. Ведь важнейшая цель воспитания любого ребёнка состоит в том, чтобы помочь ему подготовиться к расставанию с родительской семьёй и создать собственную: «Когда ты вырастешь, ты больше не будешь жить с нами. У тебя будет жена (или муж), свой дом, работа...» Осуществить этот план не всегда бывает просто: чтобы покинуть свою семью — то есть выйти из нее «вовне», в окружающий мир, — необходимо, чтобы ребёнку этот мир не представлялся чем-то пугающим и для него опасным. И чтобы у него не было ощущения, что он, выходя «вовне», тем самым разрушает то, что осталось «внутри», — своих родителей. В этом смысле отцы и матери, для которых их дети служат своего рода «компенсацией», восполнением того, чего недостаёт в их жизни, делают процесс расставания особенно трудным.

ОТСУТСТВИЕ ГРАНИЦ

Чтобы повзрослеть и благополучно отделиться от семьи, ребёнку также необходима возможность распоряжаться самим собой. То есть ощущать себя «отдельным», отделённым от других человеком, который ясно чувствует границы своего — как физического, так и психического — пространства, имеет свои мысли и желания («Я так думаю, я так хочу») и уверен, что близкие признают и уважают его как личность.

Хотя психотерапевты с сожалением подтверждают: такая возможность есть не у всех детей. Действительно, некоторые семьи существуют не как союз самостоятельных личностей, которые живут вместе и получают от этого удовольствие, но как некая бесформенная масса, в которой все слиты со всеми, где каждый является не отдельной личностью, но неопределённой частью общего пространства.

Такую «неотделённость», объясняют специалисты, можно заметить на нескольких уровнях. Например, на уровне тела — как в той семье из четырёх человек, где в ванной всегда висело лишь два полотенца: одно «для верха» (верхней части тела всех членов семьи — и родителей, и детей), другое «для низа» — тоже для всего семейства. Причём надо подчеркнуть, что недостатка в финансах или предметах

гигиены в той семье не было... Другой пример — уровень интимности: это те семьи, где не принято закрывать двери туалета или ванной комнаты, где каждый всегда и у всех на виду. Такое постоянное вторжение чужого взгляда нарушает физическое пространство взрослеющего ребёнка и мешает ему выстраивать собственное «я». Особо опасно то, что ребёнок всегда воспринимает такую ситуацию как соответствующую желанию его родителей: «Если они не закрывают дверей, значит испытывают удовольствие от того, что глядят на меня. И от того, что я гляжу на них». Ещё один уровень — контроль: когда родители настойчиво желают знать о своем ребёнке буквально всё. Они не позволяют ему никакой «своей» жизни, подслушивают его разговоры, читают почту, СМС... Они стремятся «овладеть» ребёнком — во всех смыслах этого слова — настолько, что, если тот им не «говорит всё», это приравнивается ко лжи.

Наконец, «неотделённость» детской и взрослой сексуальности может проявляться и в словах — например, если взрослый посвящает ребёнка в подробности своей интимной жизни. А также в уже упомянутых действиях — когда ребёнок может слышать или наблюдать сексуальные отношения родителей. И эта ситуация для него безусловно губительна: интерес заставляет подсматривать за тем, что происходит, — и в нём поселяется мучительное чувство вины. И главное, увиденное нередко становится для него источником возбуждения, он мастурбирует — и становится, пусть на расстоянии, сексуальным «партнёром» своих родителей.

Когда провоцирует ребёнок

Зигмунд Фрейд подчёркивал, что ребёнок всегда неосознанно стремится к тому, чтобы придать определённый эротический оттенок своим отношениям со взрослыми. Так, некоторые дети отказываются мыться самостоятельно (хотя и умеют это делать), потому что воспринимают материнскую помощь как особый род удовольствия. Другие бесконечно обнимаются или же требуют поцелуев и ласк, демонстрируя матери то, как они «страдают» от недостатка её любви. В этом стремлении к эротизации отношений нет ничего патологического: ребёнок хочет быть «всем» для взрослого и получать от него, как и от всего, что его окружает, как можно больше удовольствия. Такое поведение является частью его нормального развития. Важно знать, что детская сексуальность всегда говорит на языке нежности, взрослая — прежде всего на языке страсти. Если вместо нежности ребёнку навязывают любовь, к которой он не готов, или буквально топят его в чрезмерных чувствах, ребёнок перестаёт чувствовать себя счастливым и теряет способность любить.

«НЕОТДЕЛЁННОСТЬ» ПОЛОВ

Возникновению в семье инцестной атмосферы может способствовать отсутствие и других — символических — границ. Например, между разными поколениями: когда ребёнок видит, что бабушка соперничает и бесконечно спорит с матерью из-за его воспитания; что отец заигрывает с подружками сына-подростка и т. п. Другой пример: место каждого в семье ясно не определено — ребёнок спит вместе с одним из родителей, в то время как другой отправлен спать на диван; он принимает участие во всех разговорах взрослых, а иногда и командует ими. Наконец, может возникнуть путаница в ролях членов семьи разного пола: подросток делает свою мать (при полном её одобрении) наперсницей, «советчицей», то есть соучастницей его любовных при-

ключений; дочь отправляется покупать нижнее бельё вместе с отцом, потому что так распорядилась мать, слишком занятая своими делами... Психотерапевты настаивают: такое явление, как инцест, существует среди нас не только в виде громких преступлений, о которых говорят в криминальной хронике. Каждый день в кабинетах психотерапевтов сотни мужчин и женщин рассказывают о том, как инцест однажды прервал естественный ход их жизни. Потому что он действует на жизнь человека так же, как лютой мороз на нашу кровь: он её леденит, он её останавливает.

Источник:
журнал *Psychologies*

ПСИХОЛОГИЯ
PSYCHOLOGIES

В защиту детей

8 800 20-00-122 — единый телефон доверия для детей, подростков и родителей с мая 2011 года работает во всех российских регионах. В 83 субъектах РФ действует 200 служб с единым телефонным номером.

(499) 265-01-18 — московский психологический центр «Озон» для детей, подвергшихся жестокому обращению и насилию.

(495) 624-60-01 — круглосуточный детский телефон доверия.

(495) 901-02-01 — телефон доверия Независимого благотворительного центра помощи пережившим сексуальное насилие «Сёстры».

Ребёнок подвергся опасности в Интернете? Вы столкнулись с фактами детской порнографии? Напишите об этом на сайт горячей линии www.friendlyrunet.ru или на сайт Центра безопасного Интернета www.nedopusti.ru.

Присоединиться к Движению в защиту детей можно на сайтах компании The Body Shop: www.thebodyshop.ru и www.thebodyshop.com/stop.

От одинокой мамы — к счастливой семье

Екатерина Селенина

президент российского благотворительного фонда «Надежда», старший научный сотрудник лаборатории социальных и психологических проблем профилактики сиротства и безнадзорности МГППУ

До последнего времени юные подростки из числа выпускниц интернатных учреждений не выделялись в отдельную категорию социально незащищённых, не выступали в качестве объекта специального внимания, опеки и реабилитации. Им оказывалась помощь по программам поддержки семей, находящихся в тяжёлой жизненной ситуации, матерей-одиночек или лиц из числа детей-сирот. И возникновение целевых программ помощи выпускницам детдомов можно отнести к числу наиболее актуальных благотворительных начинаний.

МАМА-ПОДРОСТОК

Проблема подросткового материнства резко обострилась в последние годы. Объясняется это несколькими взаимосвязанными факторами. С одной стороны, снижение уровня жизни, спад интереса к духовным и интеллектуальным ценностям, наблюдавшиеся в нашей стране в прошедшие десять — двадцать лет, дали резкое увеличение числа социальных сирот. С другой — значительный рост количества беременностей и родов среди несовершеннолетних отмечается с конца 1980-х годов во всём мире. Вряд ли это может стать поводом для гордости, но в данном вопросе Россия держится общемирового тренда.

Как правило, несовершеннолетними матерями становятся девушки с такими личностными особенностями, как недостаточные навыки планирования, заниженная самооценка, низкая мотивация к учёбе и профессиональному самоопределению. Кроме того, такие подростки обыкновенно склонны к неадекватно-романтизированному восприятию действительности. Характерно, что юные матери входят в «группу риска» по социальному сиротству, даже если они не воспитывались в детском доме.

Незрелость личности подростков оказывает самое непосредственное влияние на их отношение к материнству. Среди этой социальной группы сравнительно высока вероятность отказа от ребёнка (Брутман И. В., Ениколопов С. Н., 1994). Малолетним мамам свойственна демонстрация неэффективного родительского поведения. По сравнению со взрослыми матерями они отличаются меньшей эмоциональной отзывчивостью, сензитивностью к ребёнку, меньшим числом вербальных контактов, менее стимулирующим и более авторитарным поведением, большей небрежностью в организации режимных моментов и распространённостью плохого обращения. Кроме того, юные мамы относятся к группе риска и по вероятности возникновения послеродовой депрессии (Мухамедрахимов Р. Ж., 2001; Clemmens D. A., 2002 и др.).

Все эти особенности дают основания выделить несовершеннолетних мам в особую социальную группу, остро нуждающуюся в помощи специалистов. Социальная потребность в про-

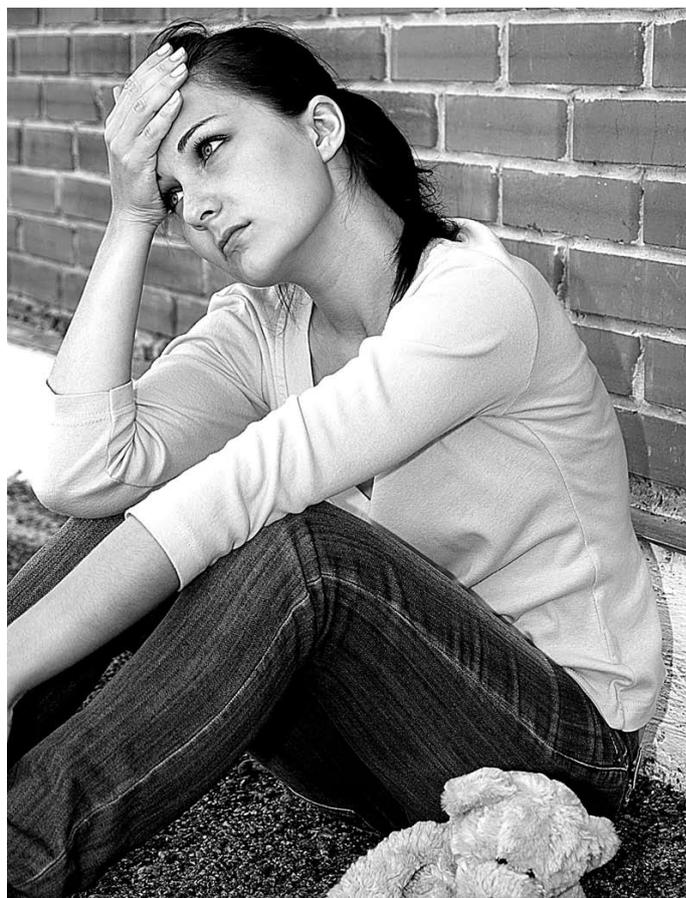

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

граммах работы с матерями подросткового возраста постоянно растёт. Психологические проблемы материнства и детства, связанные с ростом социального сиротства и ювенального материнства, лишь усиливаются в последние годы, а значит, нужны эффективные механизмы для их нейтрализации.

ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТИВНЫЕ... И НЕ ОЧЕНЬ

Основными целями социально-психологической помощи молодым матерям из числа детей-сирот являются типичные проблемы данной категории:

- не сформированный механизм сознательного принятия решений по важным событиям собственной жизни;
- отсутствие внутреннего психологического барьера перед ранним началом и беспорядочным ведением половой жизни;
- отсутствие позитивных семейных моделей;
- нарушение полоролевой социализации;
- реактивные нарушения привязанности;
- личностно-психологический дисбаланс, последствия различных видов депривации, насилия и жестокого обращения.

Одновременно опросы участниц программы показали, что молодые мамы видят свои проблемы несколько под другим углом. На первое место большинство девушек ставит трудности, связанные с адаптацией к роли матери и необходимостью воспитывать ребёнка. Затем следуют материальные проблемы и сложности, связанные с получением постоянного жилья. Получение профессии, образования и поиск работы заняли наименее значимые места в списке приоритетов.

Сопоставление объективно существующих проблем и субъективного видения участниц программы определило основные направления деятельности специалистов фонда «Надежда»:

- оказание психологической помощи;
- ведение социального патронажа;
- обучение элементарным навыкам ведения хозяйства и ухода за ребёнком;
- обучение социальным навыкам, в частности взаимодействию с государственными учреждениями;
- материальная поддержка.

СТУПЕНЬ ПЕРВАЯ — «МОЛОДАЯ МАМА»

Программа поддержки юных матерей состоит из двух основных ступеней. Первая ступень — «Молодая мама» — включает, в свою очередь, два уровня — экстренный и кризисный, вторая — «Молодая семья» — общий и лидерский уровни.

Целевую группу первой ступени составляют беременные 16–18 лет и молодые матери, находящиеся в тяжёлой жизненной ситуации. Цель данного этапа — предотвратить отказ от ребёнка и предупредить отторжение родительских прав. Задачами экстренного и кризисного уровней являются помощь в принятии осознанного решения стать матерью, формирование готовности к родительству, гармонизация родительской сферы молодой женщины (и мужчины), разрешение внутренних конфликтов и проблем в паре. Различия между экстренным и кризисным уровнем определяется степенью тяжести жизненной ситуации.

На «состояние экстренного уровня» указывают следующие показатели.

Социальные: отсутствие временного жилья, регистрации, выпадение из системы образования, безработица, бедственное материальное положение.

Социально-психологические: неприятие своего положения, негативное отношение к будущему ребёнку, зависимое поведение, наличие множества сексуальных партнёров.

Социально-медицинские: отсутствие медицинских осмотров, наличие заболеваний, в том числе гинекологических, плохое, несбалансированное питание.

Количество участниц экстренного и кризисного уровней ограничено материальными возможностями фонда (фонд выплачивает 1 500–2 000 рублей в месяц на ребёнка или беременную

участницу, в зависимости от первоочередных нужд) и нагрузкой на специалистов фонда. Команда специалистов фонда из трёх человек (руководитель программы с базовым педагогическим образованием, психолог-акмеолог с базовым психологическим образованием и социальный педагог) способна одновременно работать с группой числом от 8 до 15 человек.

Когда угроза жизни матери и ребёнка минует, у молодой женщины появляется временное или постоянное жильё, происходит оформление необходимых документов и пособий, постановка на учёт в медицинских учреждениях — участница программы переходит с экстренного на **кризисный** уровень.

СТУПЕНЬ ВТОРАЯ — «МОЛОДАЯ СЕМЬЯ»

Показателем перехода от первой ко второй ступени, с кризисного на общий уровень является отсутствие угрозы отторжения родительских прав.

Общий уровень характеризуется следующими факторами.

На **социальном** уровне — регулярное взаимодействие матери с учреждениями системы здравоохранения, социальной защиты населения и образования; владение основными приёмами ухода за ребёнком и ведения хозяйства.

На **психологическом** — установление тёплых, принимающих и стабильных отношений между ребёнком и матерью, овладение невербальными и вербальными средствами общения; эмоциональное сопровождение.

На **педагогическом** — умение проводить развивающие, а при необходимости и коррекционные занятия с ребёнком, гармоничное воспитание младенца.

С общего на **лидерский** уровень переходят молодые семьи, готовые оказывать поддержку в тяжёлой жизненной ситуации, участвовать в тренингах в роли помощников, оказывать помощь в подготовке мероприятий клуба «Молодая семья». Количество участников общего и лидерского уровней не ограничено, семьи могут присоединяться к мероприятиям фонда по желанию.

РАБОТА НУЖНАЯ, РАБОТА БУМАЖНАЯ

Эффективность любой программы социально-психологического сопровождения во многом зависит от грамотного ведения документации, без которой сложно оценивать динамику становления детско-родительских отношений, вносить изменения в экстренные и рабочие планы сопровождения семьи, координировать процесс сопровождения. Правильно оформленная документация обеспечивает эффективную защиту прав подростков и молодых людей из числа детей-сирот. Специалистами фонда были разработаны и апробированы следующие документы:

- заявление участника программы (если участница младше 18, необходимо

о программе

За шесть лет работы фонда «Надежда» по программе поддержки матерей из числа воспитанниц детских учреждений в трёх регионах Российской Федерации участницами программы стали 112 человек. Средний срок пребывания в программе составляет 1,5–2 года на первых двух уровнях, общая продолжительность программы составляет обычно 2–4 года. Средний возраст подопечных фонда на момент рождения ребёнка составляет 18 лет (минимальный — 16 лет, максимальный — 19 лет).

Главное направление психологической поддержки, оказываемой специалистами фонда, — развитие у несовершеннолетних беременных и молодых матерей уверенности в себе и в своих силах, принятие ребёнка, налаживание взаимопонимания с ним. Само по себе общение всех участников программы (сопровождаемых и сопровождающих) предполагает отсутствие критики, поощряет любые спонтанные высказывания, стимулирует уважение к каждому участнику, способствует душевному раскрытию участниц и снижению их тревожности.

согласие органов опеки и попечительства на участие в программе);

- договор с участником программы;
- структурированное интервью с участником программы;
- экспресс-план экстренной помощи беременной или матери-одиночке;
- рабочий план поддержки семьи;
- личное дело семьи;
- бланк коррекционной работы с семьёй;
- лист визита в семью;
- бланк посещения центра;
- таблица данных по участникам программы.

ВАЖНЫЕ ИТОГИ

Программа поддержки несовершеннолетних матерей из числа детей-сирот была опробована в трёх регионах Центрального

федерального округа, и вот её результаты на сегодняшний день. Успешно апробирована технология социально-психолого-педагогического сопровождения ювенальных матерей из числа детей-сирот. Разработаны методы диагностики психологической готовности к материнству несовершеннолетних беременных — выпускниц интернатных учреждений, а также методы и средства психологической помощи малолетней матери и её ребёнку.

За годы работы программы в ней приняли участие 112 матерей и молодых семей, причём 109 из них сохранили родительские права. 67 участниц программы трудоустроились и постоянно работают, 25 — продолжают учёбу. 46 молодых матерей находятся в декретном отпуске. 77 участниц обеспечены временным жильём, 25 семей получили постоянное место жительства. Наконец, 62 молодые мамы вступили в брак или состоят в долгосрочных гражданских отношениях.

Педагогическая утопия

Валерий Панюшкин
писатель, журналист

Мне пришлось побывать в провинциальной школе-интернате, и я, признаться, поражён был тем, какое богатство пропадает зря, как глупо и неэффективно расходуются деньги. Нет-нет, не подумайте, никакого воровства. И дети ухоженные. И кормят хорошо. Но до сих пор никак, никак невозможно добиться, чтобы детский дом в России стал чем-то кроме временной резервации для сирот.

Территория детского дома, о котором я говорю, представляет собою прекрасный парк. Старинные липы, огромные каштаны, раскидистые яблони. Посреди этой чудесной территории стоит школа. Но в школе никто не учится. Здание школы в аварийном состоянии, и занятия поэтому перенесены в здание детского общежития. А школа просто стоит. У детского дома нет денег на её реконструкцию, да и незачем реконструировать: в интернате, рассчитанном ещё в советское время на 600 сирот, учатся и живут теперь 150 человек детей, так что в общежитии места хватает и для проживания воспитанников, и для учёбы.

Директор интерната, милая женщина, слыхом ничего не слыхивавшая о социальных технологиях, говорит, что дети у неё трудные, что в семье их не берут, потому что они трудные, и жить взрослой жизнью после интерната им тоже трудно, потому что они трудные дети. Чего тут непонятного?

На вопрос, есть ли у неё в детском доме психолог, директор отвечает, что ставка психолога есть, а психолога нету. В ближайшем городе, кажется, вообще нет психологов. А если бы и нашёлся один, то добраться от ближайшего

города до интерната можно только на маршрутке, а маршрутка ходит четыре раза в день, и ни один психолог, конечно же, не согласится трястись на маршрутке утром туда и вечером обратно. Да и что говорить об этом? Всё равно же нету ни одного психолога в ближайшем городе, а из районного центра точно не поедут.

В подобного рода разговорах о том, что поделать ничего нельзя, мы провели с директором около часа. Я хотел было возражать ей, но не стал. Я подумал, что слишком много чего пришлось бы объяснять. По дороге в Москву я только представил себе, что, на мой взгляд, следовало бы сделать с этим детским домом.

Во-первых, аварийную школу следовало бы отремонтировать и устроить в ней гостиницу.

Во-вторых, жить в этой гостинице следовало бы пригласить не одного психолога из районного центра, а пять психологов из Москвы и ещё пару психологов из Западной Европы и Америки. Следовало бы завести на базе интерната захватывающие исследования, так, чтобы психологам и педагогам было интересно участвовать, приезжать по контракту на месяц, на год или на несколько дней.

В-третьих, следовало бы приглашать в гостиницу людей, желающих усыновить ребёнка, готовить этих детей к усыновлению и приёмных родителей тоже готовить в санаторных практически условиях школы-интерната.

В-четвёртых, следовало бы выделить в отремонтированной школе-гостинице учебные квартиры, где выпускники могли бы потренироваться жить самостоятельно, и производственные площади, где дети могли бы делать что-нибудь полезное, приучаясь работать не в смысле изготовления табуреток, а в современном каком-нибудь смысле.

Вы спросите, откуда деньги? Я утверждаю, что в теперешней России уж на что на что, а на детские-то дома благотворительных денег можно найти в любом количестве.

Вы спросите, в чём же дело? Я утверждаю, что в головах. Только в головах. Причём приставлять новые головы надо не только директору детского дома, но и районным чиновникам, и областным, и федеральным и — главное — законодателям.

По закону вся педагогическая утопия, которую я описал выше, — запрещена.

Источник: www.svobodanews.ru

Вернуться к началу

Ирина Ромина

журналист, г. Череповец

Эта история началась 13 лет назад — именно тогда американская пара Эрик и Кэрлин Викери взяли из череповецкого дома ребёнка девочку восьми месяцев и мальчика двух лет. Русских усыновителей отпугнули медицинские диагнозы малышей, и дети уехали на другой конец света — в Америку. Сегодня Яна и Николас — жизнерадостные, энергичные, очень доброжелательные подростки — вернулись на историческую родину в качестве гостей.

За прошедшее время семья, принявшая малышей, изменилась: усыновители Эрик и Кэрлин расстались через четыре года после возвращения из России, у каждого из родителей возникла новая семья. Однако детей второй раз никто не бросил, напротив, у них появилось ещё больше близких людей. Поэтому в гости в Россию приехали четверо взрослых и трое подростков.

— Мы решили, что в Россию мы должны ехать все вместе, — говорит Эрик.

— Вы уже третья семья усыновителей из-за рубежа, решившая показать детям их родину, — взволнованно говорит главный врач дома ребёнка Нина Положенцева. — Две другие приезжали из Испании. Такие встречи — всегда огромная радость для нас.

— В России многим родителям трудно сказать ребёнку, что он не родной. В Америке и многих других странах, наоборот, принято рассказывать об этом малышу очень рано. Как было в вашей семье? Когда дети узнали, что они из России? Как восприняли это известие?

— Они знали это с самого начала. Мы с Кэрлин считаем, что детям очень важно знать, откуда идут их корни. Мы рассказывали сыну и дочке о России, чтобы дети гордились своей родиной. И они, когда познакомились с людьми, первое, что сообщали: «Я русский!» И всегда мечтали побывать здесь снова.

— Как американцы относятся к усыновлённым детям? К вашим, в частности?

— Очень хорошо! У нас в стране живут усыновлённые дети со всего мира. К ним даже больше внимания, чем к родным.

— Николас, а среди твоих друзей много ребят из других стран? Не обязательно приёмных.

— Очень много. Я назову только одноклассников. Есть девочки и мальчики с Украины, из Японии, Китая, Бразилии, Мексики, Южной Африки... Со всего мира! И русские ребята тоже есть.

— Потребовалось ли детям серьёзное лечение? — Нина Ивановна, как доктор, прежде всего интересуется здоровьем — ведь именно из-за медицинских показателей у малышей были проблемы с устройством в семью.

— Почти нет. Болезнь Николаса, которой боялись больше всего, так и не проявилась, и астма тоже исчезла. Теперь мальчик абсолютно здоров. У Яны первое время нередко болели уши, но теперь всё позади.

— В чём талантливы Яна и Николас?

— Они оба играют в футбол, как и многие американские дети.

— Яна, и ты футболистка?!

— Да. Сначала я смотрела, как играют Николас и Эрон, мой другой брат. А папа у нас — профессиональный судья, судит детские матчи. И я стала тоже играть в футбол. Ещё я люблю музыку, пела в школьном хоре, занималась танцами... Теперь почти всё время занимает футбол. Правда, я пишу рассказы, это увлекает, и я нахожу для них время.

— А Николас, — добавляет папа, — любит живопись, сам рисует. Прекрасно учится, почти на одни пятёрки.

— А о будущей профессии вы уже думали?

— Я посмотрю, какие у меня будут успехи в футболе, — говорит Яна. — Хотела бы заниматься им и дальше. Но вообще мне хочется стать врачом или ветеринаром.

— А я буду поступать в колледж и, если не стану футболистом, хочу полу-

чить юридическое образование, — говорит Николас.

— Какие вы молодцы! Какие молодцы родители! — восклицает Нина Положенцева. — Низкий вам поклон за детей.

— Хорошее начало было здесь, — откликается папа.

— А ведь сколько мы знаем историй, когда нашим детям плохо в американских семьях, — продолжает Нина Ивановна. — Наш дом ребёнка в конце 1990-х даже прекратил взаимодействие с вашей страной.

— Да, мы тоже знаем об этих трагических случаях, — вступает в разговор Кэрлин. — И это было ещё одной причиной, по которой мы хотели приехать к вам. Мы дарим вам фотоальбом о жизни нашей семьи. И фотографии ещё одной семьи, тоже взявшей мальчика из вашего дома (мы общаемся с четырьмя семьями, которые сюда приезжали за детьми). И мы счастливы, что успели усыновить Яну и Николаса. Эти дети — благословение для нас. Они прекрасны.

ПРОБЛЕМЫ БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

Развод родителей — всегда трагедия для детей, хоть для кровных, хоть для приёмных. Тем не менее, в жизни случается всякое, и не всегда мужчина и женщина могут сохранить семью. Как переживали этот трудный период мама, папа и дети?

— В какой-то момент мы с Кэрлин поняли, что не можем жить вместе: мы очень разные... — рассказывает Эрик непростую историю. — Но у нас много общего в отношении к детям, в понимании их воспитания. Да, дети часто очень трудно переживают расставание родителей, и в Америке тоже. Поэтому мы с Кэрлин заботились, чтобы Яне и Николасу не было слишком тяжело, чтобы они не страдали, даже когда мы ссорились. Они стали жить с мамой, но и я хотел остаться в их жизни настолько, насколько мог. И если в школе проходила конференция, на которой кто-то из детей выступал, или

«Какие же вы пригожие!» – гладит ребят медсестра Ирина Ишкова.

“
У нас в стране живут усыновлённые дети со всего мира. К ним даже больше внимания, чем к родным.
”

Малыши из дома ребёнка доверчиво взяли за руки новых друзей. Слева – Эрик Викери.

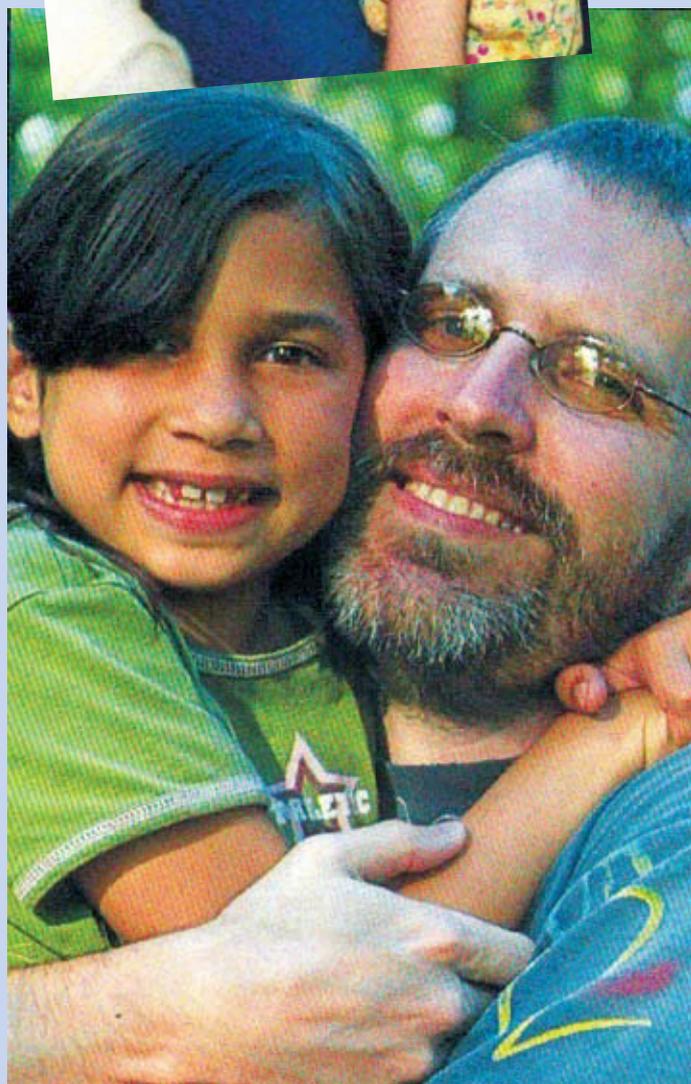

Главврач дома ребёнка Нина Положенцева не может наглядеться на бывших питомцев.

Николас и Яна с волнением смотрят на малышей из дома ребёнка. Когда-то они и сами были на их месте...

Это фотографии из альбома, подаренного американской семьёй Викери главврачу череповецкого дома ребёнка Нине Ивановне Положенцевой. Листая этот чудесный подарок (изданный, к слову, типографским способом — как настоящая книжка!), можно увидеть все моменты взросления Яны и Николаса — от первых часов с новыми родителями до мгновений, запечатлённых накануне отъезда — с друзьями. На каждой странице — радость, улыбки. Хорошие мгновения жизни: путешествия, занятия спортом, изготовление подарков, игры, любовь друг к другу, счастье открытий...

концерт, или соревнования, мы с Кэрлин шли туда вместе — поддержать, подбодрить. Мы же родители!

— А как вы отнеслись к появлению в доме детей Эрика? — спрашиваю его новую жену Кэт.

— Как можно отнестись? — удивляется она вопросу. — Это же дети! У меня было уже два своих сына, и дети могли играть вместе, общаться. Когда мы с Эриком поженились, сразу чётко расставили приоритеты: чтобы обе семьи были едины, чтобы дети могли жить и у нас. И я рада этому.

— Эрик, приходилось ли вам читать книги по воспитанию детей или обращаться к специалисту, особенно в самое трудное время?

— Мы нелегко пережили развод, но всё же, к счастью, не настолько, чтобы искать помощи где-то. Справились сами. А книги читали, пока дети были маленькие, много было вопросов. Очень понравилась американская серия «Чего ожидать...» (чего ожидать, когда ребёнку год, когда становится старше... Несколько таких книг).

— А ещё нам очень помогает общение с другими родителями, — добавляет Кэт. — Даже если они не знают ответа на вопрос, как поступить, всё равно после разговора становится легче: не только у меня эти проблемы!

«С ПАПОЙ ВСЕ ДНИ ПРЕКРАСНЫ»

— Эрик, что особенно помнится из общения с Яной и Николасом?

— Много хорошего! Случались и трудности, но все они решались. Яна в раннем детстве была очень пуглива, чуть, например, гром гремит — бежит ко мне, прячется. Плавать боялась. Я её учил, но, даже когда она уже вполне уверенно держалась на воде, всё равно долго боялась. А Николас прыгнул — и сразу поплыл. Ему даже в голову не приходило, что он не умеет плавать! Но первое время он совсем не умел себя занять, «доставал» всех. В начальной школе плохо себя вёл.

— Сейчас ваши дети — тинейджеры. Стало ли с ними труднее?

— Я бы не сказал. Это обычные проблемы переходного возраста. Яна теперь больше времени уделяет своей внешности, как и любая девочка в её возрасте. Не дождёшься, пока она причешется, оденется! Стала отвечать

немного грубовато, не соглашаться с взрослыми. Николас, наоборот, — очень умный, интеллигентный, улыбчивый. Но прекрасно запоминает всё, что ты скажешь, и потом припомнит: «А ты говорил так-то и так-то!» Замечает малейшую непоследовательность в словах, поступках. И очень внимателен к языку, часто, конечно, в свою пользу, — улыбается Эрик. — Говоришь ему, например: «Не обижай сестру!» — а он: «Я не обижаю, я её толкаю!» И не всегда знаешь, что возразить...

— Бывает, что вы сердитесь на детей?

— Ну, я бы не сказал так однозначно... Когда мне что-то не нравится, я свожу брови, смотрю сурово — и они понимают, что нужно изменить поведение.

— Николас, какие дни были самые счастливые с папой?

— С папой все дни прекрасны, — не задумываясь, ответил он. — Я не знаю, что выделить. Может, поездка в «Диснейленд», то, как мы ходили в зоопарк... Много всего!

— А Эрик строгий папа?

— Он замечательный. В пределах

го хотел бы есть овощи. И мы любим путешествовать все вместе. Были в Европе, сейчас жили в Москве, в Вологде, теперь поедem в Санкт-Петербург.

«ОНИ ПОХОЖИ НА МЕНЯ»

Дом ребёнка ждал дорогих гостей. Взрослые с малышами подготовили концерт, в котором пригласили участвовать всех: заокеанские дети и родители тоже с удовольствием водили хороводы, мгновенно освоили наши трещотки — и создали шумовой оркестр, играли в игры...

Состоялась, конечно, и экскурсия по дому ребёнка.

— Вот в этой спальне вы спали, — рассказывает Нина Ивановна, и ребята с волнением заглядывают в дверь, молча смотрят на раскинувшихся в кроватках ещё не проснувшихся малышей.

— Познакомьтесь, это медсестра, которая вас нянчила, на руках носила. И в новую семью провожала.

— Ой, какие же вы хорошие! — ласково гладит ребят Ирина Ишкова.

— А в группе тогда птичка жила, — вдруг вспоминает Кэрлин. — Умерла?

Дети живут в любви и теперь могут отдавать эту любовь другим. Это счастье...

безопасного и разумного даёт нам с сестрой свободу.

— О чём вы больше всего любите с ним разговаривать?

— О футболе, конечно! О спорте, на разные общие темы. Но самым личным я делюсь больше с мамой, она мой самый близкий друг. А Яна, наоборот, более откровенна с папой.

— Скажи, а что папа любит? Чем заниматься, какие блюда есть или готовить?

— Готовить он не умеет! Ну, правда, на гриле у него хорошо получается мясо. А есть он любит всё, что готовит его жена Кэт. Особенно мясо. («А сама я вегетарианка», — добавляет Кэт.) А в остальном... Он много работает, не так ли, папа? Успевает нам с сестрой помогать с домашними заданиями.

— А что любишь ты?

— Я люблю десерт. Мясо, пасту, фрукты, яблоки, — добросовестно перечисляет Николас. — Меньше все-

— Улетела! — отвечает главврач. — На волю.

— Я очень рад, что приехал сюда, — говорит Николас. — Это удивительное чувство — знать, что ты отсюда родом. И эти дети... Они, наверное, похожи на меня... И я благодарен родителям, которые заботятся обо мне и которые подарили мне сестру, я её очень люблю.

— Я тоже очень рада, что смогла приехать сюда снова, — поддерживает брата Яна. — Мне очень понравились дети. Я счастлива в своей семье, где могу всегда положиться на родителей. Я не представляю себя без них.

— У меня душа пела, — призналась после отъезда гостей Нина Положенцева. — Дети живут в любви и теперь могут отдавать эту любовь другим. Это счастье...

Более подробно —
на сайте www.dorogakdomu.ru

«4

еловек детдомовский», даже повзрослев, всегда будет не таким, как «человек домашний». Он никогда не наверстает любовь, которую крохой не получил от мамы с папой. Недолюбленный в детстве и не наученный любить, он будет всеми понятными ему способами доказывать миру: он — хороший. Мы убедились в этом, побыв в самом обычном детском доме под Петербургом и в не очень обычной питерской семье.

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

Чей дом богаче?

Ирина Тумакова

Мифы о детдомовских очень живучи. Говорят, например, что они не умеют делать покупки, потому что продукты видят только в виде еды в столовой. Или вот: растут на всём готовом и не умеют чай заварить.

— Много лет назад был такой случай: приехали журналисты, а ребёнок у них на глазах подставил кружку под кран и стал удивляться, что оттуда чай не течёт, — смеётся директор детского дома в Сиверской под Петербургом Любовь Николаевна Николаева. — Но мне только коллеги рассказывали, самой трудно такое представить.

Если судить по Сиверской, то нынешние детские дома шагнули вперед. Детки ухоженные и совсем не «инку-

баторские», у каждого есть свой шкафчик с одеждой, а на шкафчике — это Любовь Николаевна в Швеции подсмотрела и решила у себя внедрить — висит не казённая табличка с фамилией, а фотография маленького владельца. Для малышей это ужасно важно: тут — их личное пространство. Ушли в прошлое обшарпанные «казармы», теперь в каждой группе — несколько спален на троих или на пятерых, в некоторых — даже телевизоры. У кого нет своего телека, те ходят смотреть его в большую «гостиную». Кроме общей прачечной, есть в каждой группе стиральная машина. Оборудована кухня — с плитой, холодильником, микроволновкой, в общем — такой же техникой, как у многих

дома. С детьми проводят занятия по кулинарии, перед этим вместе с ними ходят в магазин за продуктами.

В общем, бытовые навыки прививают. А учитывая обильную спонсорскую помощь, которую нынче модно обрушивать на «бедных сироток», многим семьям и не снилось то, что видят детдомовские. Из Сиверской, например, ребята каждый год ездят в Испанию. У них есть дорогие игрушки и одежда, благотворители дарят мобильники, компьютеры, DVD-проигрыватели... Так что, может быть, мы ещё один миф разрушим и скажем, что детдом — это лучшее место для детей?

— Ребёнок, который вырос в детдоме, калека на всю жизнь, — тихо про-

износит Елена, когда-то забравшая из детдома дочку Катю. — Детдомовский ребёнок — это человек, который усвоил на уровне подсознания, что он — нелюбимый.

НЕ ХОЧУ МАМУ С ПАПОЙ. ХОЧУ СОБАКУ

Считается, что все детдомовские дети только и мечтают, чтобы их забрали в семью. Спроси любого: «Хочешь, чтобы тебя усыновили?»

Я осторожно спросила об этом 13-летнего Пашку. Он молчал не больше пары секунд, а потом завертел головой: нет, не хочу. Почему? Молчит.

Пашку нашли на помойке. Ему было 7 лет, и он еле-еле читал. На самом деле имя у парня другое. Но меня очень просили его не называть. У 13-летнего подростка, сказали, и без того мало шансов на усыновление. А тут ещё — биография...

Мы устроились поговорить на площадке перед детдомом. Побрёл Пашка со мной нехотя. Смотрел мрачно и недоверчиво. С вызовом в голосе потребовал сигарету. А я, вот беда, не курю. Он милостиво кивнул, когда я предложила вместо сигареты бутерброд с сыром. Я пошла в машину за своими дорожными запасами. Пару минут мы жевали сыр молча. Потом Пашка подобрел.

— Твоя машина? — уважительно кивнул он на мой лохматый аппарат.

— Ага, — я обрадовалась, что парень заговорил, даже перешёл на ты.

Из интерната, куда его поначалу водворили, Пашка всё время сбегал. Куда — никто не понимал. Мамы у него уже не было, её у Пашки на глазах убил папа. Старший брат тоже сидел. Дом для него был местом, где голодно и холодно, где кричат и колотят друг друга. Он не знал, что бывает иначе.

— Когда мне рассказали об этом мальчишке, я поняла, что его надо чем-то удивить, — говорит директор детдома. — Его привезли из интерната, и первым делом он заявил, что и от нас сбежит. Тогда я показываю ему: смотри, вот твой портфель, в нём — твои тетрадки, видишь — на них твоё имя... Он глазки вытаращил: «Вы что, меня ждали?!» С тех пор больше не удирал.

Больше всего ребёнка потрясло, что, оказывается, его где-то ждали. Даже готовились к его приезду! Это — главное, чем похожи друг на друга все детдомовские дети: каждый из них страстно —

так, как мы и представить себе не можем, — хочет, чтоб его кто-то любил.

— Мы можем искренне любить детей, но всё равно мы их любим всех вместе, а не каждого — самого по себе, — говорит Любовь Николаевна. — А ребёнок-то хочет каждый день быть приласканным мамой, чтобы его поцеловали, чтобы, может, пожурили, даже подшлёпнули...

Пашка попросту боится самого слова «семья». Потому что детдом — это где портфель с твоим именем, а семья — где папа убивает маму.

Мы с ним долго болтали ни о чём. Но вот перешли на собак. Я спросила, хочешь ли он собаку. И вдруг передо мной оказался совершенно другой ребёнок. Заулыбался, глаза загорелись, в лице какая-то теплота появилась... Оказывается, Пашка ужасно хочет собаку, он

**“Дом для Пашки
был местом,
где голодно
и холодно, где
кричат и колотят
друг друга.
Он не знал,
что бывает иначе.”**

даже породу уже выбрал! Я-то думала — овчарку, водолаза, ну, кого обычно хотят мальчишки? А он мечтает о маленькой таксе. Он бы всюду таскал её с собой, кормил, а она бы его любила... Пашка где-то читал: собаки — вот они любят просто так, ни за что.

«ДЕТДОМ — НЕ МЕСТО ДЛЯ ДЕТЕЙ»

В любой детдом приезжают потенциальные «мамы» — выбирать детей. Вот и меня в Сиверской, похоже, приняли за одну из таких «мам». Паренёк лет пяти с оттопыренными ушами и смешливым ртом, весёлый и невероятно потешный, влетел босиком в комнату и с хохотом растянулся на полу. Продолжая смеяться, подбежал и стал что-то возбуждённо рассказывать, вертя у меня перед носом ручонками и не выговаривая пол-алфавита... Я так и не поняла, что он

хотел сообщить, потому что в это время директор наклонилась к моему уху: «Это Стасик. Его никто не возьмёт...» Я машинально кивнула: да, мол, не возьмёт, уши подкачали...

Детей некоторые выбирают, как арбузы на рынке: у этого полоски бледноваты, а вот у того хвостик сухонький, а ну-ка вы его нам разрежьте, что там внутри... А малыши готовы и наизнанку вывернуться, лишь бы понравиться. И это глубокое убеждение, что никто их не полюбит просто так, что любовь надо заслужить, останется в них на всю жизнь.

— В историях об усыновлении слишком много розовых соплей, — твёрдо произносит Елена. Она знает, о чём говорит: им с приёмной дочкой Катей за 19 лет после детдома через многое пришлось пройти. — Детдом — это не место для детей. И ребёнок оттуда — он другой на всю жизнь.

Елена и её муж взяли к себе Катю, когда той было 7 лет. До этого сначала от неё, только что родившейся, отказалась её мамаша, а потом её дважды забирали из приюта в семьи и возвращали обратно. С таким «багажом» она и досталась Елене и её мужу. И домой они привезли зверёныша, которого, казалось, не приручить. Девочка называла приходящую «раздевалкой», спальню — «группой». А главное — озлобленный ребёнок никого к себе не подпускал.

— Я её даже на руки взять не могла, она сразу сжималась в комок и выпускала «колючки», — вспоминает Елена.

На самом деле маленькой Кате больше всего на свете хотелось, чтобы её взяли на руки! Но она привыкла к мысли, что такому не бывать.

— В детдоме я накрепко усвоила: я — сволочь, — рассказывает Катя. — До этого долго не могла понять: почему меня не любят и что надо сделать, чтобы полюбили? Как ни старалась, выходило только хуже.

Елена никогда не забудет, каким вопросом перво-наперво огорошила её дочка: «Если я буду себя хорошо вести, будешь класть бутерброд?»

Выяснилось, что в детдоме одна воспитательница — добрая душа! — своим любимчикам за хорошее поведение подсовывала под подушку бутерброд с колбасой. Этот хлеб с прозрачным розовым ломтиком стал для детей главной мечтой и главным стимулом в жизни. Но Кате он не доставался: шепотной девочке никак не удавалось попасть

в любимчики. И в её головке сложилась чёткая зависимость: любовь — это бутерброд, и то и другое дают только хорошим детям.

Сейчас Кате 26 лет. Благодаря стараниям мамы, которую она боготворит, она окончила университет, преподаёт в вузе, собирается защитить кандидатскую по экономике — как мама! — и мечтает начать свой бизнес. У неё есть маленький ребёнок и муж. Жизнь удалась. Но вот это «бутербродное» представление о любви Елене так и не удалось «вытравить» из дочки. И даже про любимого мужа Катя говорит так: «Кажется, он меня любит. Потому что я сильная, успешная, независимая. Потому что меня есть за что любить».

«Я ПРОСТО НЕ ЗНАЛА, КАК ОТДАТЬ ЕЁ ОБРАТНО»

— Мама — единственный человек, которому я доверяю абсолютно, — говорит Катя о Елене. — И она — единственная, кто меня любит, несмотря ни на что. А ей очень трудно со мной пришлось.

У нас много говорят о том, как живётся детям в приёмных семьях. Но кто знает, через что проходят приёмные родители?

Началось с дома и подъезда. Соседские дети не давали прохода Кате, их родители нападали на Елену: зачем привела «детдомовку», мало ли чего от нее ждать?! Катя, надо сказать, их ожидания оправдывала: закалённая детдомом, на обидное слово отвечала кулаками.

Очень быстро от Елены одна за другой отвернулись подруги, и первыми — те, у кого были свои дети.

— Прямо «генетический фашизм», — горько улыбается она. — Если у ребёнка «неправильные» гены, ему среди людей не место.

С этим Елена справилась: просто научилась, говорит она, не обращать внимания. Но «сюрпризы», которые подготовил Катин переходный возраст, оказались гораздо страшнее.

— Я и из дому убегала, и чего только я не делала, даже вспоминать не хочу, — раскаивается Катя.

— Я дочку любила и люблю, я её никогда не предавала и не предаю, но разделить с ребёнком грязь я не смогу никогда, — сжав губы, качает головой Елена.

Старые доброты тут же нарисовались со своими советами: отдай обратно, зачем тебе эта головная боль!

— А я бы, может, и отдала в какой-то момент, потому что было нестерпимо трудно, — признаётся Елена. — Просто я не знала, как это сделать — организационно.

И вот тут наступило настоящее отчаяние: она осталась с этой проблемой один на один, потому что даже Катин папа как раз тогда уехал работать в Москву. Она было бросилась в церковь...

— Но священник мне так и сказал: «А зачем ты её брала?»

Кинулась к психологам...

— Психологи — это вообще самые страшные люди, — усмехается Елена. — Они мне сказали: вы взяли ребёнка, чтобы решать свои проблемы, вот теперь и получили.

Елена до сих пор не понимает, как пережила тот кошмар. Но Катя подросла и выправилась. Поступила в универси-

Ребёнок привыкает к тому, что он — сирота и только по этой причине ему всё на свете положено и все ему чем-то обязаны.

тет, вышла замуж, родила Елене внука... Всё в их семье встало на круги своя.

И к этому времени как раз до переходного возраста доросли дети тех самых подруг, что когда-то отвернулись от семьи с «детдомовской». Катин подростковые художества кое-кому из них показались детскими шалостями.

ПОСЛЕ ДЕТДОМА

Хочу вернуться к разговору о том, как хорошо живётся деткам в детдоме. Из Сиверской девочку забрала к себе очень милая, по словам директора, семья. Через пару месяцев ребёнок заявил: хочу обратно. «У них даже “ди-ви-ди” нету!» — фыркнула она уже в детдоме.

Испания каждый год, свой телевизор в комнате, игрушки и компьютеры — не слишком-то много родителей способны завалить своё чадо тем, чем спонсоры щедро одаривают сирот. Ребёнок привыкает к тому, что он — сиро-

та и только по этой причине ему всё на свете положено и все ему чем-то обязаны. И это страшнее, чем ушедшие в прошлое железные койки.

В семье малыш получает подарки от мамы с папой, которые — он это знает — любят его и которых он тоже любит. И он радостно готовит подарки сам. А в детдоме совершенно посторонние дядьки и тётки несут детям дорожные вещи — просто так.

Потом ребёнок выходит в жизнь. В обшарпанное ПТУ, в общагу, в коммуналку — на большее они вряд ли могут рассчитывать. Подарков уже никто не даёт. И вообще ничего в жизни уже, оказывается, не положено «просто так».

Для кого-то это становится самым страшным переломом в жизни. Человек, повзрослевший снаружи, но оставшийся внутри «бедной сироткой», сам возьмёт то, что ему не дали. Один возьмёт чужой телефон. Другой потащит на пустырь девочку. Третий заберёт жизнь.

Да, детдом — не место для детей. А вы можете предложить что-то лучше для общества, где сиротство в основном — при живых маме с папой?

В деревне под Новгородом тело 5-летнего малыша валялось в канаве несколько дней, прежде чем родные мама и папа очухались и вспомнили, что в доме вроде не хватает чего-то. В Архангельске маленькие сын и дочка одинокой пьянчужки едва не погибли в пожаре, их чудом спасла соседка. Других похожих историй приводить не буду. Их множество, до озноба. Хотя если говорить о случаях, когда родители просто пропивают ребёнка и тот болтается по улицам, пока не станет жертвой маньяка-убийцы, то даже один — это слишком много. Уж лучше детдом.

Тем более что бывают ведь истории и такие, как у Кати. «Гадкий утёнок» стал в конце концов красивой, умной и успешной девушкой. Потому что её по-настоящему полюбили те, кто стал ей семьёй. Позже журналисты «Известий» помогли девушке исполнить её заветную мечту — найти родных сестёр. Ирину, оказывается, тоже забрала из детдома тёплая, любящая семья, и у неё, как и у Кати, жизнь удалась. А вот у старшей, Насти, всё совсем не гладко. Значит, всё-таки любовь — это и есть лекарство от «детдомовского синдрома».

Источник: газета «Известия»

Почему не надо поднимать иммунитет?

Владимир Мищенко
врач-терапевт

Пора осенне-зимних простуд неотвратимо приходит к каждому из нас ежегодно. Особую озабоченность это вызывает у мам, дети которых пошли в садики. И началось: в аптеках тоннами скупаются иммуномодуляторы — препараты, поднимающие иммунитет. Надо ли принимать такие лекарства, а особенно давать их детям? И как же поднять иммунитет?

Для начала — что такое иммунитет? Официальное определение: иммунитет (от лат. *immunitas* — освобождение, избавление от чего-либо) — это невосприимчивость организма, сопротивляемость его инфекционным агентам (в том числе болезнетворным микроорганизмам), способность организма противостоять изменению его нормального функционирования под воздействием внутренних и внешних факторов. Говоря проще, иммунитет — это способность организма справляться с инфекциями, новообразованными злокачественными клетками (у всех людей такие клетки постоянно образуются, но иммунная система убивает их ещё до того, как они начнут размножаться) и неблагоприятными факторами внешней среды.

У КОГО, ГОВОРЯТ, ПЛОХОЙ ИММУНИТЕТ?

Речь идёт не о здоровых детях, которые болеют ОРЗ (дошкольники могут болеть ОРЗ каждый месяц — два, и это норма). И не о взрослых, которые простужаются и страдают насморком 2–3 раза в год. Это здоровые люди.

Иммунитет низкий:

— у детей с настоящим врождённым иммунодефицитом: это дети, которые имеют генетическую поломку, вследствие которой организм не может защищаться от возбудителей болезней, и это не ОРЗ 5–6 раз в год — это тяжёлые бактериальные инфекции в первый год жизни, гнойные осложнения, туберкулёз;

— у всех возрастных групп с ВИЧ-инфекцией, но далеко не у всех ВИЧ-положительных — многие из этих людей благодаря наблюдению и лечению живут обычной жизнью, рожают детей, и все у них хорошо;

— если человек получает или получал иммунодепрессивное лечение: химиотерапию, преднизолон/метипред, иммунодепрессанты — такое лечение показано при опухолях, при некоторых других заболеваниях, при пересадке органов и в ряде других случаев;

— если у человека декомпенсированный сахарный диабет.

Если у вас или вашего ребёнка нет таких болезней, то не надо тратить деньги на иммунологические обследования и иммуномодуляторы. Все иммуномодуляторы, продающиеся в России, не прошли качественных исследований эффективности и безопасности, и нигде в европейских странах вы не найдёте врача, который назначает такие препараты. К детским соплям там относятся гораздо спокойнее, чем у нас. Природа умнее человека и, создавая человека, снабдила его достаточно сильными механизмами защиты для того, чтобы выжить почти в любых условиях без сомнительной фармакологической поддержки.

Несколько советов родителям, дети которых пошли в садик и начали болеть

Частые ОРЗ в начальный период посещения детского сада — это нормальная реакция организма ребёнка на первый выход в коллектив. Дело в том, что в популяции циркулирует небольшое количество вирусов, с которыми организм ребёнка должен «познакомиться». «Знакомство» протекает в форме острой респираторной инфекции. Приходя в садик, ребёнок инфицируется неизвестными штаммами и... увы, болеет. К уровню иммунитета проблема не имеет никакого отношения.

Если дети подружки или соседки пошли в сад и таких проблем у них не было,

значит к моменту выхода в садик они уже перенесли основное количество инфицирований — в транспорте, в кино, от знакомых. Чем более активен ребёнок, тем раньше он проходит этот путь. Ребёнок, запертый в четырёх стенах, естественно, реже контактирует с вирусами. И при домашнем воспитании проблема будет отнесена на первый класс. Избежать её, скорее всего, не удастся.

Чем же помочь ребёнку? Только разумным отношением, отсутствием паники и метаний, прогулками и играми на воздухе, разумным закаливанием. То есть лучшие иммуномодуляторы — это солнце, воздух и вода!

В момент заболевания ОРЗ не стоит давать ребёнку весь ассортимент близлежащей аптеки. Допустимо некоторое ограничение подвижности, но, как правило, нет необходимости в постельном режиме; обильное вкусное питьё любимая ребёнком пища; чуть больше, чем обычно, родительского внимания и ласки. Что касается лекарственных препаратов, то ни антибиотики, ни витамины проблему не решат. При необходимости ваш участковый педиатр назначит нужные препараты.

Самолечение недопустимо. Без назначения врача ребёнку любого возраста можно дать только жаропонижающее и в крайнем случае закапать в нос сосудосуживающие капли (в возрастной дозировке и только два раза в день).

А вот мнение подружек, бабушек, соседок, радиопрограмм, газеты «ЗОЖ», телевизионных передач и прочего... мы с вами всерьёз обсуждать не будем. Медицина — это наука, которая в наше время развивается бурными темпами, и её практические разработки строятся на фундаментальных исследованиях и знании человеческого организма, а не на домыслах.

детская клиника

Будь Здоров

клиники компании ИНГАССТРАК

Москва,
ул. Мясницкая, д. 13, корп. 13
Тел. (495) 782-88-82
www.7828882.ru

Любовь не лечится

Почему сироты из России становятся героями
плохих новостей из Америки

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

Анна Рудницкая

— Про что будете писать? — интересуется любезный пограничник в нью-йоркском аэропорту, глядя на мою журналистскую визу.

— Про усыновление.

— Это про ту женщину, которая посадила своего приёмного сына в самолёт и отправила назад в Россию?

— В том числе.

Американский пограничник возвращает мне паспорт и говорит без тени улыбки:

— Ей место в тюрьме.

Если бы этот разговор состоялся

на обратном пути, я бы с ним поспорила.

В марте прошлого года 33-летняя американская медсестра Тори-Энн Хансен из штата Теннесси совершила жестокий и отчаянный поступок, посадив своего 8-летнего приёмного сына Артёма Савельева на самолёт и отправив назад в Россию. В карман куртки мальчика она вложила записку, в которой назвала его психопатом, и объяснила, что его дальнейшее присутствие в её доме угрожает безопасности её семьи и что российские чиновники и работ-

ники американского агентства по усыновлению скрыли от неё реальное состояние здоровья Артёма.

В Америке её поступком возмутились не меньше, чем у нас, — за исключением тех американцев, чья жизнь тоже превратилась в ад после усыновления сирот из России. Они с облегчением почувствовали, что они не одни. Жестокий и отчаянный поступок Тори-Энн Хансен впервые поставил под сомнение едва ли не главную аксиому усыновления: «Любовь вылечит всё».

ДЖОЙС

У Джойс Стеркель русские корни: её дедушка — немец из России — приехал в Америку в начале прошлого века и обосновался в Монтане. Сейчас у неё самой уже несколько внуков, но она по-прежнему живет на семейном ранчо рядом с городком Юрика у самой канадской границы.

Последние несколько лет здесь, среди гор, лесов и озёр, живут несколько десятков бывших сирот из России, усыновлённых американцами. «Ранчо для детей» — нечто среднее между трудовой колонией и пионерским лагерем для детей, с которыми их американские родители не смогли справиться. Здесь за детьми круглосуточно присматривает кто-то из взрослых, они учатся, катаются на лошадях, делают работу по дому, выращивают овощи на огороде... Жизнь по расписанию, строгая дисциплина и бескрайние просторы вокруг — вместо стресса и соблазнов больших городов.

Джойс всю жизнь работала акушеркой. В 1990 году она поехала в Россию по одной из первых программ российско-американского сотрудничества — передавать опыт медсёстрам в больницах и детдомах Нижнего Новгорода. Она провела там два года, а вернувшись в Америку, бросила работу акушерки и основала агентство, чтобы помогать американцам усыновлять сирот из России. А дальше с Джойс произошло то, что рано или поздно случается практически со всеми, кто берётся помогать брошенным детям: имея трёх своих детей, она усыновила ребёнка.

На фотографии из пермского детдома — одной из сотен, приходивших в её агентство, — Джойс увидела светловолосую девочку с голубыми глазами и грустной улыбкой. Свои дети уже выросли, места в доме было достаточно. Джойс удочерила 10-летнюю Катю. И вошла во вкус.

Следующим был Майкл, от которого через семь лет после усыновления отказались его приёмные американские родители. Они обратились в агентство Джойс с просьбой найти ему новую семью, а до тех пор позволить ему пожить на ранчо. Через полгода Джойс решила не ставить новых экспериментов над мальчиком, которого уже дважды бросили: заседание суда, в очередной раз сделавшее её мамой, состоялось в его пятнадцатый день рождения.

Третьим был Саша. Про 14-летнего мальчика, которого приговорили к шести годам тюрьмы за попытку отравления приёмной матери, Джойс рассказал кто-то из знакомых. Она не поверила, что такое бывает, и поехала к нему в тюрьму. В тюрьме она, по её словам, увидела страдающего подростка. Сашу с двумя сёстрами американцы усыновили, когда ему было семь лет. Первая пара приёмных родителей от детей быстро отказалась: те вели себя слишком буйно. Тогда Сашу и сестёр разлучили, раздав в разные семьи. Но мальчик, уезжая из России, пообещал своей родной маме, лишённой родительских прав за алкоголизм, что будет заботиться о сёстрах. Он хотел видиться с ними, а его новая приёмная мама возражала. И однажды он взял какие-то таблетки и подсыпал их ей в салат...

Против идеи забрать Сашу на ранчо возражали родные дети Джойс, у которых уже были свои дети: слишком опасным казалось приглашать в дом подростка, попавшего в тюрьму за попытку убийства. Но Джойс их уговорила, оформила опеку над Сашей и доби-

— Это же как неудачный брак, — говорит Джойс про усыновление подростков. — Иногда люди просто не нравятся друг другу.

Аня провела на ранчо два года, потом уехала. Жила одна, потом с парнем («каким-то мексиканским гангстером», уточняет Джойс), злоупотребляла наркотиками и алкоголем. Потом забеременела — сделала бы аборт, но не было денег. Американская приёмная мама сказала: «Рожай, я заберу ребёнка». Аня отказалась с формулировкой: «Я не хочу иметь с тобой ничего общего». Тогда ей позвонила Джойс и предложила отдать ребёнка. Аня думала два месяца. Потом приехала и сказала: «Я не понимаю вашего бога и не понимаю, почему вы делаете то, что делаете, но я хочу, чтобы моя дочь росла у вас».

Джойс была с ней во время родов. Когда акушерка спросила, хочет ли Аня, чтобы ребёнка положили ей на живот, Аня отвернулась и сказала: «Заберите её от меня». Больше она дочку не видела. Лили стала четвёртым русским ребёнком, усыновлённым Джойс Стеркель.

Когда акушерка спросила, хочет ли Аня, чтобы ребёнка положили ей на живот, Аня отвернулась и сказала: «Заберите её от меня». Больше она дочку не видела.

лась, чтобы его отпустили из тюрьмы раньше срока. И ещё она пообещала ему найти его семью. В 2000 году они поехали в Россию, в Краснодарский край, и нашли в родном селе Саши его мать, братьев и сестёр, которые ничего не знали о мальчике почти десять лет. А потом Джойс нашла и сестёр Саши, усыновлённых другими американцами, и устроила их встречу у себя на ранчо.

Меня Джойс встречает с младенцем на руках.

— Это кто? — спрашиваю я.

— Это... получается, что дочка, — отвечает Джойс и почти идеально выговаривает по слогам:

— Ли-леч-ка.

Несколько лет назад подруга Джойс отправила к ней на ранчо свою приёмную дочь из России, Аню. Её удочерили уже подростком, и отношения с приёмными родителями у неё не сложились.

СЛОВА НА ТРИ БУКВЫ

Ранчо Джойс — одна из альтернатив тому, что сделала Тори-Энн Хансен. Этот путь выбрали уже несколько десятков американцев. Большинство из трёх десятков детей от 8 до 18 лет, живущих на «Ранчо для детей», — сироты из России.

На вопрос, как они здесь оказались, почти все отвечают одинаково: «Я плохо себя вёл и доставил много неприятностей родителям». У Джойс есть снятое кем-то из родителей видео, на котором видно, как именно может выглядеть плохое поведение: мальчик лет десяти швыряет об пол предметы вокруг себя, а потом с криками бьётся об пол головой, и длится этот припадок полтора часа. Иногда приёмные дети становятся просто физической угрозой родителям, братьям и сёстрам.

Как правило, ранчо — последнее убежище после того, как пройдены десятки врачей и испробованы десятки лекарств и методов терапии дома и в больнице. После того как приёмные родители, так мечтавшие о ребёнке, потратившие на процедуру усыновления и последующее лечение все сбережения, наконец признаются себе и окружающим, что просто не могут с этим справиться.

Почему на ранчо у Джойс больше всего детей из России и почему только они погибали в Америке от рук приёмных родителей (четыренадцать раз за всю историю усыновления из России)?

Есть две зловещие аббревиатуры, знакомые каждому, кто имеет дело с проблемами российских сирот в Америке: FAS (fetal alcohol syndrome) и RAD (reactive attachment disorder) — эмбриональный алкогольный синдром, известный в России как «синдром пьяного зачатия», и синдром нарушения привязанности.

Первый — результат воздействия алкоголя на ребёнка, находящегося в утробе матери: помимо деформации

но получить желаемое, — не более того. И как бы сильно приёмные родители ни любили такого ребенка, он просто не в состоянии ответить им тем же. Это не органическое поражение мозга, как при алкогольном синдроме, но тяжёлое психическое расстройство, требующее длительного лечения.

По понятным причинам российские сироты часто страдают от обоих синдромов. Кроме того, дети из России, как правило, гораздо старше своих товарищей из других стран. К примеру, больше 80 % детей, усыновляемых из Южной Кореи, — это младенцы до года, в то время как усыновить российского младенца иностранцам почти невозможно. Наше законодательство отдаёт приоритет отечественным усыновителям, а это значит, что ребёнок должен пробыть в базе Министерства образования не меньше шести месяцев, прежде чем информация о нём станет доступна агентствам по усыновлению за рубежом (а несколько лет назад на это требовалось два года).

Теперь представьте себе, что такой ребёнок, пробывший несколько лет

сен, которая не справилась со своим 8-летним приёмным сыном из России?

— Вариантов не так много, — говорит Джойс. — Можно отказаться от родительских прав через суд, но это занимает много времени. Нужны веские причины — например, подтверждённые случаи насилия по отношению к членам семьи. Кроме того, родители будут обязаны платить алименты до совершеннолетия ребёнка, возмещая затраты, которые понесёт государство. Американское общество в целом не очень приспособлено для нужд семей с такими детьми. У нас нулевая терпимость к двум вещам, которые часто демонстрируют дети с алкогольным синдромом: сексуальным извращениям и склонности к насилию. Причём окружающие, включая социальных работников, склонны винить в проблемах скорее родителей, чем ребёнка. Наша социальная система умеет помогать трудным детям из неблагополучных семей. Но что если вы обнаруживаете трудного ребёнка в семье университетских выпускников с годовым доходом в 200 тысяч долларов? Никто просто не знает, что с этим делать.

На ранчо, помимо трудотерапии и жизни по понятным, предсказуемым правилам, трудным детям впервые объясняют, что они не плохие, что их поведение, которое приводит в ярость окружающих, — их беда, а не вина. И что им просто надо научиться с этим жить. В компании таких же детей, где нет «нормальных» и «ненормальных», это сделать проще.

Я провела на ранчо несколько дней, и стоило нам остаться наедине с Джойс, как она начинала повторять мне одни и те же простые истины: «Нельзя пить во время беременности, даже один бокал на вечеринке. Нельзя оставлять ребёнка в больнице или детском доме. Младенцу до трёх лет нужен взрослый, который будет о нём заботиться, минимум один взрослый на одного ребёнка, а не три нянечки на двадцать детей — природа не зря устроила так, что у людей, в отличие от кошек и собак, чаще всего рождается только один ребёнок...»

Джойс повторяет мне всё это в двадцатый раз не из-за склероза или одержимости. Она видела слишком много русских сирот, вот и хочет с моей помощью объяснить эти простые правила нашим женщинам.

Окончание в следующем номере

Детям объясняют, что они не плохие, что их поведение, которое приводит в ярость окружающих, — их беда, а не вина.

черт лица и других нарушений развития, алкоголь может приводить к органическому поражению мозга. Такие дети не видят связи между причиной и следствием, не способны контролировать эмоции, подвержены вспышкам агрессии. И это не их вина: их мозг просто не в состоянии выполнять операции, доступные другим детям, он похож на швейцарский сыр, в котором проделал дырки алкоголь.

Второй синдром чаще всего возникает из-за того, что ребёнок рано, до трёх лет, оказывается в детском доме. Младенцу нужен взрослый, который будет о нём заботиться, причём каждый день, который покормит, когда ты голоден, укроет одеялом, когда тебе холодно, и возьмёт на ручки, когда ты плачешь. Это формирует базовое чувство безопасности и доверия к миру. Если такого взрослого рядом нет, ребёнок доверять не научится. Окружающие будут для него объектом для манипуляций, от которых, немного постаравшись, мож-

но в российском детдоме, усвоивший детдомовские повадки, склонный к агрессии, насилию и иногда сексуальным извращениям, попадает к приёмным родителям, которые мечтают о семейном счастье. Этот ребёнок не просто ворует, врёт, бьётся в припадках, мучает собаку и пытается заняться сексом с сестрой, но ещё и совершенно равнодушен или даже агрессивен по отношению к родителям. Попытки приручить его лаской приводят к обратному эффекту: такой ребёнок не хочет, чтобы его обнимали, не хочет, чтобы его любили, — потому что помнит, что это всегда заканчивается предательством. Комфортно он себя чувствует в окружении врагов, а не в кругу любящей семьи. И своим поведением он провоцирует агрессию окружающих, потому что знает, как жить на войне, но не представляет, как жить в мире.

Пребывание на ранчо стоит четыре тысячи долларов в месяц — как в лучших университетах Америки. Какие ещё варианты были у Тори-Энн Хан-

Про детей, которых взяли и вернули американцы

Людмила Петрановская

семейный психолог,

специалист по семейному устройству детей-сирот

Конечно, в этой статье краски несколько сгущены, потому что в центре внимания — самые тяжёлые случаи, но по сути всё верно. Когда наша общественность во главе с Астаховым взматывается в едином порыве, осуждая «бездушных америкосов», эта волна гнева прекрасно закрывает собой кое-какую другую правду.

А именно. Российские сироты тяжелее других, это правда. Наша система содержания детей-сирот, особенно младшего возраста, такова, что выйти из дома ребёнка или дошкольного детдома без расстройства привязанности (RAD) удаётся мало кому. Не у всех оно идёт по деструктивному типу, к счастью, но тот или иной тип присутствует практически неизбежно. При этом практика такова, что ребёнок задерживается в системе как можно дольше, копя проблемы и всё глубже погружаясь в пучину расстройства привязанности. Это наше государство делает с детьми такое, на наши с вами деньги, по нашим законам, а потом — опять же за большие деньги — отдаёт «бездушным америкосам» и делает их во всём виноватыми.

У российских сирот гораздо чаще встречается ФАС (фетальный алкогольный синдром), это правда. Потому что, в отличие от развитых стран, нет системы ранней помощи семье в кризисе, а в отличие от развивающихся — алкоголизация чудовищная, государство и бизнес спокойно гребут алкогольные деньги, а вся работа по просвещению относительно вреда алкоголя для ребёнка — гибрид распила денег с креативным самовыражением «на тему». Виноваты, как всем понятно, опять «бездушные америкосы».

Система иностранного усыновления построена так, чтобы быть максимально удобной государству, а не семьям и детям. Есть ли у агентства лицензия, переведены ли все документы в нужном количестве копий, указан ли в заявлении понятный нашим судьям и чиновникам мотив — это всё безумно важно. Как готовили кандидатов, что им говорили о детях, к чему они готовы на самом деле — не интересует никого. На официальных проплатах всяких сборов и т. д. наше государство немало получает за каждого ребенка, при этом избавляясь от забот по его содержанию и лечению

PHOTO: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

навсегда. И что? «Продавцы» или посредники должны ругать собственный «товар»? Предупреждать, что, возможно, после исполнения мечты жизнь вашей семьи превратится на энное количество времени в ад? Нет, гораздо логичнее разместить на сайтах славные фотки счастливых семей. И давать информацию на пол-листочка, создавая при этом у усыновителей ощущение, что нужно «скорее хватать», а то ведь не дадут никого. Какая уж тут помощь в принятии осознанного решения...

Вообще всё дико удобно — система работает так, чтобы чудовищные случаи обязательно происходили. При этом каждый такой случай в глазах общественности даёт системе повод и право продолжать работать в том же духе ещё усерднее. Ну, и заодно провести освежающую, объединяющую и наполняющую гордостью за себя, хороших, пятиминутку ненависти против «бездушных америкосов», «попиариться» на детской теме, изобразить эффективный и быстрый ответ на проблему.

И, на самом деле, всё то же самое происходит и по отношению к нашим приёмным родителям. Чуть что — они во всём виноваты, хотели денег, не любили, не справились и «как можно». А под «подготовкой ребёнка к приёму в семью» обычно имеются в виду игры вроде «как накрыть на стол»...

Источник: ludmilapsyolog.livejournal.com

И у меня на это сто причин...

Александра Барсукова

Как вам пришла в голову идея принять в семью ребёнка? Будущие приёмные родители знают, что их помыслы чисты, цели благородны, а будущие трудности осознаны — но им так или иначе придётся отвечать на этот вопрос. Его будут задавать сотрудники опеки, судья, психологи и просто знакомые. И при попытке сформулировать краткий и «правильный» ответ они чаще всего чувствуют острый дискомфорт. Вовсе не потому, что сомневаются в своём решении. А потому, что нельзя свести к краткой, ёмкой и всем понятной формулировке все мысли на этот счёт.

Для будущего родителя каждый вопрос о мотивации (чаще всего заданный в довольно бестактной форме: «Зачем вам это нужно?») — это лишний повод задуматься о своём решении, взвесить все «за» и «против», но, разумеется, не в контексте «зачем?». Правильнее спросить себя: «Почему?» «Проинспектировать» собственные ресурсы и заодно поработать с собственными ожиданиями, которые так или иначе будут складываться в процессе обучения в школе приёмных родителей, оформления документов и общения с теми, кто этот путь уже прошёл. Мы попросили психолога Людмилу Петрановскую прокомментировать самые распространённые причины, которые приводят к решению взять в семью приёмного ребёнка.

«ХОЧЕТСЯ, А НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ»

Эта причина, как правило, понятна всем, кто интересуется мотивами бу-

дущего приёмного родителя. И соседке даёт повод посетовать: «Ах, бедняжка, своих-то бог не дал», и в опеке ничего объяснять не придётся — как будто доказанное медициной бесплодие что-то может сказать о конкретном человеке. Но, хотя это и выглядит «самой естественной» причиной обращения к теме приёмного родительства, сложностей может быть немало.

Вопросы, которые следует себе задать:

■ Не слишком ли много надежд я возлагаю на долгожданного «наследника»? А вдруг у него не окажется ни одного из наших «семейных» талантов? А если он будет совсем не похож ни на меня, ни на супруга?

■ А вдруг это не «последний шанс», и потом в семье появится кровный ребёнок (так действительно часто случается, когда женщина перестаёт закликиваться на нереализованном материнском инстинкте)?

Советы психолога. Важно осознать, что приёмный ребёнок не может и не должен заменить для вас того ребёнка, которого не удалось родить. Ваше бесплодие вообще не имеет к нему ни малейшего отношения — это боль, с которой вы должны справиться сами, вместе со своим спутником и всей вашей семьёй. Если у вас есть ощущение, что вы берёте ребёнка только потому, что «а куда деваться», — лучше не стоит, радости такое родительство не принесёт. Лучше помогайте детям-сиротам в качестве волонтеров. Приёмный ребёнок должен иметь для вас самостоятельную ценность независимо от того, есть ли у вас уже родные дети, или может быть, будут. Тогда, несмотря на все возможные сложности, у вас могут сложиться глубокие, прочные и счастливые отношения.

«ВСПОМНИТЬ ВСЁ»

«Свои дети у нас уже взрослые, у них отдельная жизнь, а ведь малыш в доме — это такая радость, хочется ещё раз её испытать». Эта мотивация часто звучит у кандидатов в приёмные родители в возрасте старше сорока лет. У них есть присущая возрасту мудрость и опыт воспитания детей, чаще всего есть и устойчивое материальное положение... Но также (за редким исключением) есть уже и определённый

консерватизм во взглядах, и некоторые проблемы со здоровьем, и жизненная энергия уже не так бьёт ключом, как в юные годы.

Вопросы, которые следует себе задать:

■ Сколько мне будет лет, когда моему ребёнку исполнится 5, 10, 15, 20? Буду ли я в состоянии обеспечить ему интересную и насыщенную жизнь, в которой мне придётся активно участвовать? Как я буду относиться к тому, что его ровесники (да и просто посторонние люди) будут принимать меня за бабушку (дедушку)?

■ Справлюсь ли я с маленьким ребёнком? Смогу ли хорошо себя чувствовать при режиме дня, от которого устают даже совсем молодые и здоровые мамы и папы? Может, лучше сразу настроиться на ребёнка постарше?

■ Есть ли кому позаботиться о ребёнке, если со мной (с нами) что-то случится? (Справедливости ради стоит сказать, что этот вопрос актуален для всех потенциальных приёмных родителей, особенно одиноких, — но в старшем возрасте, увы, вероятность проблем со здоровьем всё же выше.)

Советы психолога. Действительно, сейчас очень часто родители взрослых детей — совершенно ещё молодые и активные люди. И вполне могут воспитать ещё одного или нескольких детей помладше. Только надо отдавать себе отчёт, что ваши собственные дети и приёмный ребёнок могут очень сильно отличаться друг от друга, поэтому просто «повторить на бис» вряд ли получится. Ваш опыт, даже очень богатый, может оказаться бессильным перед особенностями ребёнка, потерявшего семью. Так что обязательно пройдите подготовку, узнайте побольше о детях из детского дома. И, конечно, согласуйте своё решение со старшими детьми. Вам понадобится если не их помощь, то их моральная поддержка — наверняка.

«НЕ СМОГЛА УСТОЯТЬ»

Социальная реклама, статья в газете или журнале либо каким-то другим образом полученная информация о ребёнке, нуждающемся в помощи, может подвигнуть женщину на то, чтобы уладить все формальности на пути к приёмному родительству, — особенно если она одинока и трезвый мужской взгляд на ситуацию не охладит её пыл.

Вопросы, которые следует себе задать:

■ Что я буду делать, если, пока я буду собирать документы, ребёнка «с карточки» заберёт кто-то другой?

■ Готова ли я увидеть за фотообразом реального ребёнка — с психологическими трудностями, проблемами со здоровьем? Что случится, если нарисованный в воображении образ не совпадёт с реальностью?

Советы психолога. Жалость — чувство сильное, но не стойкое. Легко жалеть того, кто мал и слаб, однако ребёнок, особенно в период адаптации, может порой представлять вовсе не «бедной сироткой», а сущим монстром, который отравляет вам жизнь. Он может постоянно кричать, драться, всё ломать, обижать младших или животных; наконец, он может просто раздражать приставучестью, нытьём, слезами. От всего этого жалость быстро улетучится, а ребёнок у вас в доме останется. И что тогда? Кроме того, жалость не придаёт сил — когда мы жалеем кого-то, нам впору самим сесть и заплакать. А ребёнку нужен уверенный, жизнерадостный родитель, который сможет ему помочь преодолеть последствия сиротства и начать новую жизнь.

«ВМЕСТО НЕГО»

Потеря ребёнка — страшная трагедия. А когда это случается с ним в довольно взрослом возрасте, к родительскому горю часто прибавляется ещё и страх «пустоты», в которой им придётся провести всю оставшуюся жизнь.

Вопросы, которые следует себе задать:

■ Готовы ли мы к тому, что новый ребёнок — это совершенно отдельная личность, а не средство «заменить» ушедшего?

■ Может, лучше подождать?

Советы психолога. Потеря ребёнка — тяжелейшая душевная травма, боль от которой полностью не проходит никогда. Однако есть период переживания острого горя, в среднем это год — два после трагического события. В это время все душевные силы человека уходят на то, чтобы справиться с утратой, научиться жить дальше — это само по себе большая работа. А принятие в семью ребёнка — тоже огромный душевный труд, требующий мобилизации всех сил. И то, и другое одновременно практиче-

ски невозможно. На последней стадии переживания острого горя наступает депрессия, истощение, апатия. Это может длиться от полугода и дольше, прежде чем начнётся восстановление и возвращение к жизни. И каково будет родителям, если в это время в доме будет новый ребёнок, требующий внимания, сил, хорошего настроения? И каково будет ребёнку рядом с ними? Люди, потерявшие ребёнка, могут стать очень хорошими приёмными родителями, потому что они более терпимы, у них другой «масштаб» видения проблем и они очень редко расстраиваются из-за мелких неприятностей. Но надо дать себе время на исцеление душевной раны, восстановиться. И только тогда начинать новую историю с приёмным ребёнком.

«ДРУГ, ТОВАРИЩ И БРАТ»

Когда в семье один ребёнок — он может вырасти эгоистом. Такого развития событий опасаются многие родители. И возникает вполне естественное желание взять ему братишку или сестрёнку такого же возраста.

Вопросы, которые следует себе задать:

■ Готовы ли мы к тому, что приёмный ребёнок будет нуждаться в повышенном внимании, что вызовет закономерную ревность «самодельного»?

■ Сможем ли мы удержаться от открытого сравнения детей?

Советы психолога. В целом наличие в семье детей, близких по возрасту, облегчает адаптацию приёмного ребёнка. Ему легче освоить правила семьи, наблюдая за другими детьми. Однако, к сожалению, нет никаких гарантий, что свой ребёнок и приёмный станут друзьями. Отношения могут складываться очень по-разному, вплоть до лютой вражды и ревности. Если родители не готовы к такому повороту событий, они очень быстро пожалеют о своей затее. Важно помнить, что решение взять ребёнка принимают взрослые. Дети, даже если изначально вроде бы хотели, могут в любой момент передумать — как только окажется, что новичок дерётся, или жадничает, или всё время хочет быть рядом с мамой. Всё это проблемы решаемые, но благостойной картины «друзей не разлей вода» может всё равно не получиться, даже родные братья и сёстры не всегда близки друг с другом. Кроме того, ребёнок из детского дома может очень сильно

отличаться от родного ребёнка того же возраста по уровню развития, по способностям, по кругу интересов.

«ДОЛОЙ ОДИНОЧЕСТВО»

«В старости некому стакан воды будет подать» — одинокие люди часто это слышат от окружающих. У ровесников давно семьи, дети, и от этого одиночество кажется ещё более явным. Казалось бы, ребёнок — лучшее средство от одиночества...

Вопросы, которые следует себе задать:

■ Готов(а) ли я расстаться с привычками, которые неприемлемы в семейной жизни?

■ На чью помощь я могу рассчитывать?

Советы психолога. Одиночество зрелого человека редко бывает случайным. Скорее всего, это результат его выбора или его характера. Возможно, это самый удобный для него способ существования. Что произойдёт, когда в его жизнь войдёт ребёнок? С одной стороны, это новые впечатления, новые радости и заботы. С другой — нарушение всего привычного уклада жизни, чувство, что больше себе не принадлежишь. К этому нужно будет суметь приспособиться. А главное — ребёнок ведь всё равно вырастет и оставит родительский дом, так что особо обольщаться насчёт старости не стоит. В современном мире люди часто меняют место жительства, дети могут уезжать на работу в другие города и страны. И что тогда?

«СДЕЛАТЬ ДОБРОЕ ДЕЛО»

Дать семью одинокому ребёнку — дело, несомненно, хорошее. Как и любая другая искренняя помощь. «Сирота приносит в дом счастье», — говорили наши предки. И родители, которые приняли в семью ребёнка-сироту, могут подтвердить правоту этого утверждения, хотя ничего такого и не ожидали...

Вопросы, которые следует себе задать:

■ Почему я выбираю именно такое «доброе дело» — ведь принести пользу можно и другими способами?

■ Готов(а) ли я к тому, что мой поступок далеко не у всех вызовет одобрение и моё решение будут открыто обсуждать или осуждать?

Советы психолога. Если мотив «сделать богоугодное дело», «принести пользу» — единственный или сильно

превалирующий, я бы не советовала торопиться. Да, дело богоугодное. Но одно дело — взять, другое — растить, год за годом, день за днём. Из чувства долга можно ухаживать, кормить, одевать, учить, но любить — нет. Когда в этом нет обычной родительской радости, а одно лишь выполнение миссии, может довольно быстро наступить физическое и эмоциональное истощение. Кроме того, возникнет естественное при таком подходе ожидание благодарности — от ребёнка, от окружающих, от судьбы. А её может и не последовать, да и результаты «спасения заблудшей души» могут сильно отличаться от запланированных. И тогда родителя охватят разочарование и обида, которые он вольно или невольно будет изливать на ребёнка.

«ЭСТАФЕТА ЛЮБИ»

«Меня когда-то усыновили, и я знаю, что приёмные родители — родители настоящие». Выросшие приёмные дети лишены многих типичных «усыновительских» страхов; кроме того, они могут быть уверены в том, что их решение найдёт поддержку в семье родителей.

Вопрос, который следует себе задать:

■ Готов(а) ли я к тому, что моя жизнь будет развиваться совсем по другому сценарию?

Советы психолога. Сам по себе мотив вполне понятен, это очень естественно — передавать дальше эстафету любви и заботы. Однако важно помнить, что любой приёмный ребёнок — это ребёнок, переживший жестокие удары судьбы: депривацию, или смерть родителей, или даже жестокое обращение. Возможно, благодаря любви приёмных родителей и внутренней

работе самого человека эти душевные раны уже вполне затянулись и не мешают растить детей. Но бывает и так, что боль только дремлет, только кажется забытой, а при встрече с ребёнком, пережившим совсем недавно то же самое, она может вырваться наружу, и вместо уверенного в себе родителя вновь пришедший в семью ребёнок обнаружит перед собой такого же, как он, страдающего сироту. В этой ситуации имеет смысл перед тем, как брать детей, поработать с психологом.

Даже если однажды психологами и будет выведена тайная формула «самой правильной» мотивации, это не избавит ни новоиспечённых родителей и ребёнка от трудностей привыкания, ни сотрудников опеки — от возвратов «не прижившихся в семье» детей, ни психологов — от пациентов в кризисе, не способных справиться с ситуацией и готовых «сдать ребёнка обратно». Потому что не может быть такой формулы. Потому что мотивация, которую способен изложить и озвучить кандидат в приёмные родители, в лучшем случае отразит лишь тот «позыв», который и привёл к конкретным действиям — собрать документы, найти ребёнка, оформить его для устройства в семью... И, конечно, причины, по которым люди приходят к решению о приёмном ребёнке, намного сложнее, чем перечисленные. Одного «позыва» недостаточно, хотя движущей силой может стать любой из них. Важно, чтобы в сложном комплексе мотивации присутствовало два момента: готовность к родительской ответственности и желание помочь ребёнку. И, конечно, трезвая оценка собственных возможностей.

Источник — журнал «Родные люди»

«Родные люди» — журнал для новых родителей, которые любят своих детей независимо от их способа появления в семье. На страницах журнала опытные психологи, юристы и другие специалисты отвечают на самые разные вопросы будущих, состоявшихся и опытных приёмных родителей, а опытные родители делятся своим бесценным опытом.

Информация о подписке на журнал: на сайте родныелюди.рф в разделе Журнал / Подписка
О льготной подписке на комплект из журналов «Защити ребёнка» и «Родные люди» читайте на 3-й странице обложки.

Неля Губочкина

Моя сестра Жизнь

*Автобиографическая повесть в письмах и дневниках***Вместо аннотации**

«Все, что нас не ломает, сделает сильнее», — особенно справедливо это звучит по отношению к Неле Губочкиной — матери, которая одна растит ребёнка-инвалида с детским церебральным параличом (ДЦП). Пережить испытание болезнью ребёнка, потерять мужа, взять на себя уход за мамой в постинсультном состоянии — и остаться интересным человеком, полным энергии, любви, доброты, света и готовым поделиться всем этим с окружающими, — это под силу не каждому! Как жить, чтобы не ожесточиться, не потерять надежду, не опустить руки? Любой человек, прочитавший эту книгу, найдёт в ней ответ и для себя. Ведь жизнь прожить можно не по законам инвалидности и медицинским диагнозам, а вопреки им.

История Нели и Вани — это пример того, как достойно, ценой огромной любви и невероятных усилий, можно поставить под сомнение «прогнозы», преодолеть многие ограничения и проблемы, обусловленные болезнью, можно мечтать, радоваться жизни и верить в будущее. Без веры, надежды, любви и готовности помочь другу даже самые современные медицинские технологии — это всего лишь возможности.

*Профессор В. А. Жеребцова,
директор Тульской областной детской
психоневрологической больницы*

Январь 1996 года

Тула

24 декабря

Я родила сына.

Через сутки мне сказали, что мой мальчик в тяжёлом состоянии, шанс выжить очень небольшой. 4 января нас перевели в отделение недоношенных детей — с надеждой на чудо.

Для городских мам мест в отделении нет. Болтаюсь через весь город в больницу. Под ногами скользко, только бы не упасть и не разбить банку с драгоценным сцеженным молоком. Ежедневно затемно я приезжаю в больницу, чтобы застать ночную смену медсестёр, чтобы услышать хоть что-нибудь обнадеживающее о состоянии моего мальчика. Не хуже, чем вчера. Не лучше, но и не хуже. Значит, есть надежда! Врач устало разводит руками: «Мы делаем всё возможное. Ни туда — ни сюда. Ну что же ты такого нежизнеспособного родила?» Я виновато глотаю слезы.

Вчера дежурная медсестра пожаловалась: «Твой всю ночь орал. Мы не поверили, что это он так громко орёт. Откуда у него только силы взялись так кричать?» Кричи, мой хороший, громче кричи о своей жизнеспособности.

*(Из дневника)***Январь 1996 года**

Новодмитровка — Новосветловка, Украина

Уважаемая Екатерина Пахомовна!

Пишет вам Лена, институтская подруга вашей дочери Нели. Наша с ней переписка прервалась. В последнем письме она сообщила, что ждёт ребёнка. Надеюсь, что всё обошлось благополучно и что ей сейчас просто не до писем. Передайте ей, пожалуйста, что я обеспокоена её молчанием. Она для меня очень дорогой человек, пусть отзовётся.

*Лена***Январь 1996 года**

Новосветловка — Тула

Неля, дорогая моя сестричка!

Твоё затянувшееся молчание заставило волноваться, и не напрасно. Мы давно подозревали неладное, и вот какая новость: преждевременные роды. Ты сейчас должна думать прежде всего о себе. Будет молоко — будет чем кормить малыша. От тебя зависит его здоровье. Семимесячные дети выживают, вырастают и в развитии своих ровесников догоняют. Он у тебя для своего срока родился с хорошим ростом и весом. Уж с каким ты родилась в положенный срок!

Сейчас самое главное, чтобы он стал набирать вес, всё будет нормально. Имя все одобряют, пускай будет Иван. Заберёшь домой, купай в травах — ромашке, мяте, череде. Маму мы откомандируем к тебе.

Недавно я видела сон, в котором получила на почте телеграмму, написанную твоей рукой. Буквы растеклись, как будто от слёз, разобрать можно только три слова: «я родила сына». Бегу через мост и встречаю твою маму и нашу бабушку Таню, ищу в сумке телеграмму и не нахожу.

Береги себя и Ванечку.

Пишу тебе от имени всей родни. Не молчи, пиши, мы все за вас переживаем, целуем, обнимаем. Ты молодец! Ты сделала едва ли не самое главное дело в своей жизни!

Галя

6 марта 1996 года

Тула

Нас выписали из отделения недоношенных детей с весом 2,5 кг, неблагоприятными прогнозами и добрыми пожеланиями...

Даст Бог, всё обойдётся — если из такого сложного состояния выкарабкались.

Мой сын, мой мальчик — это чудо.

(Из дневника)

Март 1996 года

Новодмитровка — Тула

Дорогая Неля!

Я искренне рада тому, что у тебя есть сын.

Я знаю из письма твоей мамы, как нелегко он тебе достался, и всеми силами души желаю, чтобы материнство твоё было только радостным. Чтобы кошмар неизвестности и отчаяния в больничных палатах, через который вам пришлось пройти, стёрся из твоей памяти.

Твой малыш будет расти, наполняя тебя и всё вокруг новым мироощущением.

Весна у нас в этом году ранняя, властвует по-настоящему, хозяйничает на огородах.

Наш Аленёнок целые дни проводит с друзьями на улице, в квартиру не загонишь. И в этом она похожа на Мишу (я в детстве не любила шумные компании).

Миша в силу своей милицейской занятости в хозяйственные наши проблемы вникает только теоретически. Деньги, которые он приносит в семью, достаются ценой больших усилий. Но он так не считает. Он нашёл себя в своей профессии, она соответствует его характеру. Мне остаётся одно: смириться и приучить себя не беспокоиться, если его нет дома. Вот и сейчас он позвонил из дальнего села с предупреждением «не жди», потому что милиция ищет преступников, совершивших «акт вандализма» над памятником Ленину.

Я, наверное, больше, чем мои ученики, жду окончания учебного года. В 9-м и 11-м классах у меня экзамены. Летом планируем съездить на море, к брату в Феодосию, и к Мишиным родителям, в Молдавию.

Мечтаю о встрече с тобой и твоим сыном. Растите, набирайтесь сил.

Лена

Апрель 1996 года

Тула

Потихоньку растём, проблем хватает. Гемоглобин низкий, грыжу в паху обещают прооперировать, как только наберём вес. Ванюшка беспокойный, с рук не спускаю, ничего не успеваю. Но такой хорошенький, такой мой!

Валера, обвязавшись бабушкиным платком, таскает его, как котёнка. Если я колыбельные напеваю, то он их проговаривает речитативом — главное, чтобы уснул.

Наши колыбельные. Ванин требовательный крик. Таков рефрен нашей новой жизни.

(Из дневника)

Май 1996 года

Тула

Получила письмо от Лены. 17 мая погиб Мишка. После первых фраз, после этих слов не смогла сразу прочесть остальное: «Миша был вторым помощником дежурного райотдела. Перед сдачей смены, во время обхода дежурными камер, на Мишкиного напарника набросились два рецидивиста.

Он успел крикнуть: «Миша, помоги!» — и нажать кнопку сигнализации.

Мишка, мой Мишка, он мог остаться жить, он мог броситься не в камеру, где лежал раненый Коля, а наверх, из подвала, к дежурным, за подкреплением. У него не было оружия (по уставу дежурному не положено с оружием спускаться в изолятор временного содержания). От смерти, от вооружённых ножами-заточками бандитов, он был отделён решётчатой перегородкой. Он сделал свой выбор.

Я знаю, что Мишка не мог поступить иначе. Я думала, что знаю Мишу, все его плюсы и минусы. И никого я не знала так мало и не любила так сильно, как его».

Не верится. Пройти Афган, быть со смертью тысячу и один раз на «ты», уцелеть, выжить и после всего — погибнуть на милицейском посту, на обычном дежурстве. Мишка, Мишка. Как же так?

Он не мог не броситься на помощь товарищу. Иначе это был бы не он.

Жизнелюбия в нём было через край, он даже ходил пританцовывая. Неисправимый оптимист. Листаю блокнот времён второго курса, во весь лист записка «Здесь был Миша». Пересматриваю фотографии — студенческие, свадебные, семейные. В них счастья тоже через край.

Здесь был Мишка. Был...

И никуда от этого не деться. И ни о чём другом не могу думать. Всё валится из рук. Я знаю, что говорят в таких случаях. Думаю, что ты, Лена, устала от всех слов, от всехнего сочувствия. Хочется обнять тебя и помолчать.

(Из дневника)

Июнь 1996 года

Тула

Мы одолели пятикилограммовый рубеж, учимся переворачиваться, сидеть.

Ванюшка каждый день — другой, и я хочу запомнить каждое мгновение его роста. У него очень быстро закры-

*...У меня нет
другого выбора,
я не могу быть другой.
Я должна поставить
его на ноги, и я буду
делать всё, что в моих
силах...*

вается родничок (чем это грозит, я ещё пока не знаю и даже боюсь узнать), внутричерепное давление и мышечный тонус повышены. Зубки трогаются с места.

В парке гуляем с Валерой по очереди. На фоне других гуляющих в колясках детей наш — самый несплючий и воплючий. Его ровесники гораздо активнее. Утешаю себя тем, что по части умений и активности мы вскоре их догоним.

Сейчас нам назначили курс массажа в нашей поликлинике.

Сталкиваясь с множеством проблем в пределах вполне благоустроенной квартиры, я всё думаю: как же Лена с Мишей Алёну растили в общежитских условиях?

(Из дневника)

Июль 1996 года

Новодмитровка — Тула

Здравствуй, дорогая Неля!

Твои письма всегда были светлым лучиком в моей жизни, они очень мне нужны, особенно сейчас.

Три недели мы были у Лёни на море. Он приехал и почти силой увёз к себе. Конечно, полноценного отдыха не получилось. Отдыхала моя оболочка, но не душа. Сердце моё как зашло в то страшное утро 17 мая, так до сих пор у меня нет сил даже перевести дух.

Каждодневные заботы, хлопоты заставляют обращать на себя внимание, хочу я этого или нет.

Самое трудное — ночи. Сна нет, тёмное время суток я пропускаю через себя, жду рассвета. День приносит суету, но не облегчение.

13 июля — твой день. Желая поверить в возможность счастья.

Я знаю, что всё счастье мира для тебя сейчас в улыбке твоего Ванюши. Я переживаю за вас, радуюсь вашему росту. С тобой как бы заново переживаю Алёнкин первый год. Трудный, волнительный, но всё равно — самый памятный и самый счастливый год нашей жизни.

Я понимаю твой теперешний ужас перед нашим «экспериментом» — вырастить ребёнка в условиях общежития.

Задним умом и я сейчас удивляюсь тогдашней своей смелости (точнее, глупости).

Но в 20 лет человеку (вернее, двоим влюблённым человекам) море кажется по колено. Трудно было невероятно. Я до сих пор помню ощущение тяжести на плечах в конце каждого дня. Не от физических нагрузок, а от чувства ответственности за этого маленького человечка, сопящего в кроватке. Каждый день — от первого кормления до колыбельной песенки на ночь — был боем. С лекциями, тараканами, микробами, мокрыми пелёнками. Но сильнее всех трудностей было — счастье в бело-розовых пелёнках. Рядом был любимый человек. Ты же помнишь Мишу в роли молодого отца. Он стирал, гулял с Алёной, готовил еду. Я тогда делала только одно — кормила. Лена у меня ела часто (через 1,5–2 часа) и долго (по 30–40 минут). В перерывах я сдавала экзамены и ходила на семинары.

Я тебя очень хорошо понимаю, когда ты пишешь, что хочешь запомнить каждый Ванюшкин день, каждый миг. Говорят, чужие дети быстро растут. Поверь, свои растут ещё быстрее. Ты его фотографируй как можно чаще, это очень важно. У нас есть Алёнкин фотоальбом, и я часто его пересматриваю, ищу в этих снимках душевное успокоение.

Алёнка после поездки на море загорела, подросла, но главное — стала смеяться и дурачиться, как раньше...

Проходит последнее лето её дошкольного детства. Мне надо начинать собирать её в школу, к 1 сентября обещает приехать бабушка Надя. Грустный это будет праздник.

Человек может очень многое выдержать. Жизнь иногда кажется такой невыносимо-сложной. А утешить могут самые простые вещи. Так что держись!

Будет ли твой сынишка достаточно крепким, чтобы вы смогли приехать к маме? Тогда мы обязательно встретимся.

Большое спасибо за фотографию. Твой Иван очень похож на тебя, верно? Такие же упрямые губы, твои глаза. Пусть он во всём будет похож на тебя, только побольше счастья ему в жизни. Мы всегда помним и любим вас, не чаивайтесь, всё будет нормально.

Лена

Январь 1997 года

Тула — Новодмитровка

*Со мною вот что происходит:
ко мне мой старый друг не ходит,
а ходят в праздной суете
разнообразные не те.*

Увы, Ленчик, не те. И людно рядом со мной, и пусто.

Ты прошла такой долгий путь со дня гибели Миши — длиной в полгода, а боль не отпускает, и я не уверена, что ты ждёшь облегчения. Но оно должно прийти, даже когда его не ждут. Для тебя ночь враг, для меня — единственное время суток, когда я могу побыть с собой, не торопясь сделать всё необходимое и просто так — посидеть.

И сны мои какие-то тревожные. И соотношение сна и действительности у меня другое. Мне до сих пор не верится, что в кроватке рядом сопит мой сын, моя радость. Не верится в его страшные диагнозы: ДЦП (детский церебральный паралич), микроцефалия. Всё это как будто не со мной...

К концу первого года жизни у нашего мальчика усилилось мышечное напряжение, косоглазие. Родничок закрылся уже к 9 месяцам, замедлился рост головы, и в целом в развитии он заметно отстаёт от своих сверстников. Самостоятельно не сидит, о стоянии и хождении речи нет. Даже лепета — нет. Надежды на то, что, даст Бог, всё выровняется, что беда пройдёт мимо, не оправдались.

Жаль, что в силу нашего недопонимания проблем, драгоценное время было упущено. А доктора... Нельзя сказать, чтобы изначально не предупреждали, что не видели, в каком направлении идёт развитие. Видели. Назначили массаж и витамины группы В. А к году — госпитализация и диагнозы, один ужаснее другого. Неутешительные прогнозы. Инвалидность.

Спасибо тебе за поддержку. Я не сильная, видела бы ты меня в минуты отчаяния — я выла тихим воем от всего, что обрушилось, от окружающей меня в больнице действительности.

У меня нет другого выбора, я не могу быть другой. Я должна поставить его на ноги, и я буду делать всё, что в моих силах.

Если это мой крест, то хотелось бы нести его достойно. Даже часть этой ноши не переложить ни на чьи плечи, даже самых близких. Кроме меня, никому её не вынести, а я с трудом удерживаю равновесие....

Валера по-своему тяжело переживает. Ничего уже не изменить, не исправить.

Неля

Февраль 1997 года

Новодмитровка — Тула

Дорогая Неля!

Письма наши удивительно созвучны, ты выражаешь недосказанные мной мысли, иногда слово в слово. Это сходство, как видно, — дар судьбы. Она раздает нам свои «милости» поровну. Только лучше бы этот принцип касался

другого — счастья. Когда я стараюсь определить в своей памяти самый счастливый день, то без сомнения отвечаю — день, когда я родила Алёну, и период, когда мы её растили. И заботы о ней были важнее всего. И я даже не могу представить, что же ты пережила, когда узнала о болезни своего сына и поняла, какая ноша обрушилась на твои плечи.

Ты вступила на бесконечно трудную, долгую и сложную дорогу, но есть свет в конце пути, есть надежда и есть смысл, и имя всему этому — Иван.

Я очень надеюсь, что рано или поздно болезнь отступит, что он будет здоров, будет как все.

И очень хочу, чтобы моя надежда укрепила твою.

Лена

13 июля 1997 года

Николаев — Новосветловка

5:00 утра. Свои 30 лет я встречаю на перроне Николаевского вокзала с Ваней на руках. Сошедший с московского поезда народ торопливо расходится по своим маршрутам и адресам в летнюю, погожую рань. Нас почему-то никто не встречает.

Не получили телеграмму? Что-то с машиной? Вокруг меня, как воронье, учуяв добычу, кружат таксисты и предлагают за баснословные деньги довести, куда душа пожелает. Душа желает в родную Новосветловку. Она рвётся туда из последних сил, вместе с радостью, болью. С Ваней.

И когда на глазах уже закипала предательская слеза, я увидела подъезжающий к вокзалу красный «жигулёнок» Горбатуков. Моя самая родная — двоюродная сестра Галя бежит навстречу: «Как? Вы уже здесь?» Оказалось, расписание поезда изменилось (с поправкой — на час раньше). Радость встречи, радость дороги домой. До боли знакомой дороги. Ворохом новости: новосветловские, школьные, домашние, дорожные впечатления. За пять лет здесь почти ничего не изменилось.

*Мне тридцать лет. Мне тысяча столетий...
...Таков я сам. И мне что значат эти
Годов ничтожных призрачные сети,
Ничтожных возрастов земная череда?*

Я — дома. И пока жив этот дом, я в нём буду ощущать себя ребёнком, защищённым от всяческих житейских бурь и невзгод.

(Из дневника)

Сентябрь 1997 года

Новосветловка

Лена, вот и закончились мои каникулы. Пора собираться в дорогу. На сборы осталось десять дней.

Десять дней, чтобы привести в порядок мысли, чувства, настроить себя на ритм другой жизни.

Уезжать не хочется, здесь — мой дом, мои корни, и Ване здесь хорошо.

Я бесконечно благодарна всем и всему в Новосветловке за два месяца чистой, относительно спокойной, душевно тёплой и духовно насыщенной жизни. И родственникам.

И небу, и дождю, и всем знакомым с детства запахам и звукам. Мы сумели наладить свою жизнь созвучно здешней.

Перечитала Лорку, Ахматову, «Мастера», Ремарка. Всё, что случайно попало в руки, оказалось на удивление вовремя и к месту. Чего стоит фраза Ремарка о том, что от оскорбления можно защититься, а от сострадания — нет.

Ещё долго я буду жить отголосками, теплом и светом этого лета, встреч с родными, друзьями и моей Ленкой.

Как хорошо, что ты, Лена, приехала! И после отъезда я мысленно обращалась к тебе и благодарила Бога за то редкое душевное единство, понимание, которое есть у нас.

Неля

Сентябрь 1997 года

Новодмитровка — Тула

Дорогие мои Неля и Ванюшка!

В первый раз обращаюсь к вам обоим сразу, потому что увидела твоего сынишку, его улыбку и капризы, тебя в роли мамы.

Ровно через сутки ты будешь проезжать мимо моей Новодмитровки. Конечно, две минуты стоянки поезда внесут только смятение, мы ничего не сможем сказать друг другу. Но ты увидишь Алёну (как она тебе?), уже в поезде прочитаешь моё письмо.

Ленка моя, пока я была у тебя в гостях, конечно, болела. Она всегда болеет, когда меня нет. Была в восторге от твоих улиток. Когда её ангина прошла, мы уехали в Молдавию. Тяжко мне там бывать без Мишки. Памятник у него будет из белого мрамора, как память — только светлая.

Уже под конец отпуска я принялась за ремонт и к 1 сентября управилась. Всё расставила, развесила, оглянулась — и захотела всё вернуть назад. Жалко до слёз того убогого, но все же родного уюта, который создавали вместе с Мишей. Ещё долго я буду чувствовать себя в своей изменившейся квартире, как не в своей тарелке.

Неотвратимо накатила школа. Пошли уроки и дни один за другим. Через стенку моего кабинета Алёнкин второй класс. Уроки, каждый свои, делаем вместе. Стараюсь ей наглядно показать, что это дело сознательное и обязательное.

Знаешь, какой сегодня день? 16 сентября, день нашей с Мишей свадьбы. 9 лет назад я была счастливой-счастливой. Можно спросить: какое это теперь имеет значение? Я хочу, чтобы это имело значение всегда.

У нас с Алёнкой есть мечта поехать в этот день в Николаев, сходить в зоопарк, по всем нашим памятным местам.

Моя радость сегодня — короткий миг встречи с вами. Езжайте в свою Тулу с улыбкой и надеждой. Всё должно быть хорошо.

Лена

Сентябрь 1997 года

Тула — Новодмитровка

В Тулу мы приехали, а в себя никак не получается. Впечатление такое, что отсутствовали несколько лет, а здесь ничего не изменилось. До боли хочется привести внутреннее и внешнее хоть в какое-то соответствие, а я не знаю — как.

Встреча с вами, мои дорогие Ленки, — единственная радость на пути в Тулу. Две минуты я вас видела, слышала. Непередаваемое ощущение узнавания в Алёнке тебя, Мишки. Спасибо за Алёнкину коляску, мы её успешно освоили.

Письмо смогла прочесть уже ночью, когда уснул Ваня. Он два с половиной часа плакал до рвоты, весь вагон был на ушах. Скорее всего, так мучительно лезут очередные зубки. Остальную часть пути был капризно-сонным и неуправляемым. Таким и привезла я его домой.

Встретили нас папа с бабушкой. Ваня за два месяца забыл его, и сейчас они восстанавливают отношения.

Дом, в котором мы живём, в котором растёт Ванюшка, производит впечатление временного, необустроенного жилища.

В глаза бросается необходимость ремонта и отсутствие мебели.

Жизнь застыла на какой-то драматической ноте. Ни сил, ни времени что-либо изменить. Как ни стараюсь «надышать» — ни тепла, ни уюта. Стены тут ни при чём.

Твоя ностальгия по «доремонтному» уюту очень понятна. Всё не могло остаться по-прежнему. Всё, что свершилось, — веление времени. Которое одно умеет утешить и поставить всё на свои места. Предметы, что ни говори, — имеют свой тайный смысл и доверяют его не каждому.

Неля

Октябрь 1997 года

Тула — Новодмитровка

Лена, я получила твоё письмо по пути в санаторий. И уже ничто не могло испортить настроение: ни ветер с дождём, ни отсутствие транспорта, ни Ванькина капризность с непосидючестью.

Самое главное сейчас — санаторий.

За плечами две недели, и ещё две впереди. А самое трудное — дорога туда и обратно.

От санатория я ожидала большего, но назначили нам всего три процедуры: прогревание парафином (руки-ноги), массаж и гимнастику. Впереди ещё консультация ортопеда и новые лангеты.

Надеюсь, что всё это поможет. И даже если всё, что я делаю, я делаю для собственного успокоения, как говорит Валера, оно того стоит. Надежда дорогого стоит.

Рядом и вокруг нас дети с таким же диагнозом ходят, бегают, болтают. Есть ситуации и гораздо сложнее, чем наша. Ловлю себя на том, что мне неловко перед мамами «трудных» детишек, я не могу смотреть им в глаза без сострадания, которое (я это точно знаю) со стороны — невыносимо! Мне никогда в жизни не забыть глаза этих матерей и их детей.

Погода явно не благоприятствует нашим прогулкам в другой конец города. В конце октября пришла зима. За окнами — снег и «вороны под снегопадом». Они совершенно обалдели от капризов природы и сидят чёрными нахолившимися тучами на деревьях. Доедают остатки яблок. Рядом с нашим многоэтажным муравейником частный сектор: деревянные домики со ставенками, садиками. Всё это великолепие с окошка 8-го этажа кажется нарочно брошенным нам под ноги — для утешения, чтобы было на что глаз положить и тихо порадоваться...

Мы купили себе новую музыкальную игрушку — маленький радиомонофон. И теперь исключительно все стороны нашей жизни сопровождаются музыкой, самой разноплановой. Ване проигрыватель ближе и дороже, требует включить «большую» музычку и рад ей несказанно. Я же, услышав что-нибудь из времён детства, юности, — таю и радуюсь не меньше Ваньки.

В общем — «жить стало лучше, жить стало веселее», а с чашечкой кофею, растворяющего в себе и усталость, и дурное настроение, согревающего душу, — вполне терпимо.

Вечерами, в часы принадлежности себе, закрываю глаза на быт и вяжу Ване свитерок со снеговиками. Хотя бы несколько часов «в отъезде» от действительности!

Наши полуавтоматические будни скрашивает общение с соседками. Круг общения сузился до точки. Этого вполне хватает. На большее и качественно другое общение у меня просто нет сил и времени. Для многих малознакомых людей я пример страшного жизненного невезения, пример, достойный сострадания (перед которым я так беззащитна!). На моём фоне их собственное зыбкое благополучие кажется таким основательным!

То, что ты пишешь о школе, я очень хорошо понимаю изнутри. Сама при нехватке и перераспределении часов оказалась не у дел, в маминной школе ситуации похожи до мелочей. В школу я, наверное, не вернусь. Вряд ли я смогу общаться с вполне здоровыми детьми и их родителями. Есть такое ощущение, а как на самом деле сложится — не знаю. Сейчас всё это ещё очень далеко — там, за гранью возможного.

А здесь, на грани раздражения, когда укачивание под песни и пляски длится больше часа, когда еда выплёскивается и размазывается, когда «драка так и лезет из меня», я напеваю: «держи меня, соломинка, держи». Самое главное — не жалеть себя, а вовремя посмеяться, даже сквозь слёзы. Видели бы вы, как я изображаю разное зверьё, ползая на четвереньках под столом и вокруг Ванькиной коляски. Ване нравится. Кот в полном обалдении. Папа в недоумении.

А ещё я не люблю выходные, праздники и понедельники.

В эти дни не работает почта и писем не принесут. Ожидание писем делает приятным наш выход при любой погоде. В буднях, делах и заботах нам легче дышать.

Утро начинается с Ванькиной сонной улыбки или капризно-требовательного мычания.

Потом — чашка кофе, потом — пошло-поехало. Главное — наполнить утро ожиданием чего-нибудь приятного и сохранить это ощущение днём. Сохранить бы его вообще, хоть на сколько-нибудь, моя соломинка.

Возвращаясь в общежитское. Лена, жива ли хоть в лоскутном варианте твоя полосато-банановая пижама? Хоть бы на часок — туда. Как блаженное вспоминаю время нашего студенчества: наш зонтик, наши песни под гитару, стихи Цветаевой и Евтушенко, «Юнону и Авошь»...

И необыкновенную лёгкость в общении со всеми; и непозволительную наивность в жизненно важных вопросах («Люди добрі! Та чоґо ж це так?!»). И невероятно розовые очки насчёт перспектив, будущего. Как же мы были счастливы, как не понимали, не ценили этого. Как и сейчас не ценим.

Держи. Держись. Пиши. Уже 2 часа ночи. 30 октября. Зима.

Неля

Ноябрь 1997 года

Тула — Новодмитровка

25 ноября Ванину грыжу в паху прооперировали, а 27-го уже выписали домой. Через неделю снимут швы. Перенёс он это всё неплохо. Мой же организм отреагировал на напруг самым подлым образом — головной болью до рвоты.

Потом бдение с термометром, прислушивание: как дышит?

Сколько их ещё впереди, испытаний?

Из больницы с ребёнком, коляской, сумкой добиралась самостоятельно троллейбусом. Еле как дотащились, а в почтовом ящике — сюрприз!

Лена! Ты на самом деле помогаешь мне выстоять, выжить. Моя благодарность и обращённость к тебе безграничны. Мысленно я очень часто с вами. Видимо, сложность переживаемого обостряет нашу потребность в общении и чувствование друг друга в такой степени.

Сказать себе — прошлого, как и будущего, нет — легко. Гораздо сложнее жить сегодняшним, которое не имеет вкуса, цвета и запаха, без дополнений из воспоминаний и мечтаний. Очень важное, до конца не понятое осталось там, в прошлом, и даже всё болезненное в нём притягательно.

Мы пытаемся сложить всё разбитое в одно понятное, цельное, ясное. И без этого нет движения вперед. Есть бег на месте, ото всех, от себя.

Перечитываю твои письма — как ленту кино прокручиваю, самые важные фрагменты твоей жизни у меня перед глазами. Неизбежность понять невозможно.

По-новому переживала моменты роста Алёны, погружалась в твоё «милое и ужасное» прошлое, ловила отголоски своей жизни.

Похоже, 1993 год был переломным в наших судьбах. Начиная с этого времени, всё меняется со знаком минус. Как будто в нём была заложена мина замедленного действия, которая рванёт в 1995-м, 1996-м.

Лена, хотела бы ты перечитать свои письма? Я могла бы передать их тебе при встрече (с условием возврата). Куда бы меня ни забросила судьба, я буду их хранить как самое дорогое, что у меня есть.

Ты спрашиваешь о Валере. Работает в гимназии. Это не совсем то, чего бы ему хотелось, но это даёт возможность прокормить семью. Уходит на службу утром, возвращается вечером — никакой. Болеет, устаёт. Намечаются подработки ещё в двух местах.

Ребёнок — это и радость, и испытание семьи на прочность. Больной ребёнок — сугубое испытание. Другие стороны отношений — всё остальное за пределами того, что нам дано, — уже такие мелочи.

Иногда эти «мелочи» переживаются остро и болезненно. Важно не то, что он говорит в состоянии усталости и раздражения, а то, что он делает для нас. А не уважать его за эти усилия невозможно и не жалеть — невозможно.

Неля

Продолжение в следующем номере

Подписка-2012

На журнал «Защити ребёнка» теперь можно подписаться и через редакцию — через благотворительный фонд «Родные люди»

Стоимость одного номера при подписке через редакцию **129 рублей.**

Вы можете также оформить подписку на электронную версию журнала: стоимость одного номера в этом случае составит **89 рублей.**

Специальное предложение!

Совместная акция журналов «Защити ребёнка!» (выходит 4 раза в год) и «Родные люди» (выходит 6 раз в год). Вы можете оформить подписку на оба издания по льготной цене! В этом случае каждый номер журнала (печатная версия) будет стоить:

~~159 р.~~
139 р.

~~129 р.~~
119 р.

Для оформления подписки заполните и оплатите прилагаемую квитанцию.

Для оформления годовой подписки на журнал «Защити ребёнка» впишите наименование платежа «Подписка на журнал "Защити ребёнка" на 2012 год» и сумму **516 рублей** (печатная версия) или **358 рублей** (электронная версия).

Для оформления льготной подписки на два журнала — «Защити ребёнка» и «Родные люди» — впишите наименование платежа «Подписка на журналы "Защити ребёнка" и "Родные люди" на 2012 год» — и сумму **1 310 рублей** (печатная версия) или **1 130 рублей** (электронная версия).

Извещение	Форма № ПД-4		
	Благотворительный фонд содействия развитию форм семейного устройства и социальной адаптации детей-сирот «Родные люди» (наименование получателя платежа)		
	7726371343/772601001	40703810797450000002	
	(ИНН/КПП получателя платежа)		(номер счета получателя платежа)
	Московский филиал ОАО АКБ «РОСБАНК» (наименование банка получателя платежа)		
	БИК 044552272	30101810200000000272	
	(БИК банка получателя платежа)		(№ кор. сч. банка получателя платежа)
	Ф.И.О. плательщика _____ Адрес плательщика _____		
	(наименование платежа)		
	Дата:	Сумма платежа:	р. к.
Плательщик (подпись)			
Квитанция	Форма № ПД-4		
	Благотворительный фонд содействия развитию форм семейного устройства и социальной адаптации детей-сирот «Родные люди» (наименование получателя платежа)		
	7726371343/772601001	40703810797450000002	
	(ИНН/КПП получателя платежа)		(номер счета получателя платежа)
	Московский филиал ОАО АКБ «РОСБАНК» (наименование банка получателя платежа)		
	БИК 044552272	30101810200000000272	
	(БИК банка получателя платежа)		(№ кор. сч. банка получателя платежа)
	Ф.И.О. плательщика _____ Адрес плательщика _____		
	(наименование платежа)		
	Дата:	Сумма платежа:	р. к.
Плательщик (подпись)			
Кассир			

Оплатив квитанцию на нужную вам сумму, сообщите нам о дате и сумме оплаты по электронной почте subscribe@mydears.ru. В теме письма укажите «Подписка-2012».

В письме сообщите также точный почтовый адрес с индексом, ФИО получателя журнала и e-mail, на который вы хотели бы получать на электронную версию журнала. Или позвоните нам по телефону (495) 720-60-55.

По вопросам получения вышедших ранее номеров обращайтесь по адресу subscribe@mydears.ru или по телефону (495) 720-60-55.

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ АДРЕСОВАН ВСЕМ, КТО ПО ДОЛГУ СЛУЖБЫ ИЛИ ПО ВЕЛЕНИЮ ДУШИ БЕРЁТ НА СЕБЯ ЗАБОТУ О РЕБЁНКЕ, ПОПАВШЕМ В БЕДУ

В журнале освещаются вопросы практической защиты тех прав детей, которые очерчены рамками «Конвенции ООН о правах ребёнка», ратифицированной Россией:

- право на семью (развитие форм семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, — опеки, усыновления, приёмной семьи, патронатной семьи и др.);
- право на выживание и здоровое развитие, на отдых и досуг, на участие в культурной жизни;
- право на родные язык и религию;
- право на образование;
- право на жилище;
- право на защиту от жестокого обращения, помощь пострадавшим от всех видов физического или психического насилия;
- право на защиту от сексуальной эксплуатации и совращения;
- права воспитанников сиротских учреждений;
- права выпускников сиротских учреждений;
- право детей-инвалидов на заботу и защиту со стороны общества;
- права детей, совершивших преступления;
- права детей беженцев и мигрантов;
- правовое воспитание детей, включая воспитание толерантности.

Мы не декларируем эти права, а ищем пути их практического обеспечения. Прослеживая выполнение или невыполнение этих прав, мы постоянно осуществляем мониторинг российского детства и через журнал знакомим с результатами читателей.

Подписной индекс **37298** по каталогу Роспечати.
Можно подписаться на один кварталный номер
до 10-го числа последнего месяца каждого квартала.

На наших страницах выступают юристы, правозащитники, психологи, педагоги, социальные работники, врачи, сотрудники прокуратуры, милиции, органов ЗАГС, судьи и адвокаты, журналисты, писатели, политики и, конечно, родители и сами дети. Наша задача — объединить их усилия, вооружить читателей правовыми знаниями, сделать журнал центром информации и обмена опытом. Ведь не только бюджетные деньги сейчас нужны детям. Мы стараемся максимально помочь нашим читателям в их борьбе за детские права, постоянно разъясняя, как лучше воспользоваться уже существующими законами, и обсуждаем вместе с ними готовящиеся к принятию. Журнал получает информацию из первых рук от региональных уполномоченных по правам ребёнка и постоянно отражает на своих страницах их деятельность. Журнал сегодня — это центр действенной помощи детям-сиротам, детям-инвалидам, бездомным детям, детям-беженцам и мигрантам, наркоманам и алкоголикам, детям, пострадавшим от насилия, малолетним правонарушителям, находящимся в спецшколах и колониях. На страницах журнала публикуется опыт и других стран и международных организаций по защите прав детей, применимый к условиям России, в частности материалы ЮНИСЕФ и Совета Европы.

Нашими подписчиками являются государственные органы, занимающиеся проблемами детей в сфере образования, здравоохранения, социального обеспечения и культуры, сотрудники пенитенциарных учреждений, органов внутренних дел, общественные организации, работающие на благо детей, органы опеки, библиотеки, школы, детские сады, сиротские учреждения и, конечно, родители и дети-подростки. Наш журнал — для неравнодушных, бескорыстных и энергичных, понимающих, как опасна сложившаяся ситуация с детством для будущего России и для каждого из нас.

